

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

№ 6 • 2012 • НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая теория

- Колесов В.П. Назревшие проблемы модернизации высшей школы. 3
- Иванов В.В. Нормы кооперации и функционирование государства . . . 19
- Мусаев Р.А., Суворов П.А. Методологические основы применения метода «затраты—выпуск» для оценки эффективности мер государственного регулирования экономики 29
- Коваленко А.А. Новый подход к управлению инновациями 39

Экономика зарубежных стран

- Чугаева Л.С. Методы государственного регулирования рынка венчурного капитала в развитых и развивающихся странах на примере США, Бразилии и России 47

Отраслевая и региональная экономика

- Маньков В.С. Демократизация местного самоуправления и электронное правительство 58
- Лямина Т.Б. Методы экологизации землепользования в России . . . 67
- Лапин А.Е., Санникова Ю.С. Факторы рецессии в региональной экономике. 77

Научная жизнь

- Зяблюк Р.Т., Титова Н.И. Межотраслевой баланс на основе модели В.В. Леонтьева и проблемы воспроизводства в экономике России 85

Критика и библиография

- Слудковская М.А. Финансовая наука в Санкт-Петербурге: Исторические очерки 106

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика» в 2012 году. . . 117

CONTENTS

Economic Theory

- Kolesov V.P. Acute Problems of Modernization of the Higher School . . . 3
Ivanov V.V. Norms of Cooperation and Functioning of Government . . . 19
Musaev R.A., Suvorov P.A. The Methodology of Using Input–
Output to Assess the Efficiency of Government Regulation of the
Economy 29
Kovalenko A.A. The Activity Approach to Innovation Management . . . 39

Economy of Foreign Countries

- Chugaeva L.S. Methods of State Regulation of the Market of the
Venture Capital in Developed and Developing Countries on the Ex-
ample of the USA, Brazil and Russia 47

Branch and Regional Economy

- Mankov V.S. Democratization of Municipal Government and Elec-
tronic Government 58
Lyamina T.B. Methods of an Ecologization of Land Use in Russia 67
Lapin A.E., Sannikova Y.S. Recession Factors in Regional Eco-
nomy. 77

Scientific life

- Zyablyuk R.T., Titova N.I. Intersectoral Balance on the Basis
of W.W. Leontief's Model and a Reproduction Problems in Economy
of Russia. 85

Critique and Bibliography

- Sludkovskaya M.A. Financial Science in St. Petersburg: Historical
Sketches. 106

- Index of Articles and Materials, published in the magazine «Vestnik of Mos-
cow University. Series 6. Economics» in 2012. 117*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В.П. Колесов¹,

докт. экон. наук, профессор декан экономического ф-та МГУ имени
М.В. Ломоносова

НАЗРЕВШИЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В статье рассмотрены проблемы обновления содержания и структуры, образовательных технологий и материальной базы высшего образования России, а также некоторые институциональные изменения.

Ключевые слова: высшее образование, модернизация, обновление, содержание, структура, образовательные технологии.

The mostly education acute problems of modernization of the higher in Russia are: the renew of the content and the structure of education, educational technology and facilities of higher school. The institutional aspects are also considered.

Key words: higher education, modernization, the content, the structure, the educational technology.

В последнее время общепринятым стало мнение, что поступательное развитие страны в ближайшее десятилетие возможно лишь при отказе от исчерпавшей себя сырьевой модели и переходе экономической политики на постиндустриальную стадию развития. Наиболее привлекательный образ этой стадии ассоциируется с понятием «общество знания» и соответствующей ему экономикой знания, в которой знание становится определяющим фактором и основным ресурсом социально-экономического развития. Прогресс к такому обществу предполагает всестороннюю модернизацию страны. Сама постановка задачи модернизации прежде всего касается высшего образования, призванного готовить новые кадры. В связи с этим высшее образование для выполнения роли катализатора модернизации должно само значительно обновиться.

Наиболее заметной тенденцией в развитии высшего образования в предыдущие два десятилетия стал его количественный рост. В последние годы советского периода перед ним ставилась задача увеличить доступность образования путем доведения числа студентов до 270 человек на 10 тыс. населения. В годы рыночной трансформации без всякого участия государства эта численность достигла 493 человек² (2010 г.), выведя страну по данному показателю

¹ Колесов Василий Петрович, тел.: +7 (495) 939-34-95; e-mail: dean@econ.msu.ru

² Вместе со студентами техникумов на базе среднего школьного образования — 519 человек.

телю на передовые позиции в мире. Однако рост не был связан с экономическим подъемом и пришелся как раз на годы рыночной трансформации, когда показатель объема ВВП снизился на 40%. В условиях массовой безработицы и падения рыночного спроса на специалистов главной причиной роста числа студентов стал мощный социальный спрос на высшее профессиональное образование и сложившаяся практика отсрочек от призыва в армию. По социологическим опросам того периода, большинство семей и сами вчерашние школьники рассматривали поступление в вуз как единственный путь социального и профессионального продвижения.

Государство и постоянно реорганизуемое министерство науки не смогли должным образом ответить на этот социальный запрос. В известном смысле, они, наоборот, стимулировали спрос, продолжая вести устаревшую практику бюджетного финансирования под «номенклатуру специальностей» и соответствующие «планы набора» (сегодня — контрольные цифры). В то же время при попустительстве государства и министерства науки, ради получения внебюджетных денег открывались сотни филиалов и непрофильных факультетов, а также частных учебных заведений. Только в 1990–1999 гг. количество вузов в стране возросло на 83%, численность студентов — на 44%, а профессорско-преподавательского состава — на 36%. За все послесоветские годы (до 2010 г. включительно) число студентов выросло с 2,8 до 7,0 млн, т.е. в 2,5 раза (рис. 1–3). Сегодня вузы ежегодно предлагают больше мест для поступления, чем число оканчивающих среднюю школу.

Возросшая доступность высшего образования не сопровождалась расширением возможностей профессионального продвижения

Рис. 1. Численность и процентное соотношение государственных (муниципальных) и негосударственных образовательных учреждений высшего профессионального образования

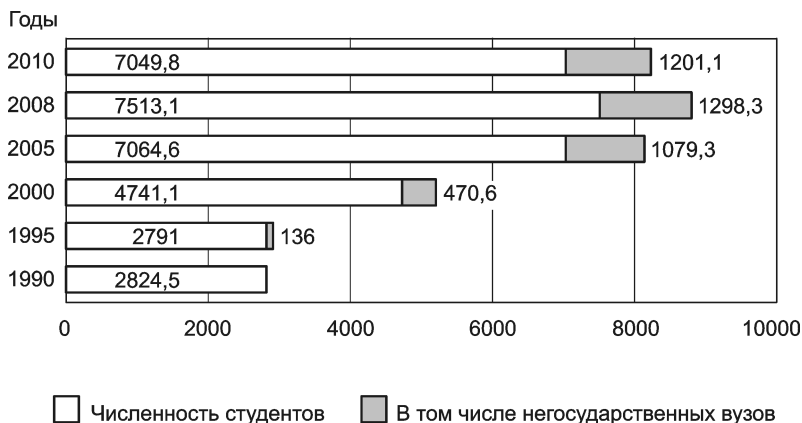

Рис. 2. Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования (тыс. человек)

Рис. 3. Прием и выпуск студентов в государственных и негосударственных вузах

новоиспеченных дипломников. При сложившейся номенклатуре из более чем 550 узких, нередко устаревших, специальностей, достичь чего-либо выпускники могли единственным способом: получить любой диплом государственного образца безотносительно к специальности, а затем через систему второго высшего или дополнительного образования адаптироваться к рынку. 80% выпускников вузов (и до 50% выпускников военных вузов) не шли на работу по полученной специальности, так как она их не интересовала в большинстве случаев с самого начала.

Высшее образование в 2009 г. охватывало более 70% населения, относящегося к возрастной когорте 17–22 года. Оно стало массовым и в значительной мере перестало быть профессиональным, превратилось в большинстве случаев в общее высшее образование.

Низкий уровень финансирования неизбежно приводит к снижению величины расходов на одного студента (до уровня 40% от средних расходов по странам ОЭСР), а следовательно, и к снижению качества подготовки. Снижение качества подготовки связано с невысоким уровнем оплаты труда преподавателей (компенсировалось нередко подработками в других вузах) и их социального статуса, что препятствует притоку на работу в вузы молодых и талантливых людей, а также с сокращением исследовательской деятельности вузов, устаревшим учебным оборудованием, отсталостью материальной базы и ее технического оснащения, социальной инфраструктуры вузов. В меньшей мере, чем уровень финансирования, низкое качество вузовской подготовки объясняется слабой мотивацией студентов к учебе. Будучи рациональными молодыми людьми, многие из них не считают возможным тратить энергию и время на изучение того, что не станет их профессией. Кроме того сам рынок дает весьма общие сигналы относительно требуемого уровня, качества и профилей подготовки, поэтому вузы руководствуются собственными устаревшими представлениями на этот счет. Не способствует улучшению качества подготовки и рост удельного веса обучающихся по заочной форме (50% в 2010 г.), появление многочисленных филиалов (1668 в 2010 г.), новых вузов и непрофильных факультетов в старых учебных заведениях, учебные программы которых осуществляются в основном за счет совместителей.

Немаловажной причиной снижения качества вузовского образования является снижение уровня подготовки школьников на входе в систему высшего образования. Началось это снижение в годы болезненной адаптации школы к резко изменившемуся государственному и экономическому строю страны (1990-е гг.). Снижение уровня школьной подготовки является также следствием поспешной массовизации среднего образования. Вполне назревший к концу 1960-х гг. переход ко всеобщему среднему образованию был осуществлен по решению XXIV съезда КПСС в 1971 г. в короткие сроки как политическое и идеологическое мероприятие. Если в большинстве западных стран переход ко всеобщему среднему образованию осуществлялся в течение двух-трех десятилетий и законодательно оформлялся как обязанность молодого гражданина находиться в школе до 16 или 17 лет, то в нашей стране он быстро превратился в гонку за увеличением и доведением до максимума процента выпуска обладателей аттестата зрелости. В условиях отсутствия единой национальной системы оценивания знаний вы-

пускников и партийно-советского давления за увеличение этого показателя и началось снижение качества школьного образования. Необходимого ресурсного, кадрового и методического сопровождения для такого перехода практически не было. Учителя, прежде уделявшие основное внимание талантливым и трудолюбивым школьникам, вынуждены были переключать внимание на тех, кто не хотел учиться. Отчисления за неуспеваемость и второгодничество не поощрялись, ежегодные переводные экзамены были отменены, а выпускные — сокращены и упрощены.

Практически на этот же и чуть более поздний периоды пришлось и другие плохо продуманные и поспешные реформы школьного образования. Достаточно отметить «фундаментализацию» школьного образования, направленную по замыслу на изучение фундаментальных основ научного знания, а на деле обернувшуюся наукообразием в изучении школьных предметов и перегруженностью их большим числом разрозненных частных научных сведений. Сегодня трудно дать рациональное объяснение попыткам реформаторов навязать обязательное изучение научных основ школьных дисциплин всем школьникам, значительная часть которых не готова к этому. Если бы не было всеобщности среднего образования, они скорее бы выбрали альтернативные варианты подготовки к миру труда. Были и другие эксперименты: политехнизация, профессионализация, ввод-отмена одиннадцатилетки и т.д. Таким образом, устойчивая тенденция снижения качества среднего образования началась давно и носит неслучайный характер.

Массовое и снижающееся по качеству среднее образование сделало лишь вопросом времени массовизацию высшего образования, с которой связаны проблемы социализации, качества образования, соответствия запросам рынка труда и др. Снизившийся уровень подготовки на входе в систему высшего образования усложнил задачи высшего образования.

Высшее образование в современном обществе призвано выполнять две миссии: социализацию молодежи и профессиональную подготовку, т.е. подготовку гражданина и подготовку специалиста. Не выполняя в должной степени функции подготовки к миру труда, оно не может в полной мере готовить подрастающее поколение к жизни в усложняющемся обществе в качестве его активных и созидательных граждан. Поэтому при всей важности задачи социализации высшая школа должна быть сегодня в первую очередь ориентирована на достижение нового качества профессиональной подготовки. Для этого высшее образование должно развиваться по нескольким направлениям: обновление содержания и методов (технологии) обучения, структурные, институциональные преобразования, изменение практики финансирования и управления вузами.

Что касается главного направления — обновления содержания и способов обучения, — то, во-первых, должен быть правильно понят и внедрен принцип непрерывности образования на протяжении всей жизни человека. Этот принцип впервые был провозглашен почти полвека назад и неоднократно был в центре внимания многочисленных, в том числе и международных, публикаций и конференций. Однако у нас в стране он трансформировался в идею дополнительного послевузовского образования, не затрагивающего базового высшего образования. Между тем идея пожизненного образования касается базовой подготовки специалистов любого профиля. Лавинообразный рост объемов знаний их быстрое устаревание, развитие способов их передачи, а также сокращающийся жизненный цикл многих профессий на рынке труда и появление новых профессий сделали невозможным раз и навсегда подготовить человека к профессиональной деятельности, как это было в недавнем прошлом. По этой причине бесперспективным стал специалитет. В обществе появился запрос на выделение базовой подготовки с разбивкой ее на отдельные циклы. Циклу общей профессиональной подготовки стал соответствовать бакалавриат, а углубленной и специализированной — магистратура. В европейских странах давно существовал первый двухлетний период обучения. После присоединения к Болонскому процессу эта традиция была закреплена путем выделения в качестве университетской квалификации двухлетней подготовки *Foundation degree*. Но и без выделения этого двухлетнего периода базовое образование мыслилось как часть и стартовая основа дальнейшего обучения, не претендующая на исчерпывающую полноту и завершенность. Между тем во многих наших вузах, особенно со сложившейся практикой выпускающих кафедр, преподавательский корпус по-прежнему руководствуется принципом «вложим в голову студента все, что знаем сами». Проявлением невнимания к необходимости формирования у студентов базового ядра знаний во многих вузах также является стремление обеспечить работой всех преподавателей существующих кафедр, ведущее к перегрузке студентов из-за иррационально большого числа обязательных курсов. Сложилась своеобразная система перепроизводства невостребованных знаний, затратная и расточительная. Поэтому формирование достаточного по объему и оптимального по набору дисциплин базового уровня подготовки является важнейшей задачей обновления вузовской подготовки.

Во-вторых, тесно связано с задачей обновления содержания и способов обучения изменение способов преподавания или модернизация технологии обучения. В процессе получения образования на базовом цикле студент должен не только получить новые зна-

ния, но и научиться учиться. Известно, что сложившаяся в образовательной системе классно-урочная форма обучения и ее разновидность в высшей школе в виде лекционно-семинарских занятий хорошо отвечали задачам пассивной передачи информации и усвоенных знаний, проверка которых подкреплялась периодически на экзаменационных сессиях. Сегодня в обучении важен не столько процесс запоминания, сколько размышления и поиска решения. Как пишет Г.А. Лукичев: «Быстрое устаревание приобретенных знаний ставит на повестку дня необходимость переноса акцента в подготовке кадров с методик освоения массивов формальных знаний на привитие культуры саморазвития, методов и подходов наращивания актуальных знаний и умений, т.е. инструментов непрерывного образования. В результате появляется качественно новый продукт образования — хорошо обучающийся профессионал»³.

В-третьих, новое содержание и новые подходы к обучению должны быть связаны с формированием у выпускников профессиональных компетенций, т.е. способности применения полученных знаний для решения конкретных производственных, управленческих и иных задач. Продвижение в этом направлении также возможно при постоянной актуализации набора фундаментальных и прикладных знаний, широком использовании интерактивных методов обучения, организации эффективных практик и стажировок, взаимодействии с работодателями, учете запросов рынка и переработке учебных программ в соответствии с происходящими на нем изменениями. По словам Т.Л. Ищука, сегодня «на смену парадигме знаний приходит парадигма дееспособности»⁴, предполагающая наряду с профессиональными компетенциями целый ряд универсальных компетенций и ценностных ориентаций: владение универсальными способами деятельности, коммуникативными навыками, навыками коллективного труда, специфическими навыками учебного труда (способность к самообразованию и эталоны социальной жизнедеятельности (воспитанность)).

Второе направление обновления — структурные изменения. Наиболее важные из них — многоуровневое образование, дифференциации вузов и структуры готовящихся кадров.

Существует мнение, что многоуровневая подготовка связана с Болонским процессом. Даже если бы это было так, ничего предосудительного в этом не было бы. Изменения, предлагаемые в рамках процесса, вполне могли бы быть приняты в качестве программы

³ Лукичев Г.А. В поисках эффективного взаимодействия высшего образования и работодателей // Экономика образования. 2005. № 4. С. 8.

⁴ Ишук Т.Л. Трансформация содержания высшего образования в экономике знаний // Экон. образование. 2010. № 5.

реформ нашего высшего образования, доморощенный вариант которой в течение полутора десятков лет ничего внятного, кроме ваучеризации образования, не предлагал. В конце концов, гумбольдтская модель тоже пришла из Европы. Но переход к двухступенчатой системе начался еще в советское время при министре Г. Ягодине (т.е. за десять лет до старта Болонского процесса) и был приостановлен с началом рыночных преобразований, когда вузы переживали тяжелые времена и вынуждены были выживать. Большая часть нормативной базы двухуровневой системы была разработана в это же время. Переход давно назревал и отвечал внутренним потребностям развития. Есть множество аргументов в пользу такого перехода, но из соображений краткости изложения отметим, что в самом общем виде выделение магистратуры в качестве отдельной ступени в условиях массовизации высшего образования связано с необходимостью сохранения подготовки профессиональной элиты: исследователей, конструкторов, творцов. Без них невозможна модернизация страны. В условиях индустриализации профессиональной элитой были фактически все обладатели дипломов о высшем образовании, сегодня на эту роль могут претендовать лишь обладатели дипломов постбакалаврского уровня. Переход к двухступенчатой системе подготовки кадров — важнейшее направление модернизации высшего образования. Сегодня он становится реальностью и важно, чтобы он не был скомпрометирован амбициозными намерениями открыть подготовку кадров высшей квалификации не подготовленными для этого вузами. Основания для опасений на этот счет вполне реальны, так как во многих вузах еще не сложилось понимание перехода к уровневой подготовке как изменение идеологии образовательного процесса, где обновление содержания и технологии обучения, введение ступенчатости и других сроков обучения взаимосвязаны в контексте пожизненного образования. Часто в поле зрения попадают лишь сроки, под которые вузы пытаются механически подогнать старые программы подготовки специалистов. При этом, например, сокращение срока обучения с 5 до 4 лет, отводимых на подготовку бакалавров, нередко трактуется как желание государства на 1/5 удешевить обучение. Иное понимание характера модернизации высшего образования означает необходимость для каждого вуза заново ответить на следующие вопросы: во-первых, чему и как учить, а во-вторых — сколько учить. Конечно, легче поддаться соблазну решить проблему привычным еще с 1990-х гг. лоббированием с подключением административного ресурса. Хочется надеяться, что Министерство образования и науки не проявит повторно слабости 1990-х гг. и противопоставит такому лоббированию строгие критерии лицензирования программ подготовки.

Дифференциация вузов также относится к важнейшим структурным изменениям при модернизации высшего образования. Наследие прошлого хорошо известно: существовало статусное равенство всех вузов, закрепленное правом выдавать дипломы единого государственного образца. Выделялись в этой массе лишь вузы, завоевавшие авторитет лучшей подготовкой кадров. В годы перехода к рынку и смены государственно-политического устройства многие вузы не устояли перед соблазном попытаться поднять авторитет путем самовольной смены формального статуса. В 2009 г. в стране было 345 университетов, 177 академий и меньше всего — 140 — институтов. Свидетельством непродуманности и поспешности таких перемен являются парадоксальные названия типа «университет текстиля», «университет леса» или несоответствие названия типу заведения (финакадемия или высшая школа экономики с приставкой ГУ). Дифференциация должна отражать реальный флагманский статус наиболее продвинутых вузов и их особую роль в развитии страны и регионов. В соответствии с таким подходом в последние годы два ведущих университета страны (МГУ и СПбГУ) были выделены в национальные университеты, созданы 7 федеральных университетов, 29 вузов получили статус национальных исследовательских университетов. Эти вузы первыми получают право выдачи собственных дипломов, и от них в первую очередь ждут оживления инновационной активности. Думается, что процесс дифференциации будет продолжен и удастся избежать монопольного закрепления за ведущими вузами отдельных привилегий, способных затормозить складывающуюся реальную конкуренцию между высшими учебными заведениями.

В интересах модернизации экономики страны следует изменить структуру подготовки кадров по направлениям, группам специальностей и отраслей науки. О необходимости изменений здесь свидетельствуют например такие данные: в рамках специалиста в 2010/11 учебном году из 6,3 млн студентов физико-математическим наукам обучалось 50,2 тыс., естественным — 65,1 тыс., экономике и управлению — почти 2,4 млн. Учитывая инерционность структуры, трудно рассчитывать на эффективность ее рыночного регулирования. В интересах модернизации страны государство обязано гармонизировать социальный спрос населения и рыночное регулирование, используя имеющийся у него немалый арсенал средств непосредственного (госзаказ, дифференциация стипендий, уточнение обязательств обучающихся на бюджетной основе студентов и др.) и косвенного воздействия через структурную и промышленную политику.

К структурным преобразованием вплотную примыкают многие назревшие институциональные изменения. В широком смысле —

это обновление институтов, норм и правил в высшем образовании. Также из соображений краткости остановимся лишь на некоторых из них.

Статус вуза. Долгое время автономию имели лишь немногие вузы (как правило, в урезанном виде и применительно к академическим вопросам). В административно-финансовом плане централизация была более жесткой, чем, например, зависимость предприятия от Госплана в советское время. В сочетании с ограниченностью выделяемых ресурсов (и плотным партийным контролем) это гарантировало вузам оппортунистический стиль управления, исключавший или затруднявший инициативу, творчество и рациональный подход к управлению. В несколько лучшем финансовом положении были вузы и факультеты, работавшие в оборонном направлении. Ситуация стала меняться к лучшему с появлением в 1990-е гг. платного образования, благодаря которому у многих вузов появилась возможность самостоятельно и гибко использовать дополнительные ресурсы. Хотя в большинстве случаев эти ресурсы лишь частично компенсировали нехватку бюджетного финансирования, они сделали очевидной пагубность сложившейся ригидной системы. Осторожные и постепенные меры в виде отказа от ЕТС, дифференциации финансируемой из бюджета зарплаты за счет стимулирующих надбавок, ухода от сметного финансирования и перевода большей части вузов в режим автономных бюджетных учреждений в целом изменили их статус, придали больше гибкости, оперативности и ответственности в управлении. Разрешение создавать при вузах малые и средние инновационные предприятия позволили увеличить личную заинтересованность и частную инициативу работников. Дальнейшие изменения в этом направлении будут несомненно способствовать увеличению вклада вузов в решение задачи модернизации страны.

Статус преподавателя. Попадая, как и учитель школы, в категорию бюджетников, преподаватель вуза обречен на существование в условиях весьма скромных доходов и возможностей (в частности, в решении жилищной проблемы), а также социального и пенсионного обеспечения. В порядке компенсации ему разрешено работать по совместительству (что многие и делают, читая лекции в двух, трех и более вузах). Это ведет к перегрузке, отсутствию времени и стимулов к исследованиям, улучшению квалификации, развитию профессиональных контактов, в частности с зарубежными коллегами. В силу неэффективной и формальной системы конкурсного комплектования кадров при минимуме добросовестности преподавателю гарантировано постоянное место. В условиях отсутствия возрастного ценза и защитительного трудового законодательства в структуре преподавательского корпуса растет доля пожилых

людей (выход на пенсию обрекает их на нишенское существование). Эта ситуация серьезно ограничивает мобильность и профессионализм преподавателей, их восприимчивость к идеям модернизации и инновационного обучения. Для исправления ситуации нужны неординарные меры по нормированию, регулированию и повышению уровня оплаты труда преподавателей, по повышению до разумного предела коэффициента замещения при выходе их на пенсию, введению возрастного ценза и запрету на преподавание по совместительству при одновременном поощрении совмещения преподавания с участием в научных проектах и практическом консультировании.

Статус студента. Сейчас средний студент российского вуза находится в жестких рамках учебной программы, определяемой стандартом. Большинство дисциплин являются обязательными, в их изучении доминирует вузовский вариант классно-урочной технологии — связка обязательных лекций и семинаров. Скромное место отводится курсам по выбору и спецкурсам (и это не во всех вузах). Трудоемкость обучения измеряется в академических часах. В хороших вузах (на факультетах), имеющих большое число специализированных кафедр, аудиторная недельная нагрузка, как правило, превышает установленный предел в 36 часов из-за обилия курсов, лоббируемых кафедрами, и практически не оставляет времени для самостоятельной работы студентов. В слабых вузах нагрузка необременительна, что устраивает студентов, нацеленных на получение не важно какого диплома государственного образца. И в том и в другом случае студенту отводится пассивная роль получателя знаний, набор которых формируется императивом нормы нагрузки преподавателей. Эта нагрузка тоже достаточно велика, как правило, она не оставляет времени на исследования, т.е. на обновление и пополнение знаний. Таких преподавателей Ф. Хайек еще лет семьдесят назад едко характеризовал как «продавцов подержанных знаний». Покупателем в данном случае выступает студент. Эта метафора, пусть и утрированно, показывает положение студента, которого пичкают избыточными и быстро устаревающими знаниями. Такое положение закреплено нормативными документами разного уровня, которые и образуют статус студента. Справедливости ради нужно отметить, что новые стандарты 3-го поколения во многом меняют ситуацию, но они пока начали реально внедряться лишь в небольшом количестве вузов, и потребуются годы для их воплощения.

Что же должно быть изменено в статусе студента, когда речь идет о модернизации высшего образования? У студента ближайшего будущего должны быть возможности:

— учиться по гибкому учебному плану (индивидуальной траектории обучения) с преобладанием курсов по выбору;

— получить не только знания, но и компетентности по их применению в решении практических задач;

— войти в систему пожизненного образования, в которой за базовой подготовкой последует череда периодов учебы и работы.

В современном обучении важная роль будет отводиться самостоятельной работе, сочетаемой с тьюторной поддержкой, использованием интерактивных форм занятий, включением в обучение исследовательского компонента, широким применением виртуальной среды и информационных технологий, новыми возможностями внутрироссийской и международной мобильности, использованием кредитно-модульной и балльно-рейтинговых систем организации учебного процесса и оценивания академической успеваемости, более широким применением командных и проектных форм обучения и другими новшествами. Все это несовместимо со сложившимся статусом студента, и уже сегодня требует его обновления.

Нормы и правила. Обновление высшего образования в интересах модернизации ставит на повестку дня изменение многих действующих нормативных положений. Так, введению в качестве учетных единиц кредитов противоречит сложившаяся практика учета почасовой нагрузки, применение интерактивных методов обучения наталкивается на обязательные нормы выработки в виде лекций и семинаров (в частности, при переизбрании преподавателей), а балльно-рейтинговая система учета успеваемости не соответствует положению о зачетах и экзаменах. Многие вузы, чтобы не терять студенческий контингент, организуют легкие способы поступления и фактически необременительное обучение, снижают уровень требований на экзаменах, редко применяют практику отчисления нерадивых студентов. Ввиду этого следует узаконить повторное изучение дисциплин или курсов в целом. Многообразие образовательных программ (бакалавр, магистр, дополнительное образование и др.) говорит о том, что назрела необходимость изменить характер отношений между административными единицами — заказчиками и кафедрами — разработчиками учебных комплексов. Не нашло пока отражения в нормативных документах явление возрастания роли и сложности обслуживающего учебный процесс сервиса. Есть и другие нерешенные вопросы.

Наконец, серьезным вызовом модернизации образования выступает нерешенность вопросов формирования источников и порядка финансирования. В рыночной экономике (даже сильно огосударственной) госбюджет не может быть единственным источником ресурсного обеспечения образования. Доля расходов на образование в бюджете и доля их в ВВП у России значительно меньше, чем у развитых стран. Если в 1990-е гг. доля расходов была приемлемой, то для относительно благополучного прошлого десятилетия

она слишком мала. Хотя объем реальных государственных расходов на образование увеличился в два с лишним раза за период 2001—2008 гг., этот рост происходил неравномерно и не превышал в целом темпов инфляции.

Между тем домохозяйства тратят на образование вполне сопоставимый с госрасходами объем средств, однако нередко в форме теневых или серых схем. В таких условиях задача государства состоит не только в увеличении собственных расходов, но и в правильной организации всех потоков ресурсов. В связи с этим заслуживает рассмотрения следующая идея: если не совсем справедливо оплачивают свое обучение все студенты негосударственных вузов и 55% государственных, не лучше ли отказаться от советского мифа бесплатности высшего образования и сделать частично оплачиваемым обучение всех студентов, например, в размере 20—25% от общего уровня финансирования (тем более что по природе своей расходы на высшее образование представляют не только оплату общественного блага, но и инвестиции в человеческий капитал и будущие доходы обладателя диплома). Частичная оплата могла бы покрыть административные расходы на обучение и резко сократить «халявные» настроения и нерадивость части бюджетных студентов. При необходимости она бы обеспечивалась образовательным кредитом. Государственное финансирование могло бы обеспечить достойную оплату преподавательского труда и техническое оснащение учебного процесса, а местные (региональные) власти из своих бюджетов могли бы финансировать ремонт и содержание зданий.

Наряду с привлечением дополнительных ресурсов в финансировании высшего образования важную роль играет повышение эффективности использования бюджетных средств. Из множества аспектов этой проблемы на первый план выступает иррациональная практика финансирования неоправданно большого числа выделяемых вузам бюджетных мест, якобы рассчитанного под потребности экономики, определять которые еще никто не научился. В текущем году более 100 вузов не смогли их заполнить, а еще больше вузов набрали на эти места откровенно слабых по уровню школьной подготовки абитуриентов, которые не смогут полноценно учиться.

Практика бесплатного обучения сложилась в стране в годы индустриализации, когда тщательно минимизируемый уровень зарплат не позволял семьям каких-либо расходов на оплату обучения детей, а государству было проще и идеологически выгоднее взять такие расходы на себя. Это имело смысл, когда в вузы по конкурсу попадало не более 20% молодых людей соответствующего возраста, которые обязаны были проработать по завершении учебы некоторое время по специальности там, где нужно обществу. Это был, по сути,

неформальный двусторонний контракт о профессиональной подготовке. Наступившая позднее необязательность контракта для одной из сторон постепенно сделала расточительным выполнение своих прежних обязательств второй стороной. Миф о бесплатности высшего образования прочно укоренился в общественном сознании. Но подготовка в избыточном размере слабых «профессионалов» с большими притязаниями, не желающих или неспособных применить полученные знания, подрывает именно общественную значимость образования, так как чревата серьезными изъянами в деле наращивания и использования человеческого потенциала, в частности в свете перехода к обществу знания и необходимости наращивать конкурентоспособность страны в глобализирующемся мире. Вряд ли вызывает сомнение, что требуется общественное обсуждение причин расточительности бесплатного высшего образования, к тому же не распространяющегося сегодня на 2/3 нынешних студентов и покрывающего не более 50% требуемых для качественной подготовки затрат.

Нужны другие конкурентные способы выделения бюджетных средств только лучшим вузам, способным качественно обеспечить набор и подготовку студентов, воспитать у них чувство ответственности к учебе и будущей профессии. В этой связи заслуживает внимания идея нового видения госзаказа на подготовку необходимых стране кадров, которая позволила бы также воздействовать и на структуру данной подготовки.

Идея перехода к новому типу госзаказа, конечно, требует тщательной проработки, но основой его должно быть трехстороннее соглашение между Министерством образования и науки, вузом и студентом. Полное покрытие издержек на обучение, достойная стипендия, конкурсный отбор претендентов, постоянное взаимодействие с будущим работодателем и обязательство выпускника отработать определенное время по профессии — возможные признаки нового госзаказа, распространяемого на действительно необходимые для общества профессии.

Новый госзаказ и частичная оплата учебы всеми, не подпадающими под него студентами, могли бы стать альтернативой сомнительному и внешне обманчивому из-за своей простоты принципу «деньги следуют за студентом» или подушевому финансированию. Этот, скорее риторический, чем практически выполнимый принцип, — осколок несостоявшейся и негативно встреченной обществом идеи ваучеризации высшего образования, нигде в мире до этого не проводившейся в национальном масштабе и некритически заимствованной практики поддержки (в большинстве случаев властями муниципального уровня) семей депрессивных районов и городских кварталов. Для осуществления ваучеризации была пред-

ложена связка ЕГЭ — ГИФО (государственное именованное финансовое обязательство). Однако идея ГИФО все же после эксперимента была отвергнута. Более живучим оказался ЕГЭ благодаря исходно ему не свойственной функции общенациональной системы оценки уровня национальной подготовки. Эту функцию созданный под другие цели ЕГЭ выполняет плохо, как и функцию критерия отбора вчерашних школьников в вузы. Зато успешно перемалывает развивающее школьное образование, превращая его в натаскивающее. Думается, что будущие историки поставят попытку ваучеризации образования в один ряд с другими его неудачными реформами. Что же касается оценки школьного образования и конкурсного отбора в вузы, общество в состоянии выработать более внятные системы того и другого, очищенные от меркантильных соображений участия в дележе денег.

Возвращаясь к вопросам ресурсного обеспечения высшего образования, хотелось бы отметить, что увеличение и улучшение порядка финансирования образования вообще и высшего в частности, не сопровождаемое институциональными реформами, не только не даст эффекта, но и может принести вред, поскольку будет означать, по словам И.В. Абанкиной, «цементирование индустриальной модели университета» и «финансирование образования низкого качества»⁵. Понимая это и поддерживая сложившийся уровень высшего образования, правительство в последние годы стало выделять большие средства на отдельные модернизационные проекты: поддержку национальных университетов — 10 млрд рублей, развитие федеральных университетов — 18 млрд, национальных университетов — 20 млрд, взаимодействие вузов и корпораций — 19 млрд, привлечение в вузы крупных ученых — 12 млрд, развитие инфраструктуры инновационного предпринимательства — 8 млрд, реализацию федеральной целевой программы (ФЦПР) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» — 93,3 млрд, ФЦПР «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России» — 194,9 млрд. Хотя проектное финансирование по определению носит нерегулярный характер и нередко сопряжено с бюрократическими препонами, оно частично снимает проблему хронического недофинансирования высшей школы и способствует модернизации лучших вузов.

Таким образом, модернизация высшего образования в России сегодня выступает важнейшей национальной задачей. Без ее решения страна не сможет избавиться от сырьевой модели экономи-

⁵ Абанкина И.В. Инновационная экономика и индустриальная модель университетов: тест на совместимость // Журн. новой экон. ассоциации. 2010. № 8. С. 143.

ки, добиться модернизации всех сфер общественной жизни на пути постиндустриального развития. Ассоциируясь с обществом знания, этот путь предполагает создание современной системы производства, передачи и использования знания, широкую доступность для членов общества ко всем видам качественного образования. Особенно остро сегодня чувствуется необходимость улучшения практико-ориентированного и профессионального образования, развития деятельностного начала в обучении. Модернизация образования в этом ракурсе — залог успешной модернизации общества в других сферах.

В заключение хотелось бы отметить, что проблемы высшего образования нельзя рассматривать в отрыве от других ступеней образования. Одним из основных источников проблем развития вузовского обучения выступает непрекращающееся уже на протяжении 40 лет снижение качества школьного образования вследствие его поспешной массовизации и череды других экспериментов. Превращение по этим причинам школы в «предбанник» высшего образования в немалой степени объясняет дискредитацию начального и среднего профессионального образования как незаменимого альтернативного пути подготовки молодежи к переходу в мир труда и последующего чередования периодов учебы и трудовой деятельности. Нужны более энергичные меры для повышения привлекательности и эффективности данной ветви образования, ее отзывчивости на запросы рынка труда, предотвращения «тупиковости». Этому во многом могло бы помочь трудовое воспитание школьников. Только тогда возможно переосмысление советского по сути высшего образования, ставшего массовым, но созданного в другое время и под другие задачи. В обновлении нуждается прежде всего содержание высшего образования, которое слабо обогащается исследованиями, не согласуется с принципами пожизненного образования. Профессиональная составляющая высшего образования нуждается в структурной реорганизации, развитии ступенчатости и гармонизации с возможностями дополнительного образования. Нужны серьезные перемены в организации и технологии обучения. Обновление высшего образования немыслимо без совершенствования статуса вузов в направлении усиления их академической автономии, изменения порядка и увеличения объемов финансирования, серьезного повышения качества управления вузами. И все это вряд ли может быть реализовано без воссоздания достойных условий труда и оплаты преподавателей и других работников сферы образования.

В.В. Иванов¹,

мл. науч. сотр. лаборатории институционального анализа экономического
ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

НОРМЫ КООПЕРАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Согласно результатам эмпирических исследований нормы межличностной кооперации напрямую связаны с качеством функционирования государства. В статье приводится обзор исследований, на основе которых выдвигаются гипотезы относительно передаточных механизмов, связывающих наблюдаемый в обществе уровень честности и доверия с качеством легальных институтов и эффективностью государственной политики.

Ключевые слова: нормы кооперации, доверие, подотчетность, институты.

According to empirical results, norms of human cooperation are positively connected with efficiency of the government functioning. The article presents the review of literature and some hypothesis concerning the casual links between the observed trust and fairness on the one hand, and quality of legal institutions and economic policy efficiency — on the other hand.

Key words: norms of cooperation, trust, accountability, institutions.

Проблема кооперации является одной из центральных для всех социальных наук вообще и для экономики в частности. Экономические результаты определяются множеством решений независимо действующих агентов, поэтому кооперативное поведение имеет особую значимость для экономического развития. Эта предметная область разрабатывалась экономистами в рамках теоретико-игровых моделей, лабораторных и полевых экспериментов, эмпирических исследований. По объективным причинам работы данной проблематики имеют междисциплинарный характер: экономисты вынуждены взаимодействовать с социологами, антропологами, историками и даже эволюционными биологами.

Самые простые игровые модели типа классической «Дилеммы заключенного» предполагают существование равновесий, в которых независимые решения индивидов приводят общество к неудовлетворительным результатам по сравнению с возможными. Достижение же оптимума обычно связывается:

а) с наличием системы санкций (другими словами, обосновывается возникновение центрального агента — государства — как специфической организации, способной эффективно применять насилие для исправления провалов координации независимо действующих агентов),

¹ Иванов Владимир Владимирович, тел.: +7 (495) 939-52-37; e-mail: vlad.ivanov334@gmail.com

б) с повторяемостью взаимодействия, в рамках которого люди готовы жертвовать возможностью извлечения «нечестного» выигрыша из-за риска потерять доход при похожих взаимодействиях в будущем.

Такое кооперативное поведение в целом укладывается в парадигму рациональной максимизации полезности, измеренной материальным выигрышем. Подобные способы решения проблем кооперации многократно проверялись и подтверждались лабораторными экспериментами².

Крайне интересен другой вопрос: чем обеспечивается честное поведение в рамках одноразовых обезличенных взаимодействий, когда нет ни мотивов реципрокного альтруизма, базирующегося на надежде взаимного поведения, ни ожиданий будущих выгод на основе репутационных механизмов, ни желания избежать санкций за нечестное поведение? Различия в поведении, которые в реальной жизни демонстрируют люди в схожих обстоятельствах, заставляют рассматривать нематериальные факторы, влияющие на выбор кооперативной/некооперативной стратегии.

Представленная работа посвящена нормам честного поведения³ и их связи с качеством формальных институтов⁴. Экономический анализ социальных и культурных норм имеет сравнительно недавнюю историю. В последние годы это одна из самых активно развивающихся областей экономической науки.

Под социальными нормами можно понимать стандарты поведения, основанные на разделяемых участниками сообщества ценностях и убеждениях. Нормы кооперации базируются, с одной стороны, на ценностях честного поведения, с другой — на убеждениях, что контрагенты также будут вести себя честно. При этом ценности и убеждения, формирующие «картину мира» экономических агентов, передаются из поколения в поколение в результате социализации (воспитание родителями, образование, общение со сверстниками). В общественных науках данный процесс принято называть «культурной трансмиссией» (по аналогии с генной трансмиссией в биологии).

Для измерения норм кооперации используют следующие методы: лабораторные и полевые эксперименты, прямые и косвенные оценки.

² *Fehr E., Gächter S. Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments // Amer. Economic Rev. 2000. Vol. 90. P. 980–994.*

³ Вообще говоря, знак равенства между честным и кооперативным поведением является серьезным упрощением. Но, на наш взгляд, при анализе производства общественных благ в широком смысле подобное упрощение непротиворечиво и вполне простительно.

⁴ Необходимо отметить, что поле внимания экономистов, занимающихся вопросами взаимодействия культуры и экономики, гораздо шире. См., например: *Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? // J. of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. N 2. P. 23–48.*

Классические лабораторные эксперименты «Игра на доверие» или «Ультиматум», а также полевые эксперименты — например, разбрасывание кошельков на улицах, почти не используются для межстрановых и межрегиональных сравнений.

Прямые оценки норм кооперации формируются с помощью социометрических опросов World Values Survey и их региональных/ национальных аналогов. Этот способ на данный момент является основным для эмпирических исследований. Для измерения уровня доверия используется самый общий вопрос: «Можно ли, на Ваш взгляд, доверять большинству людей или нужно быть осторожными во взаимоотношениях с другими людьми?» По сути, этот вопрос концентрируется именно на ожидаемом поведении незнакомцев, т.е. непersonифицированном, или обобщенном доверии. Для того чтобы оценить степень доверия к ближайшему кругу родственников и друзей, задаются отдельные вопросы.

Косвенные оценки связаны с наблюдением за поведением, которое поддерживается определенными нормами. В случае социального капитала таким поведением может быть участие в анонимном донорстве, волонтерская деятельность, благотворительность и т.д.

Ключевым параметром, отражающим степень распространения норм кооперации в обществе и позволяющим эмпирически тестировать гипотезы относительно эффекта этих норм, является уровень доверия. При этом необходимо сделать методологическое замечание. Независимо от того, какие оценки — прямые или косвенные — мы используем для определения уровня доверия в обществе, он отражает одновременно нормы, которые соблюдают экономические агенты, и эффективность действующих в обществе механизмов принуждения к кооперации. Это концептуально затрудняет межстрановые сравнения. Для получения значимых выводов необходимо тем или иным способом фиксировать качество институциональной среды. Поэтому многие исследователи сосредоточиваются на межрегиональных сравнениях в рамках одной страны⁵. Кроме того, выявление воздействия культурных норм (в том числе норм кооперации) на поведение осуществляется в рамках так называемого эпидемиологического подхода⁶, основанного на концепции культурной трансмиссии.

Так или иначе, за последние двадцать лет наблюдался экспоненциальный рост числа работ, в которых исследовались нормы

⁵ См.: *Полищук Л.И., Меняшев Р.Ш.* Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 11. С. 46–65; *Борисова Е.И., Пересецкий А.А., Полищук Л.И.* Управление коллективной собственностью в российских городах: экономический анализ товариществ собственников жилья // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 115–135.

⁶ *Fernandez R.* Does Culture Matter? // Handbook of Social Economics. Amsterdam, 2010.

честности и доверия как детерминант экономического развития. Основной точкой отсчета исследований можно назвать публикацию книги американского политолога Р. Патнэма «Чтобы демократия работала», быстро ставшей классической. Р. Патнэм с соавторами объяснял причины значительного различия в развитии северных и южных регионов Италии, используя концепцию социального капитала⁷. Этот термин в течение XX в. несколько раз вводился в научную литературу разными исследователями. Опустив сложности с интерпретацией отчасти метафорического названия, подвергавшегося критике, можно определить социальный капитал как степень распространенности норм, способствующих решению проблемы коллективных действий. Итальянские регионы стали хорошей площадкой для исследования благодаря естественному эксперименту. Северные районы Италии начиная с XI в. существовали в режиме автономии, в виде независимых городов-республик, развивавшихся за счет ремесла и коммерции, в то время как южные оставались под властью сильных монархий — норманнской, а затем сицилийской. Основой хозяйства юга Италии было земледелие на базе крупной феодальной собственности и личной зависимости крестьян. Таким образом, в рамках одной страны сложилось два принципиально разных подхода к решению проблемы коллективных действий. В результате многолетнего самоуправления в северных районах сформировались устойчивые нормы гражданского участия и кооперации. На юге, напротив, доминирование вертикальных связей и патриархального уклада породило традиции патернализма, семейственности и межличностного недоверия. Устойчивость этих норм, передающихся из поколения в поколение, по мнению Р. Патнэма, стала основным фактором современного разрыва в развитии Италии. На севере страны развитое гражданское общество способно производить такие общественные блага, как поддержание правопорядка, контроль бюрократии и т.д. Население юга Италии сталкивается с преступностью и коррупцией в острых формах. Воспроизводство норм доверия, честности, гражданской кооперации (или их отсутствие) обуславливает существование множественных равновесий, характеризующихся высоким и низким уровнями социального капитала. С этой точки зрения культурные нормы комплементарны к формальным институтам. О последних стоит сказать поподробнее. В соответствии с классическими работами Д. Норта⁸, институциональная среда формируется из формальных институтов и социальных норм, которые непрерывно

⁷ Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. New Jersey, 1993.

⁸ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

взаимодействуют между собой. Так как под государством понимают организацию со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия на определенной территории, принято считать, что именно государство является основным источником формальных институтов в обществе. На данный момент почти все экономисты согласны с тем, что качество институтов является фундаментальной причиной экономического развития⁹. Однако вопрос о формировании «хороших» институтов все еще остается открытым. Невозможность простого копирования (или «трансплантации») «правил игры», доказанная практикой реформ в переходных и развивающихся экономиках, заставила ученых более внимательно взглянуть на причины устойчивости эффективных или неэффективных институтов. Современные исследования напрямую связывают динамику формальных институтов с культурными нормами, выступающими в роли передаточного механизма¹⁰. Ценности и убеждения формируют предпочтения, которые реализуются в ходе функционирования политического и частного рынков институтов¹¹. Существует и обратная связь: экономические результаты, определяемые качеством формальных институтов, оказывают влияние на динамику норм, но это происходит с некоторым временным лагом.

Можно предположить, что развитые нормы кооперации воздействуют на динамику институтов двумя не исключаящими друг друга способами. Первый состоит в том, что общество с высокими запасами социального капитала способно самостоятельно (т.е. без государственного вмешательства) решать значительный круг вопросов, связанных с производством общественных благ. Это касается развития корпоративной социальной ответственности¹², управления локальными ресурсами общего доступа¹³, общественной безопасности и т.д. В данном случае допустимо говорить о замещении государства обществом¹⁴. Такая постановка вопроса хо-

⁹ *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth. 2005. Vol. 1. P. 386–472.

¹⁰ *Tabellini G.* Institutions and Culture // J. of the European Economic Association. 2008. Vol. 6. P. 255–294.

¹¹ См.: *Тамбовцев В.Л.* Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

¹² См.: *Полищук Л.* Корпоративная социальная ответственность или государственное регулирование: анализ институционального выбора // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 4–22.

¹³ *Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions. Cambridge, 1990. Работы Элинор Остром, лауреата Нобелевской премии по экономике 2009 года, выполнены в непривычном для современных экономистов методологическом ключе и представляют прекрасный анализ различных ситуаций, в которых люди достигают кооперации без государственного вмешательства.

¹⁴ См.: *Аузан А.А., Тамбовцев В.Л.* Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 28–49.

рошо укладывается в известную концептуальную схему «кривой институциональных возможностей», предложенную С. Джанковым с соавт.¹⁵, которая предполагает минимизацию обществом совокупных издержек беспорядка и диктатуры при заданных ограничениях, определяемых как раз способностями общества к самоорганизации и контролю государства.

Более важным является второй способ реализации норм честности и доверия в обществе — обеспечение подотчетности государства гражданам (в рамках концепции Джанкова с соавт., этот передаточный механизм, в отличие от первого, связан не с изменением наклона кривой институциональных возможностей, а скорее с ее сдвигом к началу координат).

Одна из первых попыток измерения экономического эффекта доверия, предпринятая С. Нэком и П. Кифером, выявила положительную связь между социальным капиталом и экономической активностью. При этом эффект социального капитала тем сильнее, чем ниже качество формальных институтов¹⁶. Такой результат говорит лишь о том, что в статике развитые нормы кооперации позволяют более эффективно поддерживать неформальные правила, замещающие «проваливающиеся» механизмы формального принуждения, когда речь идет о первом способе влияния из указанных выше. Что касается второго способа, в этом же исследовании была обнаружена положительная взаимосвязь уровня доверия и качества бюрократии.

Модель П. Агийона с соавт. с межпоколенческой трансмиссией норм¹⁷ позволила объяснить следующий феномен: в странах с неэффективным коррумпированным правительством люди зачастую склонны поддерживать увеличение присутствия государства в экономике. Эта гипотеза нашла подтверждение на межстрановых выборах: чем ниже был в стране уровень межличностного доверия, тем более интенсивно государство регулировало трудовые отношения и предпринимательскую деятельность. В свете этих результатов распространение норм кооперации можно рассматривать как субститут государственного регулирования. Те же выводы косвенно подтверждаются и российскими данными¹⁸. При этом высокий спрос на государственное вмешательство в экономику и патернализм парадоксальным образом уживаются с низким доверием государственным институтам почти всех уровней. Авторы объясняют

¹⁵ *Djankov S., Glaeser E., La Porta R. et al. The New Comparative Economics // J. of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. N 4. P. 595–619.*

¹⁶ *Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. // Quarterly J. of Economics. 1997. Vol. 112. N 4. P. 1251–1288.*

¹⁷ *Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Regulation and Distrust // Quarterly J. of Economics. 2010. Vol. 125. N 3. P. 1015–1049.*

¹⁸ *Denisova I., Eller M., Zhuravskaya E. What do Russians Think about Transition? // Economics of Transition. 2010. Vol. 18. N 2. P. 249–280.*

подобный парадокс тем, что, несмотря на низкое доверие государственным институтам, друг другу люди доверяют еще меньше, поэтому выбирают «меньшее из двух зол». Итак, в соответствие с гипотезами Р. Патнэма, общество с высокими запасами социального капитала воспроизводит «хорошую» гражданскую культуру, общество с размытыми нормами оказывается в «плохом» равновесии¹⁹.

Однако вопрос о каузальных связях по-прежнему остается открытым. Поэтому в дальнейшей части работы формулируются гипотезы относительно взаимодействия норм кооперации и эффективности государства.

Во-первых, можно предположить, что в регионах с высокими нормами кооперации политики и чиновники, вероятно, также разделяют эти нормы, поэтому выполняют свои обязанности в духе «благонамеренного государства» (*benevolent state*). То есть межличностная честность и доверие обеспечивают воспроизводство «хорошей культуры», накладывая на политиков и чиновников высокие нравственные издержки недолжного поведения. Эффективно функционирующие государственные организации, пользующиеся доверием населения, привлекают «честных» агентов. Простая модель ухудшающего отбора²⁰ предсказывает: на политическом рынке, воспринимаемом обществом как нечестный, будут оставаться либо коррумпированные, либо некомпетентные игроки. Не заслуживающие доверия политики будут создавать отрицательные репутационные экстерналии для потенциально «хороших» лидеров, вынуждая их выбирать другую сферу деятельности. В известной статье Ж. Тироля с помощью сходных рассуждений объясняется устойчивость коррупции в организациях на основе модели коллективной репутации²¹. Государственному органу, заработавшему отрицательную репутацию, тяжело привлечь к себе честных и компетентных сотрудников, и коррупция закрепляется как норма. Распространение же культуры кооперации не позволяет политикам вести себя оппортунистически по отношению к гражданам. Существование подобного передаточного механизма косвенно подтверждается интересным исследованием Е. Мигеля и Р. Фишмана²², основанным на естественном эксперименте в Нью-Йорке. В качестве показателя честного поведения авторы использовали число нарушений ав-

¹⁹ Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Social Capital as Good Culture // J. of the European Economic Association. 2008. Vol. 6. N 2–3. P. 295–320.

²⁰ Caselli F., Morelli M. Bad Politicians // J. of Public Economics. 2004. Vol. 88. N 3–4. P. 759–782.

²¹ Tirole J. A Theory of Collective Reputations (with Applications to the Persistence of Corruption and to Firm Quality) // Rev. of Economic Studies. 1996. Vol. 63. N 1. P. 1–22.

²² Miguel E., Fisman R. Corruption, Norms and Legal Enforcement: Evidence from Diplomatic Parking Tickets // J. of Political Economy. 2007. Vol. 115. N 6. P. 1020–1048.

томобиллями миссий ООН правил парковки в условиях, когда представители дипломатического корпуса имели иммунитет против штрафов (действовал до 2002 г.). Количество неоплаченных штрафов на одного дипломата оказалось тесно связанным с уровнем коррупции в его родной стране²³.

Во-вторых, можно исходить из предположения, что правительство всегда пытается максимизировать собственную ренту, неэффективно производя общественные блага и выстраивая соответствующие институты. Возможности политиков и чиновников вести себя оппортунистически определяются степенью асимметрии информации между правительством и налогоплательщиками. При этом степень прозрачности действий правительства во многом определяется способностью общества выявлять информацию и наказывать оппортунистически ведущих себя государственных агентов. Участие в формировании механизмов подотчетности правительства связано с участием граждан в электоральном процессе, гражданской активностью, действием негосударственных правозащитных организаций и т.д. Естественно предположить, что в обществе с высокими запасами социального капитала граждане за счет сравнительно низких издержек коллективных действий выстраивают более качественные стимулы для государственных чиновников и политиков. С точки зрения подобного подхода нормы кооперации рассматриваются как фактор, положительно влияющий на переговорную силу общества в его взаимоотношении с властью. Общество же, испытывающее дефицит норм кооперации, оказывается более уязвимым перед изыманием ренты и политикой «разделяй и властвуй»²⁴. Кроме того, высокие издержки достижения общественного консенсуса по поводу желаемой политики в поляризованном обществе препятствуют эффективному производству общественных благ, необходимых для экономического роста²⁵.

Используя данные о политическом процессе в итальянских регионах, Г. Табеллини с соавт. нашли связь между уровнем социального капитала, который измерялся через прокси-показатель участия населения в анонимном донорстве крови, и уровнем электоральной подотчетности²⁶. В более «кооперативных» регионах избира-

²³ «Хорошей новостью» можно считать тот факт, что после отмены иммунитета культурные различия перестали играть роль.

²⁴ *Weingast B.R.* The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law // *Amer. Political Sci. Rev.* 1997. Vol. 91. N 2. P. 245–263.

²⁵ *Easterly W., Levine R.* Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // *Quarterly J. of Economics.* 1997. Vol. 111. N 4. P. 1203–1250; *Alesina A., Zhuravskaya E.* Segregation and the Quality of Government in a Cross Section of Countries // *Amer. Economic Rev.* 2011. Vol. 101. N 5. P. 1872–1911.

²⁶ *Nannicini T., Siella A., Tabellini G., Troiano U.* Social Capital and Political Accountability // *CEPR Discussion Papers.* 2010. N 7782.

тели активнее наказывают политиков за невыполнение обещаний и злоупотребления властью. Этот результат можно интерпретировать следующим образом: с развитием норм кооперации в обществе растут стандарты относительно допустимого/неприемлемого поведения, которые распространяются в том числе и на представителей государственной власти. К схожим выводам пришли Л. Гуизо и П. Пинотти, анализируя исторический кейс расширения избирательных прав в Италии 1912 г.²⁷ Политическое участие, измеренное явкой на выборах, оказалось связано с уровнем социального капитала. Можно предположить, что подотчетность государства перед гражданами, обеспечиваемая только электоральными способами, является серьезным упрощением. Безусловно, существенную роль играет ежедневное функционирование гражданского общества²⁸. Однако ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть эти интересные и заслуживающие внимания исследования.

Открытым остается и вопрос о путях выхода сообщества из «плохого» равновесия. Комплементарность между культурными нормами и формальными институтами заставляет задуматься о «роли случая». Подобная трактовка включает в себя как возможность длительного наращивания гражданской культуры, так и внешние экономические и политические шоки, так и появление агентств-лидеров, склонных вести себя честно и требовать этого от других²⁹. В таких случаях может запуститься эволюционный механизм, основанный, с одной стороны, на улучшении качества инфорсmenta, а с другой — на нормах взаимности. Подобный взгляд на социальные процессы предполагает эндогенность культурных норм.

В заключение хочется отметить, что доказанная важность норм кооперации для функционирования экономики обуславливает актуальность новых исследований в данной области.

Список литературы

Аузан А.А., Тамбовцев В.Л. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. № 5.

Борисова Е.И., Пересецкий А.А., Полищук Л.И. Управление коллективной собственностью в российских городах: экономический анализ товариществ собственников жилья // Вопросы экономики. 2010. № 11.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

²⁷ Guiso L., Pinotti P. Democratization and Civic Capital // CEPR Discussion Papers. 2012. N 8847.

²⁸ См.: Ставинская А.А. Воздействие потребителей на предоставление государственных услуг // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2010. № 5.

²⁹ В качестве примера формального моделирования подобных процессов см.: Acemoglu D., Jackson M. History, Expectations, and Leadership in the Evolution of Social Norms // NBER Working Papers. 2011. N 17066.

Полищук Л. Корпоративная социальная ответственность или государственное регулирование: анализ институционального выбора // Вопросы экономики. 2009. № 10.

Полищук Л.И., Меняшев Р.Ш. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 11.

Ставинская А.А. Воздействие потребителей на предоставление государственных услуг // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2010. № 5.

Тамбовцев В.Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth. 2005. Vol. 1.

Acemoglu D., Jackson M. History, Expectations, and Leadership in the Evolution of Social Norms // NBER Working Papers. 2011. N 17066.

Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Regulation and Distrust // Quarterly J. of Economics. 2010. Vol. 125. N 3.

Alesina A., Zhuravskaya E. Segregation and the Quality of Government in a Cross Section of Countries // Amer. Economic Rev. 2011. Vol. 101. N 5.

Caselli F., Morelli M. Bad Politicians // J. of Public Economics. 2004. Vol. 88. N 3–4.

Denisova I., Eller M., Zhuravskaya E. What do Russians think about Transition? // Economics of Transition. 2010. Vol. 18. N 2.

Djankov S., Glaeser E., La Porta R. et al. The New Comparative Economics // J. of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. N 4.

Easterly W., Levine R. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // Quarterly J. of Economics. 1997. Vol. 111. N 4.

Fehr E., Gächter S. Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments // Amer. Economic Rev. 2000. Vol. 90.

Fernandez R. Does Culture Matter? // Handbook of Social Economics. Amsterdam, 2010.

Guiso L., Pinotti P. Democratization and Civic Capital // CEPR Discussion Papers. 2012. N 8847.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Social Capital as Good Culture // J. of the European Economic Association. 2008. Vol. 6. N 2–3.

Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. // Quarterly J. of Economics. 1997. Vol. 112. N 4.

Miguel E., Fisman R. Corruption, Norms and Legal Enforcement: Evidence from Diplomatic Parking Tickets // J. of Political Economy. 2007. Vol. 115. N 6.

Nannicini T., Stella A., Tabellini G., Troiano U. Social Capital and Political Accountability // CEPR Discussion Papers. 2010. N. 7782.

Tabellini G. Institutions and Culture // J. of the European Economic Association. 2008. Vol. 6.

Tirole J. A Theory of Collective Reputations (with Applications to the Persistence of Corruption and to Firm Quality) // Rev. of Economic Studies. 1996. Vol. 63. N 1.

Weingast B.R. The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law // Amer. Political Sci. Rev. 1997. Vol. 91. N 2.

Р.А. Мусаев¹,

докт. экон. наук, профессор кафедры макроэкономического регулирования и планирования экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

П.А. Суворов²,

аспирант экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА «ЗАТРАТЫ–ВЫПУСК» ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

В статье рассмотрены возможности применения метода «затраты–выпуск» для оценки результативности мер государственного регулирования экономики. Особое внимание уделено методике оценки макроэкономической эффективности реализации инвестиционных проектов на основе модели мультипликатора и расчета прироста ВВП.

Ключевые слова: «затраты–выпуск», государственное регулирование экономики, макроэкономическая эффективность, инвестиционный проект, мультипликатор, прирост ВВП.

The article studies the use of input–output method in assessing the efficiency of government regulation of the economy. The emphasis is made on the technique to evaluate the macroeconomic effect of carrying out an investment project, which is based on multiplier principle and GDP growth computation.

Key words: input–output, government regulation of the economy, macroeconomic efficiency, investment project, multiplier, GDP growth.

В условиях, когда значительные усилия государства направлены на модернизацию экономики и переход на инновационный тип развития, особенно важной становится задача оценить макроэкономический эффект от реализации мер государственной политики. Эффективным инструментом для проведения такой оценки является метод «затраты–выпуск» (или межотраслевой баланс — МОБ). Он позволяет провести анализ связей, существующих между различными группами экономических агентов, которые участвуют в производстве и распределении продукции и услуг. Основная идея метода состоит в разделении национальной экономики на ряд отраслей, а также в разделении всей произведенной продукции на конечное и промежуточное потребление. При производстве товаров в одной отрасли используются товары, произведенные в другой,

¹ Мусаев Расул Абдуллаевич, тел.: +7 (495) 939-28-08; e-mail: rasmous@mail.ru

² Суворов Павел Анатольевич, тел.: +7 (495) 939-18-60; e-mail: psuorov@gmail.com

соответственно, в явном виде учитываются связи между отраслями экономики.

Теоретические основы метода «затраты—выпуск» изложены в работах Л.Я. Берри, В.В. Коссова, В.В. Леонтьева (впервые применил метод на практике для анализа экономики США) и др. А.Н. Ефимов, Л.Я. Берри и В.В. Коссов рассматривают математические основы данного метода³, В.В. Леонтьев описывает общие принципы построения макроэкономических моделей с использованием указанного метода⁴.

Метод «затраты—выпуск» позволяет проводить комплексный анализ национальной экономической системы, выявлять связи между различными секторами экономики и количественно оценивать степень влияния одних групп экономических агентов на другие. Однако методика МОБ характеризуется рядом ограничений, в определенной степени сужающих возможность ее применения на практике.

Ограничения метода «затраты—выпуск»

Названный метод оперирует данными о народном хозяйстве в рамках отраслей экономики страны (видов экономической деятельности). Соответственно возникает проблема агрегирования данных. Необходимо соблюдать баланс между обобщением данных, необходимых для облегчения работы по сбору статистики, и детализацией информации, без которой будет невозможно выявить существенные для хозяйственного оборота связи между разными типами производств.

Вторая существенная проблема, возникающая при использовании метода «затраты—выпуск», связана с гипотезой о линейных взаимосвязях между отраслями национальной экономики. В основе метода как инструмента анализа и прогнозирования лежит предположение о линейном характере связи между различными отраслями: для того чтобы увеличить выпуск в отрасли в 2 раза, нужно пропорционально увеличить в 2 раза все затраты на производство продукции. Указанное предположение говорит об отсутствии в модели взаимозаменяемости факторов производства и различий в технологии производства в рамках одной отрасли.

Кроме того, метод «затраты—выпуск» не предполагает анализа соотношения спроса и предложения. Вся произведенная продукция используется тем или иным образом, и такие показатели, как уровень загрузки производственных мощностей, соотношение

³ См.: Методы планирования межотраслевых пропорций / Под. ред. А.Н. Ефимова, Л.Я. Берри. М., 1965; Коссов В.В. Межотраслевой баланс. М., 1966.

⁴ *Leontief W. Studies in the Structure of the American Economy.* N.Y., 1953.

объема потребленных и оставшихся на складах товаров, не являются отдельным предметом рассмотрения.

Современное применение метода «затраты—выпуск»

Несмотря на вышеописанные ограничения, метод имеет большой потенциал. Однако его применение в современных экономических исследованиях мало распространено.

В зарубежных странах метод используется для специализированных прикладных работ: в экологических (например, для оценки влияния уровня выбросов CO_2 на экономику страны), в отраслевых (для оценки вклада отдельной отрасли в развитие национальной экономики) исследованиях.

Кроме того, проводятся теоретические изыскания, для которых можно выделить два основных направления: региональные исследования (разработка методов построения и использования региональных таблиц «затраты—выпуск») и создание всеобъемлющих моделей, описывающих развитие национальной экономики в целом (в рамках второго направления также проводится интеграция межотраслевого баланса с эконометрическими моделями различных видов).

Исследования первого рода носят частный характер и представляют собой примеры практического применения базовых концепций метода «затраты—выпуск» (расчет коэффициентов полных затрат и необходимого валового выпуска при заданном конечном спросе) на статистических данных по различным странам и временным периодам. Они лишь в очень ограниченной степени могут быть использованы в ходе работы над данными по современной российской экономике.

При создании региональных таблиц «затраты—выпуск» оперируют значительным количеством дополнительной информации (в части распределения странового выпуска продукции по регионам), которая для нашей страны часто оказывается недоступной. Соответственно большая часть указанных исследований также не может быть напрямую повторена на данных по России.

Ряд отечественных авторов проводит разработку таблиц «затраты—выпуск» для отдельных регионов. Так, А.Р. Саяпова и В.С. Сутягин построили региональную таблицу «затраты—выпуск» для Республики Башкортостан на основе данных детализированного обследования 1995 г. и региональной статистики⁵.

Что касается разработки общих моделей функционирования национальной экономики, которые бы описывали всю систему

⁵ См.: Саяпова А.Р., Сутягин В.С. Опыт построения и анализ межотраслевого баланса региона в концепции СНС // Проблемы прогнозирования. 2001. № 2.

хозяйственных взаимоотношений в стране, то здесь центрально место занимает проект INFORUM Университета штата Мэриленд (США), начатый К. Алмоном и объединяющий 14 межотраслевых моделей для разных стран⁶, в том числе российскую модель RIM (разрабатывается Институтом народно-хозяйственного прогнозирования РАН).

В интеграции метода МОБ с эконометрическими моделями важную роль играют исследования, посвященные использованию данных «затраты—выпуск» для работы с производственными функциями (ПФ). В частности, Н.В. Суворов⁷ предложил спецификацию ПФ, в которой независимыми переменными выступают не только традиционные труд и капитал (точнее, темпы прироста капитало- и трудоемкости выпуска), но также коэффициенты прямых затрат из отчетных и расчетных МОБ. Высокая статистическая значимость и экономическая достоверность полученных оценок коэффициентов регрессии позволяют говорить о том, что данные таблиц «затраты—выпуск» являются ценным источником информации при проведении исследований, не использующих напрямую метод МОБ.

На основе данных МОБ также возможно провести оценку традиционных ПФ — Кобба—Дугласа и CES. И. Ким⁸ показал, что, используя отчетные таблицы «затраты—выпуск» за два периода и информацию об отраслевых индексах цен, можно с помощью оптимизационных процедур оценить параметры ПФ двух указанных видов. Основываясь на проведенных расчетах, автор находит, что функция CES оказывается более подходящей для описания структуры российской экономики, чем обычная функция Кобба—Дугласа.

В разработках отечественных авторов можно также выделить направление, относительно слабо представленное на Западе. Речь идет об оценке эффективности инвестиционных проектов с помощью метода «затраты—выпуск». Так, Н.Н. Михеева с соавт.⁹ предлагают использовать многоуровневые подходы к оценке эффек-

⁶ Ghosh P.P., Ghose A., Chakraborty D. A Critical Review of the Literature on Integrated Macroeconometric & Input–Output Models: 19th Intern. Input–Output Conference. USA. 2011. 13–17 June // Intern. Input–Output Association Website. 2012. URL: <http://www.iioa.org/Conference/19th-downable%20paper.htm> (дата обращения: 18.09.2012).

⁷ См.: Суворов Н.В. Методы и результаты макроэкономического анализа эффективности производства в реальном секторе отечественной экономики // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3.

⁸ См.: Ким И.А. Моделирование межотраслевых потоков в симметричных таблицах «затраты—выпуск» России (1995–2002 гг.): Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2006.

⁹ См.: Михеева Н.Н., Новикова Т.С., Сулов В.И. Оценка инвестиционных проектов на основе комплекса межотраслевых межрегиональных моделей // Проблемы прогнозирования. 2011. № 4.

тивности проектов, реализуемые в прогнозных расчетах на основе межотраслевых межрегиональных моделей. В качестве инструментария оценки влияния реализации крупного инвестиционного проекта на макроэкономические и региональные показатели предлагается модификация динамической оптимизационной межрегиональной межотраслевой модели, расширенной за счет учета проекта. Для оценки финансовой и экономической эффективности на микроэкономическом уровне применяется многопериодная имитационная межотраслевая модель инвестиционного проекта. Это позволяет оценивать последствия реализации инвестиционных проектов на макроэкономическом, региональном и микроэкономическом уровнях, что важно прежде всего для понимания эффективности проектов, предполагающих получение государственной поддержки.

Указанный подход описан авторами лишь с точки зрения теории. Он не предлагает конкретных вычислительных процедур, с помощью которых можно было бы осуществить подобный анализ.

Подходящая для использования на практике методика оценки инвестиционных проектов с помощью метода «затраты—выпуск» была разработана в Институте народно-хозяйственного прогнозирования РАН¹⁰. Она основывается на использовании открытой статической таблицы «затраты—выпуск» и добавлении к ней новой «отрасли», отражающей затраты по инвестиционному проекту. Проведя исследование параметров функционирования макроэкономической среды и построив функции конечного спроса и инвестиций для экономики в целом, можно объединить модель «затраты—выпуск» с модифицированной моделью мультипликатора Кейнса. Полученный инструментарий позволит вычислить полный прирост конечного спроса (иначе говоря, прирост ВВП) в расчете на единицу затрат по инвестиционному проекту. Данное соотношение служит количественной мерой макроэкономической эффективности проекта и может быть использовано в целях принятия решения об обеспечении государственной поддержки того или иного инвестиционного предложения.

Указанная методика позволяет перейти от теоретических построений сценариев развития всей экономики или отдельных ее отраслей с использованием метода «затраты—выпуск» к расчетам, описывающим последствия принятия конкретных управленческих решений, что нивелирует один из существенных недостатков метода МОБ — высокий уровень абстракции при проведении анализа.

Кроме того, методика оценки макроэкономической эффективности реализации инвестиционных проектов может быть расши-

¹⁰ Finken R.D., Arbatov A.A., Moukhin A.V. et al. Regional Impact of Project Spending // Oil & Gas Executive. 1998. Vol. 1. N 1. P. 38–44.

рена и применена для анализа последствий принятия различных мер государственного регулирования. Указанное расширение может быть осуществлено путем параметризации ряда исходных показателей модели.

Методика оценки эффективности реализации инвестиционных проектов

Как было отмечено выше, методика оценки эффективности реализации инвестиционных проектов сводится к добавлению к таблице «затраты—выпуск» новой «отрасли», отражающей затраты по инвестиционному проекту, и к расчету полного прироста ВВП по принципу мультипликатора.

Опишем общую последовательность расчетов.

1. Для экономики в целом с помощью таблиц «затраты—выпуск» строится разложение элементов конечного спроса на продукцию отечественного производства по составляющим валовой добавленной стоимости.

2. Структура затрат инвестиционного проекта приводится к форме таблицы «затраты—выпуск» и присоединяется к ней в качестве дополнительной отрасли.

3. На основе информации, полученной в п. 2, рассчитываются изменения выпусков во всех отраслях экономики, которые необходимы для реализации проекта.

4. На основе информации, полученной в п. 1 и п. 3, строится разложение элементов конечного спроса на «продукцию» инвестиционного проекта по составляющим валовой добавленной стоимости. Фактически, результат данного этапа — это ответ на вопрос: какая часть сделанных инвестиций после всех взаимодействий между экономическими агентами будет выплачена как заработная плата, какая часть станет прибылью, какая часть вернется в виде налогов?

5. Из внешних источников собираются данные, характеризующие деятельность экономических агентов (потребители, фирмы, государство): склонность к потреблению, нормы амортизации, реинвестирования прибыли, эффективные ставки налогов различных видов.

6. На основе информации, полученной в п. 1, п. 4 и п. 5, рассчитываются итоговые приращения спроса со стороны домашних хозяйств, государства, валового накопления (в основном, инвестиций). Мультипликатор инвестиционного проекта рассчитывается как сумма всех приращений, деленная на начальное приращение инвестиций в результате реализации проекта.

С расчетной точки зрения данная задача сводится к решению системы линейных уравнений:

$$\begin{pmatrix} \Delta C \\ \Delta G \\ \Delta I^1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} d_{11} d_{12} d_{13} d_{14} \\ d_{21} d_{22} d_{23} d_{24} \\ d_{31} d_{32} d_{33} d_{34} \end{pmatrix} \times \begin{pmatrix} \Delta C \\ \Delta G \\ \Delta I \\ \Delta I^1 \end{pmatrix},$$

где ΔC — прирост спроса со стороны домашних хозяйств; ΔG — прирост спроса со стороны государственных учреждений; ΔI — начальный прирост инвестиций (величина задана); ΔI^1 — инвестиции, индуцированные начальным приращением инвестиций.

Коэффициенты d_{ij} при этом определяются исходя:

а) из разложения элементов конечного спроса по элементам валовой добавленной стоимости (ВДС), что позволяет записать последние в следующем виде:

$\Delta W = f_1(\Delta C, \Delta G, \Delta I, \Delta I^1)$, где ΔW — приращение заработной платы;

$\Delta R = f_2(\Delta C, \Delta G, \Delta I, \Delta I^1)$, где ΔR — приращение валовой прибыли;

$\Delta T = f_3(\Delta C, \Delta G, \Delta I, \Delta I^1)$, где ΔT — приращение других чистых налогов на производство;

б) из функций спроса, определяемых на основе внешне заданных факторов (см. выше: склонность к потреблению, нормы налогообложения и пр.):

$\Delta C = g_1(\Delta W, \Delta R, \Delta T)$;

$\Delta G = g_2(\Delta W, \Delta R, \Delta T)$;

$\Delta I^1 = g_3(\Delta W, \Delta R, \Delta T)$; ΔI — задано (объем первоначальных инвестиций).

Величины ΔC , ΔG , ΔI^1 могут быть получены как функции от самих себя и величины первоначальных инвестиций ΔI . Если функции f_i и g_j заданы как линейные, то итоговые сложные функции также будут линейными, что приведет к упомянутой выше системе линейных уравнений.

В соответствии с методикой, для построения функций f_i и g_j нужно задать некоторые характеристики поведения потребителей, фирм и государства (таблица).

Условные обозначения экзогенно задаваемых факторов

Факторы	Обозначение
Норма социальных начислений на заработную плату	ST
Налог на доходы физических лиц	IT
Доля амортизации в валовой прибыли	DP
Налог на прибыль	PT
Ставка налога на импорт	ImT

Факторы	Обозначение
Доля налогов, идущая на потребление органов государственного управления	GT
Доля налогов, идущая на инвестиции	GI
Доля социальных отчислений, идущая на потребление (через пенсии и пособия)	SC
Склонность к потреблению (от чистого дохода)	C
Доля чистой прибыли, идущая на потребление	PC
Доля чистой прибыли, идущая на инвестиции	PI

Рассмотрим, как вычисляются коэффициенты d_{ij} в приведенной выше системе линейных уравнений.

Вначале выпишем функции g_i — аналог функций спроса для отдельных элементов конечного спроса — с использованием введенных обозначений:

$$\begin{aligned} \Delta C &= C \times \left(\frac{1-IT}{1+ST} + SC \times \frac{ST}{1+ST} \right) \times \Delta W + PC \times (1-PT) \times \\ &\quad \times (1-DP) \times \Delta R, \\ \Delta G &= GT \left(\left(\frac{IT}{1+ST} + \frac{ST}{1+ST} \right) \times \Delta W + PT \times (1-DP) \times \Delta R \right), \\ \Delta I^1 &= GI \left(\left(\frac{IT}{1+ST} + \frac{ST}{1+ST} \right) \times \Delta W + PT \times (1-DP) \times \Delta R \right) + \\ &\quad + DP \times \Delta R + PI \times (1-PT) \times (1-DP) \times \Delta R. \end{aligned}$$

Функция для ΔI аналогична таковой для ΔI^1 , однако в наших расчетах будем считать величину ΔI заданной, поэтому данную функцию приводить не будем.

Далее, основываясь на разложении элементов конечного спроса на элементы ВДС и дополнив их информацией о полных затратах импорта в конечном спросе и величине чистых налогов на продукты, можем выразить слагаемые ΔW , ΔR , ΔT в приведенных выше функциях как доли элементов ΔC , ΔG , ΔI , ΔI^1 .

Итоговый мультипликатор k инвестиционного проекта рассчитывается как

$$k = \frac{\Delta C + \Delta G + \Delta I^1 + \Delta I}{\Delta I}.$$

Отметим также, что по приведенной формуле рассчитывается общий мультипликатор роста конечного спроса. Если же нужно рассчитать мультипликатор роста спроса только на отечественную продукцию, необходимо каждую величину в числителе дополнительно умножить на коэффициент $(1 - w_{imp})$, где w_{imp} — доля импорта в соответствующем элементе конечного спроса.

Расширение методики для оценки эффективности различных мер государственного регулирования

Выше была описана методика, позволяющая оценить макроэкономическую эффективность реализации отдельного инвестиционного проекта. Мерой эффективности при этом являлся прирост конечного спроса (прирост ВВП) в расчете на единицу затрат по проекту: чем выше соотношение, тем более эффективным признается проект.

При проведении расчетов фиксировался ряд показателей, описывающих налоговую политику государства и поведение различных групп экономических агентов (см. таблицу). Указанные показатели можно назвать сводными: их значения характеризуют отдельные условия деятельности экономических агентов, однако, ни один из показателей не может быть изменен напрямую с помощью мер государственного регулирования.

Так, для показателей, описывающих налоговую политику, приведенное утверждение верно в том смысле, что государство может влиять на ставки по отдельным налогам, но эффективные ставки, используемые в модели, зависят также и от ситуации на соответствующих рынках (эффективная ставка социальных начислений зависит от распределения работников по уровню заработной платы и пр.).

Тем более не являются объектами прямого государственного регулирования показатели, характеризующие поведение экономических агентов: склонность к потреблению, доля прибыли, идущая на инвестиции и пр.

Соответственно, расширение описанной выше модели для оценки мер государственного регулирования будет заключаться в построении ряда вспомогательных моделей, которые будут отражать зависимость указанных параметров от факторов, подлежащих прямому регулированию со стороны государства.

Мерой эффективности государственной политики в данном случае станет изменение мультипликатора конечного спроса для гипотетического инвестиционного проекта. Рост мультипликатора будет означать повышение эффективности национальной экономики, так как расходы по каждому новому проекту будут вызывать

все больший прирост ВВП. В перспективе использование данного метода позволит проводить сравнение «смешанных» вариантов государственного регулирования — ситуаций, когда существует выбор между прямым финансированием развития новых производств и затратами на повышение уровня эффективности всей экономики.

Список литературы

Ким И.А. Моделирование межотраслевых потоков в симметричных таблицах «затраты–выпуск» России (1995–2002 гг.): Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2006.

Коссов В.В. Межотраслевой баланс. М., 1966.

Методы планирования межотраслевых пропорций / Под ред. А.Н. Ефимова, Л.Я. Берри. М., 1965.

Михеева Н.Н., Новикова Т.С., Суслов В.И. Оценка инвестиционных проектов на основе комплекса межотраслевых межрегиональных моделей // Проблемы прогнозирования. 2011. № 4.

Саяпова А.Р., Сулягин В.С. Опыт построения и анализ межотраслевого баланса региона в концепции СНС // Проблемы прогнозирования. 2001. № 2.

Суворов Н.В. Методы и результаты макроэкономического анализа эффективности производства в реальном секторе отечественной экономики // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3.

Finken R.D., Arbatov A.A., Moukhin A.V. et al. Regional Impact of Project Spending // Oil & Gas Executive. 1998. Vol. 1. N 1.

Ghosh P.P., Ghose A., Chakraborty D. A Critical Review of the Literature on Integrated Macroeconometric & Input–Output Models: 19th Intern. Input–Output Conference. USA. 2011. 13–17 June // Intern. Input–Output Association Website. 2012. URL: <http://www.iioa.org/Conference/19th-downable%20paper.htm>

Leontief W. Studies in the Structure of the American Economy. N.Y., 1953.

А.А. Коваленко¹,

менеджер-маркетолог ЗАО РКХП

НОВЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ИННОВАЦИЯМИ

В статье на основе деятельностного подхода рассматриваются вопросы управления инновациями и социальные аспекты этого процесса. Также разбирается общая структура деятельности, ее составные элементы и структура инновационного процесса.

Ключевые слова: управление инновациями, деятельность, мотивация, инновационный процесс.

This article deals with activity approach to innovation management issues and activity approach to this topic. The structure of innovation process and activity are viewed in this article.

Key words: innovation management, activity, motivation, innovation process.

Одним из важных факторов, влияющих на социально-экономическое развитие предприятий, являются инновации. В последнее время инновационная деятельность становится неотъемлемой частью любой современной организации.

Согласно результатам исследования, проведенного компанией PricewaterhouseCoopers, «инновации становятся средством достижения и создания ценности»². Согласно данным Boston Consulting Group, 90% предприятий считают инновации своим стратегическим приоритетом. Важность инноваций, которая растет с каждым годом, отмечается во всех секторах экономики³.

Рассматривая управление инновациями как деятельность, автор статьи хотел бы остановиться на следующих понятиях: «инновационная деятельность», «инновационный процесс» и собственно «деятельность».

К.Л. Гаврилов определяет инновационную деятельность как «комплекс мероприятий, необходимых для внедрения идеи в экономическую практику»⁴. Он не отождествляет понятия «иннова-

¹ Коваленко Александр Александрович, тел.: +7 (903) 125-09-89; e-mail: akovalenko777@mail.ru

² Дандон Э. Инновации: как определять тенденции и извлекать выгоду / Пер. с англ. С.Б. Ильина; Под общ. ред. М.Б. Шифрина. М., 2006. С. 18.

³ Smith H. What Innovation Is. How Companies Develop Operating System for Innovation // A CSC White Paper. European Office of Technology and Innovation. UK, 2005. URL: <http://howardsmith.editme.com/> (дата обращения: 18.12.2011).

⁴ Гаврилов К.Л. Механизм обновления: Концепция развития национальной инновационной системы России. М., 2003. С. 26.

ция» и «инновационный процесс» в силу различия этих категорий по своему содержанию. Но в представленном материале под инновациями понимается процесс инициирования, отбора и развития идей на основе знаний, умений и навыков, целью которых является получение определенной выгоды в виде новых или усовершенствованных продуктов или услуг и совершенствование стратегии или бизнес-модели.

Согласно Дж. Гринбергу, инновационный процесс представляет собой структуру, состоящую из нескольких компонентов и шагов⁵ (рис. 1).

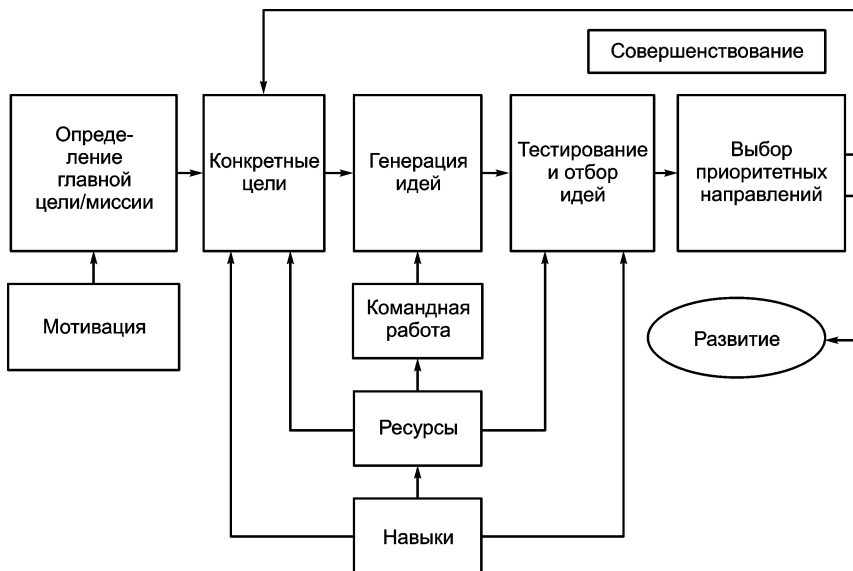

Рис. 1. Структура инновационного процесса

На первом этапе предполагается формирование общего плана, включающего миссии (например, в виде единого документа) и определяющего направление развития предприятия. Неотъемлемым элементом этой фазы оказывается мотивация.

Следующая стадия является подготовительной для инноваций. Она может включать определение конкретных, более четких целей и оценку ресурсов. На этом этапе может также происходить оценка внутренней и внешней среды предприятия, человеческих ресурсов, навыков и умений сотрудников, которые необходимы для следующей фазы — генерации новых идей.

⁵ Greenberg G., Baron R.A. Behavior in Organizations: Understanding Managing the Human Side of Work. 7th ed. New Jersey, 1999. P. 506.

На третьей стадии происходит рождение новых идей для дальнейшего развития. Они проходят отбор, оцениваются и соотносятся с имеющимися ресурсами, в том числе и с человеческими, на четвертом этапе. На пятой стадии окончательно прорабатываются те идеи, которые были отобраны.

Составная часть ресурсов будет рассмотрена более детально позже. Пока же отметим следующий важный момент: всестороннее и полное обеспечение всеми видами ресурсов является необходимым условием высокой результативности и эффективности инновационной деятельности. Теперь перейдем непосредственно к деятельности.

При рассмотрении понятия «деятельность» следует опираться на труды таких ученых, как А.Н. Леонтьев, Г.П. Щедровицкий, В.И. Слободчиков, А.Р. Лурия и др.

А.Н. Леонтьев отмечает, что человеческая деятельность является отдельной системой, которая в свою очередь включена в систему отношений общества⁶. Вне этих отношений человеческая деятельность не может существовать.

Можно выделить разные виды деятельности, которые будут отличаться друг от друга по какому-либо признаку, например по форме, по способам осуществления, по временной или пространственной характеристике и т.д. Одна деятельность отличается от другой, как правило, своим предметом. Предмет деятельности придает ей некую направленность.

А.Н. Леонтьев в качестве предмета деятельности определяет ее действительный мотив, который может быть как вещественным, так и существующим только в воображении, в мысли. Главное то, что он всегда отвечает той или иной потребности.

Итак, из упомянутого выше ясно, что понятие «деятельность» неразрывно связано с понятием «мотив». Деятельность не может существовать без мотива. Если мотив неочевиден, значит, он просто скрыт.

Говоря о мотивах, которые представляют собой инстинктивные импульсы, нужно коснуться вопроса о потребностях. Потребность возникает как предпосылка деятельности и далее по мере развития деятельности переходит в ее результат. Следует сделать основной акцент на процессе перехода потребности в фазу потребления предмета. Таким образом, «индивид производит предмет и через его потребление опять возвращается к самому себе»⁷.

Любая деятельность состоит из действия или связанных действий, которые представляют собой процесс, подчиненный дости-

⁶ См.: *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 83.

⁷ Там же. С. 87.

жению сознательной цели. Без действий деятельность не существует. Это ее составные элементы, так же как и мотив. Действие в свою очередь не может существовать без цели. Но одно действие может осуществлять разные деятельности.

Таким образом, обычно деятельность представляют как совокупность действий, которые предполагают достижение определенных целей и могут задаваться определенной последовательностью.

Г.П. Щедровицкий рассматривает деятельность как сложную структуру, которая состоит из связанных между собой элементов. За единицу деятельности можно взять весь социальный организм целиком, в котором все процессы и люди будут являться элементами деятельности. Такое социологическое представление деятельности является отправной точкой для ее анализа.

В.И. Слободчиков⁸ предлагает свое понимание структуры любой деятельности. Согласно его взгляду, деятельность состоит из элементов, представленных на рис. 2.

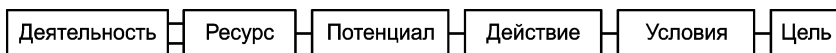

Рис. 2. Схема деятельности

В философской и психологической литературе человеческая деятельность определяется как внутренняя и внешняя активность, регулируемая осознаваемой целью. Помимо цели деятельность включает в себя средства — ресурсы, условия, действие и потенциал.

Что касается ресурсной базы, то, по мнению автора статьи, она включает в себя физический, финансовый и интеллектуальный капитал (согласно концепции Н.-Г. Ольве, Ж. Рой и М. Ветер⁹).

Выше были упомянуты такие важные понятия, как «человеческий капитал», «интеллектуальный капитал» и «потенциал предприятия». Прежде всего определим, что же означает потенциал предприятия.

Потенциал — это скрытая возможность, способность, которая может проявиться при определенных условиях. Можно определить данное понятие как источник средств и ресурсов, которые могут быть приведены в действие, использованы при решении какой-либо задачи или для достижения конкретной цели.

Вопросами изучения потенциала предприятия занимались, в частности такие авторы, как Н.М. Овчинникова¹⁰ (рассматривала

⁸ См.: Слободчиков В.И. Деятельность как антропологическая категория // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 48.

⁹ См.: Ольве Н.-Г., Рой Ж., Ветер М. Сбалансированная система показателей: Практическое руководство по использованию / Пер. с англ. М., 2006. С. 45.

¹⁰ См.: Овчинникова Н.М. Развитие теории и методов оценки экономического потенциала в системе управления предприятием: Дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2003.

теорию экономического потенциала и его роль в системе управления предприятием), Н.Г. Коршунова¹¹ (изучала социально-экономический потенциал предприятия), Н.В. Воронкова¹² (изучала социальный потенциал организации) и другие авторы.

Н.В. Воронкова отмечает, что социальный потенциал включает отношения и деятельность субъекта управления, направленные на создание системы взаимодействий для реализации сотрудниками знаний, умений, способностей и навыков в соответствии с поставленными предприятием целями¹³. Структура социального потенциала предприятия состоит из двух компонентов: личностного и административного. К первому относится интеллектуальный, физический, психологический потенциалы работника, а ко второму — система управления персоналом, организационная культура и др. Н.В. Воронкова связывает понятие социального потенциала с социальным капиталом, а следовательно, и с человеческим и интеллектуальным капиталом, о чем речь пойдет далее.

По мнению Н.Г. Коршуновой, понятие социально-экономического потенциала подразумевает возможность использования человеческого, социального, финансового капитала предприятия¹⁴. Она также отмечает специфику социального потенциала, которая заключается в том, что это система, основанная на возможностях коллектива в целом, а также на возможности отдельных элементов, направленных на эффективную работу предприятия, использовать имеющиеся доступные ресурсы в соответствии с миссией и стратегическими целями организации.

Очевидно, что любое предприятие создается для решения вполне определенных задач и для выполнения конкретных функций. Поэтому коллективная деятельность на предприятии рассматривается как целостный, взаимосвязанный и целенаправленный комплекс действий, который позволяет решать эти задачи.

Для того чтобы обеспечить результативную коллективную деятельность, направленную на достижение общей конечной цели, эту цель необходимо разбить на подцели и создать целевые установки для каждого исполнителя, спланировать индивидуальную деятельность каждого исполнителя и согласовать ее с действиями других исполнителей.

¹¹ См.: *Коршунова Н.Г.* Управление социально-экономическим потенциалом машиностроительного предприятия: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Екатеринбург: Урал. гос. экон. ун-т, 2000.

¹² См.: *Воронкова Н.В.* Социальный потенциал организации: социологический анализ: Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2007.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ См.: *Коршунова Н.Г.* Указ. соч. С. 23.

Мотивационный механизм управления инновациями был также рассмотрен в работе В.И. Сидорова и Т.Е. Шедяковой¹⁵. Созданная ими общая схема инновационной деятельности, состоящая из нескольких элементов, представлена на рис. 3.

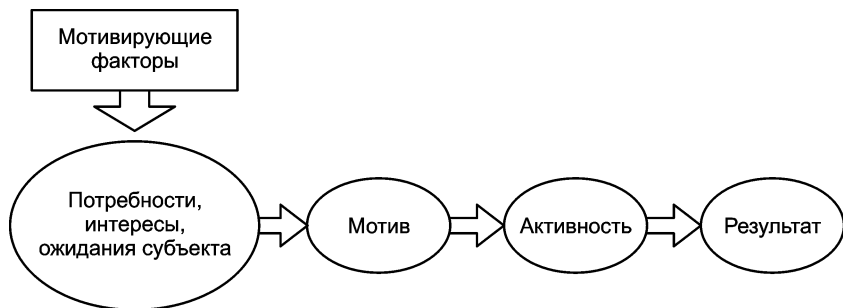

Рис. 3. Составные элементы инновационной деятельности

Основная задача заключается в формировании комплекса мотивообразующих факторов, которые способны вызвать изменения в мотивационной структуре мотивируемого субъекта. Факторы условно можно разделить на два вида: позитивные, направленные на положительную реакцию и активизацию деятельности, и негативные, состоящие из различного рода санкций. Но на вторую группу факторов не рекомендуется ориентироваться при осуществлении инновационной деятельности, так как они снижают общую мотивацию субъектов, хотя в отдельных случаях могут быть действенны.

В.И. Сидоров и Т.Е. Шедякова выделяют мотивы, исходящие из внешних факторов, которые не связаны с характером деятельности. К ним относят мотив долга и ответственности, социальный статус. Особенность данной мотивации в том, что привлекательность заключается не в деятельности самой по себе, а в том, что с ней связано. Это могут быть власть, материальное благополучие и престиж. Поэтому данные мотивы недостаточны для побуждения к деятельности, и нужно, чтобы они были подкреплены другими мотивами, «процессуально-содержательными» (т.е. чем-то, что непосредственно связано с деятельностью). К ним могут относиться следующие доводы: субъекту интересен характер деятельности, имеется возможность проявить свои интеллектуальные способности, увидеть полученный результат.

¹⁵ См.: Сидоров В.И., Шедякова Т.Е. Мотивационный механизм управления инновационной деятельностью в условиях транзитивных экономических процессов // Механизмы регулирования экономики. 2009. Т. 1. № 3. С. 102.

Под воздействием различных факторов формируется определенная мотивационная структура, которая побуждает субъекта к достижению тех или иных целей.

Цели представляют собой запланированный и осознанный результат, модель будущего продукта или процесса — то, чего необходимо достичь. Достижение цели является ключевым моментом. Н.И. Дряхлов и Е.А. Куприянов говорят о методе goal-setting («постановка цели») как о мотивационной технике¹⁶.

Основной акцент делается на роли намерений индивида при понимании поведения. Предполагается, что важным мотивационным фактором является наличие определенной осознанной цели, которую необходимо достичь. Действие механизма goal-setting можно также объяснить тем, что индивид, перед которым ставится сложная цель, желает достичь ее, при этом повысив свои способности, чтобы иметь возможность в дальнейшем справляться с более сложными ситуациями и заданиями. Важно отметить, что цели, которые ставятся перед сотрудниками, должны быть конкретными и иметь кратко- или среднесрочный характер. Это необходимо для того, чтобы была возможность увидеть результат в ближайшее время, так как реальный результат способствует и побуждает к действиям при реализации инновационных проектов.

Цель управления инновационной деятельностью состоит в том, чтобы инициировать, генерировать, контролировать новые идеи, управлять ими в масштабах всего предприятия и выводить полученные результаты на рынок. В основе управления инновациями лежит сбалансированное сотрудничество новаторов и тех, кто отвечает за направление деятельности организации и ее стабильность.

Список литературы

Воронкова Н.В. Социальный потенциал организации: социологический анализ: Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2007.

Гаврилов К.Л. Механизм обновления: Концепция развития национальной инновационной системы России. М., 2003.

Дандон Э. Инновации: как определять тенденции и извлекать выгоду / Пер. с англ. С.Б. Ильина; Под общ. ред. М.Б. Шифрина. М., 2006.

Дряхлов Н.И., Куприянов Е.А. Метод goal-setting в менеджменте: теория и практика // Социс. 2004. № 6.

Коришнуова Н.Г. Управление социально-экономическим потенциалом машиностроительного предприятия: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Екатеринбург: Урал. гос. экон. ун-т, 2000.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

¹⁶ См.: *Дряхлов Н.И., Куприянов Е.А.* Метод goal-setting в менеджменте: теория и практика // Социс. 2004. № 6. С. 121.

Овчинникова Н.М. Развитие теории и методов оценки экономического потенциала в системе управления предприятием: Дисс. ... канд. экон. наук. СПб, 2003.

Ольве Н.-Г., Рой Ж., Ветер М. Сбалансированная система показателей: Практическое руководство по использованию / Пер. с англ. М., 2006.

Сидоров В.И., Шемякова Т.Е. Мотивационный механизм управления инновационной деятельностью в условиях транзитивных экономических процессов // Механизмы регулирования экономики. 2009. Т. 1. № 3.

Слободчиков В.И. Деятельность как антропологическая категория // Вопросы философии. 2001. № 3.

Greenberg G., Baron R.A. Behavior in Organizations: Understanding Managing the Human Side of Work. 7th ed. New Jersey, 1999.

Smith H. What Innovation Is. How Companies Develop Operating System for Innovation // A CSC White Paper. European Office of Technology and Innovation. UK, 2005. URL: <http://howardsmith.editme.com/>

ЭКОНОМИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Л.С. Чугаева¹,

аспирант кафедры финансов и кредита экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ВЕНЧУРНОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ НА ПРИМЕРЕ США, БРАЗИЛИИ И РОССИИ

Рынок венчурного капитала активно развивается по всему миру. Многие страны стремятся использовать данный инструмент финансирования, видя в нем эффективный способ развития предпринимательства в области высоких технологий. В России созданию и развитию венчурных фондов также уделяется большое внимание. Государство активно принимает законы и учреждает программы, направленные на стимулирование венчурного рынка. В представленной работе рассматриваются методы государственной поддержки, применяемые в США, Бразилии и России. На основе проведенного анализа, строятся выводы относительно перспективных направлений политики в области развития венчурного финансирования в России.

Ключевые слова: венчурный капитал, государственное регулирование, Россия, США, Бразилия.

Venture capital plays a significant role in modern financial world. Many countries are trying to develop this financial mechanism because they believe that venture capital influences positively on innovative types of entrepreneurship. Russian government has already passed several laws concerning venture capital and develops programs that aim to venture capital. In my paper I would like to compare purposes and tools of government regulation in USA, Brazil and Russia. Base on this analysis I'm going to highlight prospective directions for further government regulation of venture capital in Russia.

Key words: venture capital, government regulation, Russia, USA, Brazil.

Проблема изучения венчурных фондов в последнее время все больше привлекает внимание исследователей широкого профиля. Эти фонды на практике проявили себя как эффективный инструмент финансирования высокорисковых проектов. Так, например, в США — общепризнанном лидере в области венчурных технологий — в 2011 г. действовали порядка 169 венчурных фондов, аккумулировавших в общей сложности 18,16² млрд долл. Во многом

¹ Чугаева Лариса Сергеевна, тел: +7 (915) 361-31-72; e-mail: chugaeva711@yandex.ru

² VC Fundraising // National Venture Capital Association Website. 2012. URL: http://www.nvca.org/index.php?option=com_docman&task=cat_view&gid=56&Itemid=317 (дата обращения: 15.10.2012).

именно успех Соединенных Штатов способствовал развитию венчурной индустрии во всем мире.

Сейчас многие развивающиеся страны ставят перед собой вопрос, как именно развивать венчурную индустрию. Не вызывает сомнений, что на этапе становления рынка венчурного капитала активную роль должно играть государство. Тем, кто только начинает свой путь в венчурной индустрии, важно определить правовые принципы, на основе которых игроки венчурного рынка будут взаимодействовать друг с другом. Методы государственной поддержки венчурных фондов сильно различаются в разных странах. В связи с этим неизменно возникает другой вопрос, как именно должно государство выстраивать политику в отношении венчурных фондов, чтобы достичь действенных результатов.

Данные вопросы особенно актуальны для России. В нашей стране венчурная индустрия находится на начальной стадии своего развития. На сегодняшний момент государство активно участвует в процессе создания надежного «базиса» для нее.

Сравнение методов государственной политики в области венчурного капитала в развитых и развивающихся странах

В представленной работе сравниваются методы государственного регулирования венчурного капитала, применяемые в таких странах как США, Бразилия и Россия.

Можно выделить три основных направления государственной политики в области поддержки венчурного капитала: создание законодательной базы или законотворческая деятельность, регулятивная или надзорная деятельность и проведение программ, ориентированных на поддержку и развитие венчурной индустрии (рис. 1). Поэтапный переход от фундаментальных государственных преобразований к точечной поддержке позволяет создать сбалансированную и эффективную систему государственной помощи венчурной индустрии.

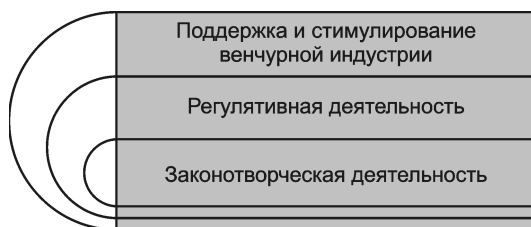

Рис. 1. Направления государственной политики в области поддержки венчурного капитала

Анализируя методы государственного управления венчурной индустрией, важно понимать различия между развитыми и развивающимися странами и специфику государственного регулирования в них. Опыт развивающихся стран также важен, как и опыт США — страны с наиболее развитым рынком венчурного капитала на сегодняшний момент. Так, венчурный капитал в Бразилии начал свое становление с 90-х гг. прошлого века. Можно проанализировать эффективность тех или иных мер государственного регулирования отрасли за двадцать лет. Стоит упомянуть, что по основным социально-экономическим показателям страны Центральной и Латинской Америки близки к России. Это обеспечивает схожие внешние условия для рынка венчурного капитала и делает сравнение методов государственного регулирования венчурной индустрии в рассматриваемых странах особенно перспективными. Однако, безусловно, полностью игнорировать опыт Соединенных Штатов в данной области неразумно. Поэтому в статье в первую очередь рассматривается специфика государственного регулирования венчурной индустрии в США.

Регулирование рынка венчурного капитала в США

Считается, что венчурная индустрия зародилась в США в 50-е гг. прошлого века. Поворотным моментом является создание в 1953 г. Агентства малого бизнеса (Small Business Administration — SBA, далее — агентство), которое занимается поддержкой малого бизнеса. В настоящее время агентство реализует программы по следующим направлениям:

- техническая поддержка;
- финансовая поддержка;
- контрактная поддержка (госзакупки и госзаказы для малых предприятий);
- возмещение ущерба, причиненного стихийным бедствием;
- специальные программы (женщины-предприниматели, молодые предприниматели и т.д.).

Однако особо хочется остановиться на деятельности агентства, направленной на поддержку именно венчурной индустрии. В 1958 г. конгресс утвердил программу «Финансирование инвестиционными компаниями малого бизнеса» (Small Business Investment Companies — SBIC³). Согласно этой программе, агентство лицензирует венчурные фонды, другими словами, инвестиционные компании, и предоставляет им помощь в получении финансирования или га-

³ Funding the SBIC Program: An Overview // U.S. Small Business Administration Website. URL: <http://www.sba.gov/content/funding-sbic-program-overview> (дата обращения: 10.10.2012).

рантию. Фактически это одна из разновидностей фонда фондов. Государство предоставляет гарантии в объеме до трех раз превышающем уставной капитал фонда. Обязательства перед агентством должны погашаться поэтапно в течение 4–5 лет. Чтобы получить заем, инвестиционные компании выпускают ценные долговые бумаги (SBIC Debentures program) с гарантией агентства через инвестиционный траст. Данные бумаги размещаются на открытом рынке, и таким образом инвестиционная компания получает дополнительные средства.

По статистическим данным агентства⁴, в 2011 г. на территории США действовало около 300 инвестиционных компаний, которые в общей сложности инвестировали порядка 2,6 млрд долл.

Однако следует отметить, что программа SBIC имеет и свою специфику. Как можно видеть на приведенной далее диаграмме (рис. 2), большинство инвестиций с 2007 по 2011 г. осуществлялось в традиционные сферы деятельности, такие как производство широкого профиля, производство товаров потребления и транспорт. Во многом это связано с тем, что основным приоритетом для агентства является поддержка традиционных видов отраслей. Именно для них агентство⁵ установило максимальные показатели годовой выручки и численности персонала, в рамках которых предприятия могут быть признаны малыми и тем самым облегчить себе процедуру получения финансирования. Также согласно инструкции № 107 «Инвестиционные компании, финансирующие малый бизнес»⁶, в частности разделе 107.720 «Малые виды бизнеса, в которые запрещено инвестировать», инвестиционные компании не имеют права финансировать рискованные виды бизнеса, проекты, связанные с недвижимостью и землей, рискованные проекты и проекты, направленные на создание единичного или группы единичных продуктов.

Таким образом, программа SBIC поддерживает в большей степени традиционный малый и средний бизнес и в меньшей — высокотехнологичные отрасли бизнеса. По мнению автора, это связано со стремлением сохранить занятость в приоритетных сферах деятельности. Тем не менее SBIC по праву считается одной из самых крупных программ поддержки малого предпринимательства.

⁴ Program Statistic and Administrative Performance // U.S. Small Business Administration Website. URL: <http://www.sba.gov/content/program-statistics-administrative-performance> (дата обращения: 10.10.2012).

⁵ Table of Small Business Size Standards Matched to North American Industry Classification System Codes // U.S. Small Business Administration Website. URL: http://www.naics.com/naicsfiles/Size_Standards_Table.pdf (дата обращения: 10.09.2012).

⁶ Code of Federal Regulations. Part 107. Small Business Investment Companies [13 CFR 107] // RegsToday.com. URL: http://cfr.regstoday.com/13cfr107.aspx#13_CFR_107p710 (дата обращения: 12.10.2012).

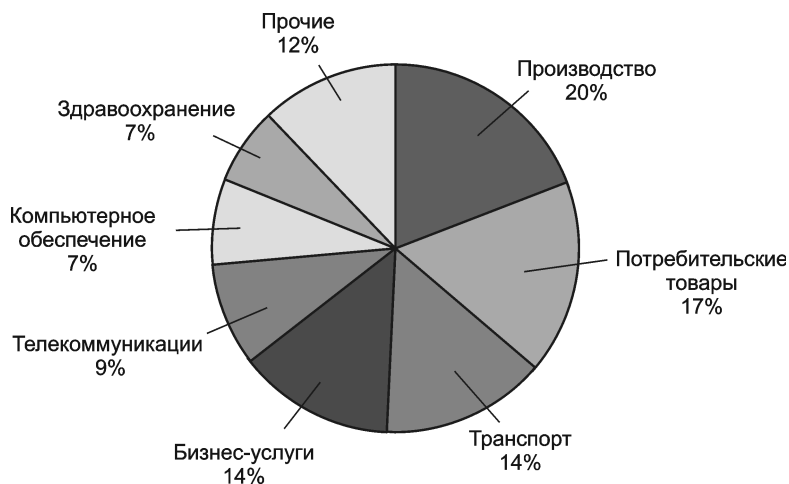

Рис. 2. Распределение инвестиций SBIC по отраслям за период с 2007 по 2011 г.

Источник: Составлено автором на основе статистических данных сайта Агентства малого бизнеса. URL: <http://www.sba.gov/content/program-statistics-administrative-performance> (дата обращения: 12.03.2012).

Кроме нее есть еще две узконаправленные программы «Инновационные исследования малого бизнеса» (Small Business Innovation Research — SBIR⁷) и «Передача технологий малому бизнесу» (Small Business Technology Transfer Program — STTR⁸). Они ориентированы главным образом на повышение конкурентоспособности госорганов США путем развития кооперации и сотрудничества с исследовательскими центрами. Проектов, нацеленных исключительно на развитие венчурной индустрии, сегодня не существует⁹.

Если говорить о законодательной и регулятивной деятельности на рынке венчурного фонда, то она очень ограничена. В отчете Исследовательского центра при конгрессе США¹⁰ (Congress Research Service) «Кто кого регулирует? Обзор финансовых надзор-

⁷ About SBIR // Small Business Innovation Research Website. URL: <http://www.sbir.gov/about/about-sbir> (дата обращения: 12.11.2012).

⁸ About STTR // Small Business Innovation Research Website. URL: <http://www.sbir.gov/about/about-sttr> (дата обращения: 15.11.2012).

⁹ Единственная программа «Венчурные компании на новых рынках» (New Markets Venture Capital Companies), которая была направлена на стимулирование развития венчурного бизнеса в регионах с низким уровнем среднего дохода, сейчас заморожена (New Markets Venture Capital Companies // U.S. Small Business Administration Website. URL: <http://www.sba.gov/category/lender-navigation/sba-loan-programs/new-markets-venture-capital-companies> (дата обращения: 15.11.2012).

¹⁰ Congressional Research Service Website. URL: <http://www.loc.gov/crsinfo/> (дата обращения: 15.11.2012).

ных органов США¹¹» отмечается, что венчурные фонды и фонды прямого финансирования выпадают из-под контроля финансовых агентств. Во многом это связано с развитием саморегулирующихся организаций, таких, например, как Национальная ассоциация венчурного капитала (NVCA). Она напрямую не осуществляет контроль над венчурными компаниями, однако агрегирует статистическую информацию по фондам и частично берет на себя надзорные функции. Также NVCA является главным связующим звеном между государством и венчурными капиталистами, представляя интересы фондов в конгрессе США.

Таким образом, в США методов государственного регулирования немного. Программы поддержки венчурной индустрии в большей степени ориентированы на стимулирование отдельных отраслей экономики, нежели на полномасштабное стимулирование инноваций или совершенствование законодательной базы. Большинство надзорных и регулятивных функций передано NVCA.

Регулирование венчурного капитала в Бразилии

На протяжении последних лет правительство Бразилии проводило комплексные реформы, направленные на поддержку и развитие венчурного капитала в стране. С 1994 по 2008 г. Национальная комиссия по ценным бумагам (Comissão de Valores Mobiliários) совершенствовала законодательную базу¹².

Латиноамериканская ассоциация венчурного капитала (LAVCA) ежегодно составляет рейтинг стран по степени развитости венчурного капитала. Бразилия всегда занимает лидирующие места в этом списке, в частности в 2011 г. она находилась на втором месте после Чили. В ежегодных отчетах LAVCA¹³ отмечается, что благодаря законодательным реформам доступ к участию в инвестициях венчурных фондов получили пенсионные фонды, а также страховые компании. Венчурные фонды в свою очередь получили возможность влиять на управленческие решения финансируемых предприятий, осуществлять постадийное финансирование. Бразилии удалось достигнуть значительных успехов в защите прав миноритарных инвесторов венчурных фондов.

¹¹ *Jickling M., Murphy E.V.* Who Regulates Whom? An Overview of US Financial Supervision // U.S. Department of State Website. 2009. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/120574.pdf> (дата обращения: 17.11.2012).

¹² Brazil Regulation. Funds and Fund Management 2010 // KPMG Website. URL: http://www.kpmg.com/Global/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents/Fund-management-2010/Brazil_Funds_Mtg_regulation_2010.pdf (дата обращения: 12.03.2012).

¹³ Scorecard // Latin America Private Equity and Venture Capital Association Website. 2010. URL: <http://lavca.org/research-and-tools-2/scorecard/> (дата обращения: 12.03.2012).

Особо стоит отметить деятельность саморегулирующихся организаций в Бразилии. Самые крупные из них — Бразильская ассоциация прямого финансирования и венчурного капитала (Brazilian Private Equity and Venture Capital Association — ABVCAP¹⁴), которая представляет интересы венчурных капиталистов, и Бразильская ассоциация финансовых рынков (Brazilian Financial and Capital Markets Association — ANBIMA¹⁵), за которой закреплены надзорные функции.

С 2000 г. Министерством науки, технологии и инноваций (Ministério da Ciência, Tecnologia e Inovação) Бразилии была запущена программа под названием Inovar Project¹⁶. Ее цель — стимулировать развития малого и среднего инновационного предпринимательства. В рамках программы совместно с ведущими бразильскими агентствами осуществляется разработка законодательной базы, позволяющей реализовывать механизм венчурного финансирования. Также в указанной программе большое внимание уделяется образовательной деятельности, направленной в первую очередь на инновационных предпринимателей и на венчурные фонды. Это обучающие семинары для венчурных капиталистов, проведение на регулярной основе начиная с 2000 г. инновационных форумов.

Еще одной инициативой программы Inovar стало формирование единой сети инвесторов и предпринимателей. На сайте данной программы¹⁷ можно зарегистрироваться в онлайн-режиме и получить доступ к информационной и законодательной базе, а также возможность коммуницировать с другими участниками рынка венчурного капитала.

В рамках программы Inovar был основан Бразильский фонд фондов (Incubadora de Fundos Inovar¹⁸). В его состав входят 15 фондов, 12 из которых уже активно работают и в общей сложности инвестировали более 80 млн долл. в 40 инновационных предприятий. Остальные фонды пока находятся в процессе сбора средств.

Таким образом, методы государственного регулирования рынка венчурного капитала в Бразилии очень разнообразны. Законодательная база для венчурных фондов постоянно совершенствуется. Особо стоит отметить, что в законодательном процессе государ-

¹⁴ Brazilian Association of Private Equity and Venture Capital Official Website. URL: <http://www.abvcap.com.br/> (дата обращения: 18.06.2012).

¹⁵ Brazilian Financial and Capital Markets Association Official Website. URL: http://www.anbima.com.br/_aanbima/ (дата обращения: 18.06.2012).

¹⁶ Inovar // Venture Capital FINEP Website. URL: <http://www.venturecapital.gov.br/vcn/programaInovar.asp> (дата обращения: 12.03.2012).

¹⁷ Cadastro Seed Forum FINEP // Venture Capital FINEP Website. URL: <http://www.venturecapital.gov.br/vcn/seedForum.asp> (дата обращения: 12.03.2012).

¹⁸ Incubadora de Fundos Inovar // FINEP Website. 2012. URL: http://www.finep.gov.br/imprensa/noticia.asp?cod_noticia=1488 (дата обращения: 12.03.2012).

ство активно взаимодействует с LAVCA и ABVCAP. Это позволяет наладить продуктивный диалог между бизнесом и властью. Еще одним ведущим направлением государственной поддержки венчурного капитала является формирование единой инновационной инфраструктуры. Проведение инновационных форумов, обучающих семинаров и создание единой социальной сети, объединяющей инвесторов и предпринимателей, способствует созданию единого инновационного информационного пространства. Однако, несмотря на активную роль государства на рынке венчурного капитала, часть полномочий, таких, например, как надзорные, передана саморегулирующимся организациям.

Регулирование рынка венчурного капитала в России

В России основными направлениями государственной политики в области венчурного финансирования стало создание Российской венчурной компании (РВК), формирование особых экономических зон и основание инновационного центра «Сколково».

РВК¹⁹ организовывалась по образу и подобию израильского фонда Yozma. На сегодняшний момент в рамках фонда фондов действуют 12 субфондов, аккумулирующих в общей сложности около 26,1 млрд руб. В 2011 г. общий объем инвестиций составил 9,1 млрд руб., финансирование получил 101 инновационный проект. Также в рамках государственно-частного партнерства действуют 22 региональных венчурных фонда, объем средств под их управлением превышает 9 млрд руб. Основное условие участия частных инвесторов в региональных венчурных фондах под началом РВК — финансирование на долевого основе (половина вложений должна быть осуществлена на частном уровне, четверть — на региональном и четверть — на федеральном).

В 2005 г. Министерство экономического развития и торговли РФ, возглавляемое Г. Грефом, разработало законопроект «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Сегодня в России существуют пять типов особых зон²⁰: свободной торговли, промышленно-производственная, технико-внедренческая, портовая и туристско-рекреационная. Особые экономические зоны действуют в 21 регионе²¹. Но только в семи из них зарегистрированы резиденты: в Калининграде — 39 участников, в промышленно-

¹⁹ Российская венчурная компания: официальный сайт. URL: <http://www.rus-venture.ru/ru/company/brief/> (дата обращения: 15.05.2012).

²⁰ Российские особые экономические зоны (ОЭЗ): официальный сайт. URL: <http://www.rosez.ru/> (дата обращения: 15.05.2012).

²¹ Реестр резидентов особых экономических зон // Российские особые экономические зоны (ОЭЗ): официальный сайт. URL: http://www.rosez.ru/res_search.php (дата обращения: 09.09.2012).

производственных зонах Татарстана и Липецка — 6 и 9 участников соответственно, в технико-внедренческих зонах Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Томска — 11, 21, 13 и 8 участников соответственно.

28 сентября 2010 г. был принят Федеральный закон № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”». По замыслу создателей центра «Сколково» должно стать аналогом американской Силиконовой долины. В. Вексельберг, генеральный менеджер проекта, так описывает наукоград: «Сколково — это не бизнес-проект в обычном понимании. Это не прямые инвестиции, у которых есть срок окупаемости, возвратность на вложенный капитал... Если через какое-то время резиденты “Сколково” начнут регистрировать патенты, продавать изобретения и получать роялти, это и будет результатом²²».

Особо хочется остановиться на законотворческой деятельности в нашей стране, направленной на поддержку венчурного капитала. В России приняты два закона «О хозяйственных партнерствах» и «Об инвестиционном товариществе». Первый предполагает новую организационно-правовую форму, наиболее подходящую для инновационной деятельности. Второй устанавливает новую организационно-правовую форму ведения коллективной инвестиционной деятельности. Однако до конца не уточнены принципиальные отличия хозяйственных партнерств от закрытых акционерных обществ — организационной формы, которая в настоящее время наиболее распространена среди венчурных компаний. Также вызывает вопросы сама форма инвестиционного товарищества. Непонятно, означает ли она отказ от венчурных фондов. Приведенные выше законодательные инициативы не раз подвергались критике. В частности Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства под руководством В. Яковлева выступил против принятия данных законопроектов, отмечая их законодательное несовершенство и имеющиеся в них большие возможности для злоупотреблений²³.

Выводы

На сегодняшний момент можно выделить два полярных метода государственного регулирования венчурного капитала. В США рынок венчурного капитала практически выходит из под прямого го-

²² Вексельберг призвал создать в России десятки инноградов // Lenta.ru: онлайн-издание. 2010. 26 апр. URL:<http://lenta.ru/news/2010/04/26/skolково/> (дата обращения: 18.12.2011).

²³ Кремль не уверен в партнерах и товарищах // Kommersant: онлайн-издание. 2011. 20 июля. URL:<http://www.kommersant.ru/doc/1682410> (дата обращения: 15.02.2012).

сударственного регулирования. Надзорные функции возложены на саморегулирующиеся организации. Велика их роль и в законодательном процессе, налажен открытый диалог венчурного бизнеса и государства. В России, напротив, государство стремится максимально контролировать рынок венчурного капитала. Зачастую законодательские инициативы по совершенствованию законодательной базы принимаются уже после того, как программы по поддержке инноваций, особые экономические зоны или фонд фондов активно функционируют на рынке. В нашей стране нет отлаженного механизма взаимодействия венчурного бизнеса и государства. Российская ассоциация прямого и венчурного инвестирования (РАВИ)²⁴ не принимает участие в законодательской деятельности, ограничиваясь проведением венчурных ярмарок и инновационных форумов. Рынок российского венчурного капитала максимально закрыт: венчурные фонды имеют право не раскрывать объем средств под управлением и объекты инвестиций, нет единой статистики по динамике венчурного рынка. Между тем излишняя государственная вовлеченность противоречит основной идее венчурного капитала: открытость, инновации и предпринимательская свобода. Она может снизить предпринимательскую инициативу в нашей стране.

В связи с этим особый интерес вызывает опыт венчурного регулирования в Бразилии: правительство страны изменяет и совершенствует законодательную базу, привлекая к данному процессу венчурных капиталистов в лице саморегулирующихся организаций. Основные государственные программы направлены не на прямые государственные инвестиции в венчурный рынок, а на создание единого инновационного информационного пространства. Часть государственных функций, такие, например, как надзорные, постепенно переходят саморегулирующимся организациям. Все это способствует развитию свободной предпринимательской инициативы.

Список литературы

Агентство малого бизнеса США: официальный сайт. URL: www.sba.gov
Амосов Ю. Венчурный капитализм: от истоков до современности. СПб., 2007.

База федеральных законодательных актов США: официальный сайт. URL: <http://cfr.regstoday.com/CFR.aspx>

Бразильская ассоциация прямого и венчурного капитала: официальный сайт. URL: www.abvcar.com.br

²⁴ Российская ассоциация прямого и венчурного инвестирования: официальный сайт. URL: <http://www.rvca.ru/rus/> (дата обращения: 12.04.2012).

Бразильская ассоциация финансовых рынков: официальный сайт.
URL: www.anabima.com.br

Исследовательский центр при конгрессе США: официальный сайт.
URL: <http://www.loc.gov/crsinfo/>

Латиноамериканская ассоциация прямого и венчурного финансирования: официальный сайт. URL: www.lavca.org

Национальная ассоциация венчурного капитала: официальный сайт.
URL: www.nvca.org

Новоселов М., Попов Е. Модели венчурного инновационного проектирования. Екатеринбург, 2004.

Программа Innovaг: официальный сайт. URL: www.venturecapital.gov.br

Российская ассоциация прямого и венчурного инвестирования: официальный сайт. URL: www.rvca.ru

Российская венчурная компания: официальный сайт. URL: www.rusventure.ru

Российские особые экономические зоны (ОЭЗ): официальный сайт.
URL: www.rosez.ru

Савицкий А.Г. Экономическая природа венчурного капитала: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2003.

Schertler A., Stolpe M. Ventura Mania in Europe: Its Causes and Consequences. Kiel, 2000.

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

В.С. Маньков¹,

канд. экон. наук, ст. науч. сотр. лаборатории институционального анализа
экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

За последние десять лет в мировой практике создания электронных правительств сложились две самостоятельные, явно выраженные тенденции. Первая связана с демократизацией государственного управления, вторая — с оказанием государственных услуг населению и бизнесу. В отечественных средствах массовой информации, а зачастую и в научной литературе, эти два направления представляют как нечто общее, что в действительности не отражает реального процесса. В статье сделана попытка отделить одну тенденцию от другой и рассмотреть процесс становления электронного правительства на фоне муниципального самоуправления в условиях жесткого бюрократического противостояния.

Ключевые слова: демократизация, местное самоуправление, электронное правительство, бюрократия.

For the last ten years in a world theory and practice of electronic governments folded two clearly marked directions. One of them is related to democratization of state administration, other — with providing of state services to public and business. At the same time, in domestic mass medias and in scientific literature, these two trends mix up often, or present as something a common, that does not reflect the real process. In this publication have attempted to separate one from another and to consider the process of establishing electronic government on the background of municipal government in the face of fierce bureaucratic resistance.

Key words: democratization, municipal government, electronic government, bureaucracy.

Реформа местного самоуправления длится в России около двадцати лет, а система по-прежнему пробуксовывает. Основные причины — низкая квалификация муниципальных, хронический дефицит местных бюджетов и, конечно, коррупция.

Эффективность работы муниципальных властей характеризуют следующие цифры. В 2009 г. из 2388 млрд руб. местных доходов 59,7% обеспечивали федеральные и региональные поступления. Неналоговые доходы, которые как раз и показывают эффективность

¹ Маньков Владимир Станиславович, тел.: + 7 (495) 939-37-45; e-mail: mankov_vn@mail.ru

работы на местах, составили всего 10,2% средств. Без финансовой помощи в 2009 г. обходились всего 215 муниципалитетов, еще у 3562 доля внешних бюджетных поступлений составляла менее 30%².

К сожалению, любая власть — это прежде всего бюрократия. На начало 2010 г. по стране насчитывалось более 1 млн 670 тыс. чиновников. Из них почти одна треть трудилась в системе местного самоуправления. По данным Росстата, их средняя зарплата на 15,8% превышала среднюю по стране, в то время как эффективность работы оставляла желать лучшего³.

Выход из создавшегося положения руководство страны видит в развитии электронного правительства как в государственном, так и в муниципальном управлении.

Несмотря на то что новые технологии, связанные с реализацией мероприятий электронного правительства, потенциально таят в себе скрытые возможности манипулировать обществом и общественным сознанием, идея его распространения активно поддерживается широкими слоями населения. Очевидно это воспринимается гражданами как последняя возможность оградить себя от вседозволенности и произвола чиновников.

Средства массовой информации оказание государственных и муниципальных услуг в электронном виде представляют населению как дальнейшую демократизацию процесса взаимодействия государства и общества, повышение его эффективности и результативности.

Одна из значимых целей проекта — поставить государственное и муниципальное управление под жесткий контроль правительства, ликвидировать бытовую и административную коррупцию, повысить эффективность межведомственных взаимодействий и на этой основе активизировать демократический процесс в гражданском обществе.

Все это в первую очередь касается ущемления рентных интересов чиновничества, ограничения их свобод и вольностей. Именно поэтому наибольшее сопротивление инициативам правительства отмечается в бюрократической среде, особенно среднего и низового уровня.

Чиновнику-бюрократу невыгодно, когда его действия становятся прозрачными, когда электронный документооборот наглядно показывает «слабое звено» в делопроизводительной цепочке. Это явно ущемляет его коммерческие интересы. Подтверждением служит следующий рассказ профессора Высшей школы экономики И. Липсица, выступавшего на конференции предпринимателей

² Аргументы и факты. 2010. № 33.

³ Там же.

в Совете Федерации: один из его учеников, разрабатывавший аналогичную систему электронного правительства для Казахстана по заказу президента Н. Назарбаева, был доволен уже тем, что остался жив: казахским чиновникам эта система была так же не нужна, как и российским, и так же угрожала их интересам⁴.

Никто не спорит с самой идеей электронного правительства. Конечно, информационные технологии обеспечивают новый уровень оказания государственных услуг, повышают их качество, улучшают эффективность работы государственных структур, их прозрачность, снижают уровень тотальной коррупции в бюрократической среде. Но необходимо сказать, что реально в государственном управлении, методах принятия решений и развитии демократического процесса они почти ничего не меняют.

Практическим подтверждением сказанного может служить пример «орфографического скандала», широко освещавшегося в прессе во второй половине 2009 г., когда для широкой общественности вскрылись факты искажения информации со стороны государственных заказчиков на централизованном сайте для размещения лотов по госзаказам (www.zakupki.gov.ru). Цель этих искажений обычно была одна — «отдать» лот нужному поставщику. После «ковровых» проверок со стороны антимонопольной службы количество «неправильно» оформленных заказов уменьшилось. Характерно, что это один из немногих активно работающих сайтов в рамках электронного правительства.

В научном сообществе существует устойчивое мнение: связывать развитие демократии с новыми возможностями электронного правительства — все равно, что связывать ее с телефонизацией или телевизионным вещанием в минувшем столетии. Меняется сила воздействия, но суть остается неизменной.

Развитие реальной демократии возможно лишь на фоне появления новых форм социального участия в процессах жизнедеятельности государства и общества, а информационно-коммуникационные технологии способны лишь поддержать, создать технологическую среду и обеспечить достойную реализацию этих новых форм. В демократическом государстве демократические инициативы могут исходить только от гражданского общества, а не от технологий, какими бы совершенными они не были.

Применение современных информационных технологий в органах местного самоуправления, деятельность которых сопряжена с необходимостью обработки и анализа большого объема разнородной информации, связанной прежде всего с обеспечением повседневной жизнедеятельности граждан и удовлетворением насущных потребностей населения, сегодня как никогда актуально.

⁴ Современный предприниматель. 2010. № 3.

В своей работе муниципальные власти сталкиваются с широким диапазоном задач: от повышения эффективности своей деятельности, до совершенствования качества предоставляемых услуг. Очевидно, что эти задачи тесно взаимосвязаны. Более того, рост реальной эффективности внутренних процессов муниципальной деятельности достигается лишь в том случае, если рассматривать проблему с позиций гражданского общества, а не с позиций высшего руководства или функциональных потребностей различных подразделений органа власти. Если исходить из известной формулы, что демократия — это форма управления законной властью делами народа, при которой власть принадлежит всему народу и непосредственно им осуществляется, то у государства в принципе не может быть интересов. Интересы могут быть только у общества, а государство просто является механизмом их реализации. Переориентация с ведомственных интересов на решение проблем своих граждан должна стать приоритетным направлением в деятельности органов местного самоуправления. Местные приоритеты должны доминировать в работе над ведомственными и эффективно и последовательно отстаиваться в вышестоящих инстанциях. Именно под таким углом зрения и стоит рассматривать работу электронного правительства, если мы хотим демократизации муниципального управления.

К сожалению, на нынешнем этапе становления электронного правительства этого не происходит. В соответствии с целым рядом декларируемых в различных концепциях и программах заявлений такое направление деятельности муниципальных властей всячески приветствуется, за исключением одного «но».

Работа в данном направлении на местном уровне не получает должной централизованной поддержки — нет целевого финансирования, единой методической базы. Даже в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (в ред. Федерального закона от 28.07.2010 № 237-ФЗ) не регламентируется решение вопросов, связанных с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ). В результате затраты на ИКТ, как правило, не учитываются в тех методиках вычисления расходов и доходов местных бюджетов, которые применяются субъектами федерации при расчетах дотаций, субсидий, субвенций и других перечислений из своих бюджетов, что существенно затрудняет системное финансирование использования ИКТ муниципальными образованиями. Любые местные инициативы, связанные с ИКТ, в муниципалитетах финансируются по остаточному принципу и реализуются за счет внутренних источников финансирования.

Другое дело — выполнение централизованных инициатив на местном уровне в рамках реализации проекта электронного правительства и Федеральной целевой программы (ФЦП) «Электронная Россия». Здесь присутствуют и финансирование, и персональная ответственность. Только задачи, реализуемые электронным правительством, лежат несколько в иной плоскости.

В условиях рыночной экономики муниципальное управление рассматривается как сложный самостоятельный процесс, включающий выбор и осуществление определенных управленческих воздействий в целях решения стратегической задачи обеспечения устойчивого финансового и социально-экономического развития объекта управления.

Электронное правительство в данном случае должно обеспечить этот процесс новыми технологиями и сделать его эффективным, прозрачным и подконтрольным (реальные механизмы воздействия на этот процесс со стороны гражданского общества пока не предусмотрены).

Изначально реализация ФЦП «Электронная Россия» проходила по всем направлениям использования ИКТ в деятельности государственных и муниципальных органов, успешно осваивая отпущенные средства. В этот период появились многочисленные обязательные сайты различных министерств и ведомств, а также региональных и муниципальных органов власти. В прессе данный процесс нашел широкое отражение: проводились сравнения, организовывались дискуссии, отмечались лидеры. Но к лету 2009 г. стало очевидным, что за восемь лет освоения средств по линии ФЦП «Электронная Россия» создать более-менее работающее электронное правительство не удалось. Имеющиеся фрагменты никак не укладывались в единое информационное поле в рамках единого портала государственных и муниципальных услуг, не давали возможности соблюдать регламенты и предоставлять какие-либо значимые государственные услуги в электронном виде. Оказание услуг в режиме онлайн отсутствовало полностью. В лучшем случае на сайтах предоставлялась информация о структуре и деятельности государственных и муниципальных органов власти, реже она дополнялась образцами бланков и заявлений.

Экс-президент РФ Д. Медведев на заседании Совета по развитию информационного общества в России 12 февраля 2009 г. назвал электронное правительство «химерой». Он отметил, что по индексу развития электронного правительства Россия с 56-го места (2005 г.) переместились на 92-е (2007 г.), а в рейтинге готовности стран к сетевому миру на начало 2009 г. находилась на «почетном» 72-м месте. «У нас даже внутренний документооборот как велся, так и ведется на бумаге. Для граждан в большинстве случаев вооб-

ще ничего не изменилось». Общероссийский портал государственных услуг экс-президент назвал «болезненным ребенком» программы информатизации правительства.

После такой критики процесс приведения разобщенных элементов электронного правительства к общим знаменателям резко активизировался на всех уровнях властной вертикали. Не остались в стороне и муниципальные власти.

Для придания дополнительного импульса работе на федеральном уровне появился ряд значимых нормативных документов. Прежде всего это Федеральный закон от 09.02.2009 № 8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». В нем был представлен общий перечень информации, которую органы местного самоуправления наряду с другими органами государственной власти должны размещать в Интернете, а также были сформулированы основные принципы доступа к информации о деятельности государственных и муниципальных органов власти.

Другим важным документом стало распоряжение Правительства РФ от 17.10.2009 № 1555-р, которое утвердило план перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти.

Хотя реализация утвержденного Правительством РФ плана целиком лежит на федеральных органах исполнительной власти, мероприятия, осуществляющиеся на каждом из пяти этапов плана, имеют прямое отношение и к органам муниципальной власти.

Таким образом, в соответствии с нормативными документами, целевыми установками и выделенными средствами в рамках ФЦП «Электронная Россия», срок действия которой продлен по 2012 г., к первоочередным задачам органов муниципальной власти по развитию электронного правительства на местах необходимо отнести следующие:

- 1) корректировка организационных мероприятий по развитию и обслуживанию собственных информационных сайтов, представленных в Интернете в рамках формируемого единого информационного пространства (единого портала государственных и муниципальных услуг), в соответствии с новыми унифицированными требованиями к размещаемой информации и электронными регламентами оказания государственных и муниципальных услуг в пределах отведенных и обязательных к исполнению в рамках реализации проектов электронного правительства полномочий;

- 2) формирование на территориях муниципальных образований эффективной инфраструктуры коллективного доступа к информации и получению государственных услуг. Поставленная задача

должна реализовываться в двух организационных формах. Для подготовленных пользователей — это создание центров общественного доступа или информационных терминалов, оборудованных компьютерами, подключенными к Интернету. Для остального населения — многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), работающие по принципу «одного окна»;

3) перевод внутреннего документооборота с бумажных носителей на электронные для того, чтобы быть максимально задействованными в межведомственном документообороте;

4) разработка и внедрение электронных административных регламентов оказания муниципальных услуг (в документарном виде пригодном для оцифровки), которые должны регулировать взаимоотношение пользователей с органами муниципальной власти через открытые каналы в режиме онлайн.

Если сопоставить требования, предъявляемые федеральным законодательством к оказанию муниципальных услуг в электронном виде, с функциями местного самоуправления (вопросы местного значения), которые реализуются на местах в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», то окажется, что число услуг, связанных с предоставлением муниципальными органами власти населению и коммерческим структурам каких-либо документов весьма невелико и ограничено их функциональными обязанностями.

В основном это услуги по выдаче различных разрешений и подтверждающих документов в сфере землепользования, застройки и распространения рекламы. Подавляющее большинство услуг муниципальных органов власти могут быть представлены на электронных носителях лишь в справочно-информационном виде.

Несомненно, мероприятия, проводимые сегодня в рамках реализации проекта электронного правительства, существенно облегчат и упорядочат взаимодействия населения с местной властью, но связывать их с демократизацией местного самоуправления преждевременно.

Новые технологии могут изменить методы регулирования отношений, но не меняют их сути. Информационная открытость, достигнутая одной лишь оцифровкой отношений граждан и государственных институтов, вряд ли приведет к либерализации общественных отношений. Никакой IT-проект не способен стать основой демократии. Напротив, благодаря новейшим ИКТ общество становится все более прозрачным для власти, а значит, более контролируемым. В мире много примеров разительного контраста между уровнями социального и технологического развития госу-

дарств. Например, такие страны как Бруней, Сингапур, Малайзия, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, которые далеки от демократии, по уровню развития ИКТ и эффективности использования систем электронного правительства намного опережают не только Россию, но и большинство стран с устоявшимися демократическими традициями. В то же время гражданское общество в большинстве этих стран находится где-то на стадии раннего феодализма.

На современном этапе реализация проекта электронного правительства направлена на расширение возможностей системы представительной демократии. Но как показывает опыт развитых демократических стран, для эффективного развития демократического процесса этого недостаточно.

В мировом сообществе реальную демократию связывают не только с соблюдением прав и свобод гражданина и человека, не только с наличием формальных демократических институтов и механизмов, но в том числе с наличием в стране зрелого гражданского общества, способного реализовать демократический процесс, под которым понимается метод коллективного принятия решений с одинаковым воздействием участников на исход этого процесса или на его существенные стадии. Такой метод применим к любым общественным структурам (от семьи до всего человечества) и на сегодняшний день в России он наиболее востребован в государственном строительстве.

Реализация демократического процесса может проходить в рамках дальнейшего поступательного развития электронного правительства или, опираясь на последние достижения ИКТ, носить самостоятельный, стихийный характер. В последнем случае наиболее пригодной сферой для реализации гражданских инициатив становится местное самоуправление, где в постоянном режиме решаются насущные вопросы жизнедеятельности как отдельного человека, так и местного сообщества в целом.

Новые свойства ИКТ, такие, как интерактивность, более быстрые способы передачи информации, связь большого количества пользователей друг с другом, изобилие исчерпывающей и своевременной информации, в сочетании с личной заинтересованностью дают новые возможности активировать гражданские инициативы. Достигается это через:

- 1) объединение и всесторонний учет индивидуальных интересов граждан при формировании общественного мнения и принятии последующих решений (опрос общественного мнения, форумы, блоги и т.д.);

- 2) создание принципиально нового, эффективно действующего механизма обратных связей между избирателями и их представи-

телями в законодательных и представительных органах власти в режиме онлайн;

3) осуществление гражданами контроля работы административных структур через введение публичных оценочных показателей их деятельности, размещаемых в Интернете.

К сожалению, в условиях бюрократического противостояния даже инициированные центром мероприятия электронного правительства на муниципальном уровне не находят должной поддержки. В настоящее время для чиновников электронное правительство — это лишь дополнительные затраты и еще один объект управления. Причина коренится в том, что муниципальным властям в силу специфики их деятельности, которая слабо поддается оцифровке, по-прежнему приходится управлять традиционными каналами взаимодействия с гражданами, что их вполне устраивает.

Что же касается демократического процесса, то, как бы ни хотелось, чтобы он развивался самостоятельно на фонде гражданских инициатив местных сообществ, его реальная поддержка может быть обеспечена лишь в рамках реализации ФЦП «Электронная Россия» на последующих этапах развития электронного правительства или иных, специально разработанных для таких целей информационно-технологических проектов.

Т.Б. Лямина¹,

соискатель Челябинского госуниверситета

МЕТОДЫ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

В статье представлен комплексный анализ эколого-экономической эффективности земельных ресурсов России.

Ключевые слова: система методов экологизации землепользования в России, государственное регулирование, градостроительное регулирование, экономические методы регулирования землепользования, земельные платежи.

Attempt of the complex analysis of ecologo-economic efficiency of ground resources of Russia is given.

Key words: system of methods of an ecologization of land use in Russia, state regulation, town-planning regulation, economic methods of regulation of land use, ground payments.

Среди факторов экономического развития России большое значения имеют земельные ресурсы. Их оценка, на наш взгляд, должна сопровождаться комплексным анализом эколого-экономической эффективности.

Порядок использования земли восходит к истокам организованного общества. Во всех развитых странах существуют четкие системы регулирования землепользования, которые нацелены на то, чтобы обеспечить сбалансированное развитие территории в интересах всего населения, соблюсти конституционное право собственности и предоставить дополнительные гарантии лицам, чьи интересы затрагиваются в результате принимаемых градостроительных и иных решений в сфере использования земель (в первую очередь это касается застройки и размещения на территории промышленных объектов). Для соблюдения баланса интересов при использовании земли обществом в лице государства или местных общин устанавливаются определенные правила землепользования, которые закрепляются соответствующими правовыми нормами; осуществляется государственное и муниципальное регулирование землепользования. Краеугольным камнем рыночной экономики является право частной собственности на землю. Это право обеспечивается законодательством и выполняется неукоснительно². Но при абсолютной законодательной защите права частных лиц на

¹ Лямина Татьяна Борисовна, тел.: +7 (925) 502-66-77; e-mail: maktub7@yandex.ru

² Оценка недвижимости / Под ред. И.Л. Артеменкова. М., 2003.

владение и использование земли для получения материальной выгоды также строго защищаются права всех людей на использование этой земли. Другими словами, закон признает возможность конфликта между частным владением и общественным использованием земли. Основная концепция частного владения предусматривает неограниченное использование до тех пор, пока такое использование не наносит необоснованного ущерба правам других людей. В прошлом критерий ущерба применялся в отношении прилегающих объектов недвижимости. Теперь концепция ущерба расширена и охватывает более широкие социальные аспекты, а также интересы в сфере экологии. Часто определение обоснованности использования земли становится предметом судебного спора, а ущерб оценивается исходя из экологического вреда, причиненного здоровью людей, их имуществу, природным ресурсам.

Аспекты экологического характера становятся определяющими в управлении землепользованием. Это связано с тем, что современное общество выражает все большую обеспокоенность относительно того, как используется земля и как происходит распределение имущественных прав на землю. Количество земли является величиной постоянной, поэтому рост спроса на землю приводит к увеличению интенсивности ее использования. Нередко возникают конфликты между группами, которые придерживаются различных взглядов в отношении правильного использования земли. Те, кто считают, что земля является ресурсом, принадлежащим всем людям, хотят сохранить ее ландшафтную красоту и важнейшие экологические функции. Другие рассматривают землю главным образом как ликвидный товар. Они считают, что общество больше выигрывает от частного, неограниченного владения. Поскольку земля является и ресурсом, и товаром, однозначного ответа на данном случае не существует³. Подобного рода конфликты разрешаются в рамках законодательного регулирования использования земли на государственном и муниципальном уровне. Общество передает права титульного собственника земли как основного природного ресурса и источника всех благ и богатства народа государству, которое в свою очередь наделяет всех собственников земли (частных владельцев) и землепользователей определенными правами и обязанностями по соблюдению установленных в интересах общества правил и вводит определенные экономические правила, направленные на достижение баланса интересов при землепользовании. Например, в США государство с 1876 г. имеет право регулировать «способы, которыми граждане владеют недвижимостью, когда такое регулирование становится необходимым для

³ *Andrews R.N.L. Land in America. Lexington (Mass.), 1979.*

общественного блага»⁴. В соответствии с этим правом считается, что все законы и действия правительства должны служить народу. Общество в интересах народа может наложить ограничения на возведение зданий, регламентировать вопросы зонирования и строительства, принимать нормы в отношении разработки земли, а также использовать другие методы контроля землепользования. Такое регулирование устанавливает порядок разработки земли, местоположение разработки, а также виды деятельности, разрешенные после разработки земельного участка. В связи с тем, что вопросы охраны природы становятся все более значимыми в глазах общественности и выходят на первый план при принятии решений, направленных на государственное регулирование хозяйственных процессов, в последние десятилетия правительство США выпустило ряд нормативных актов, регулирующих технологические выбросы предприятиями в окружающую среду, чтобы уменьшить загрязнение среды стоками, химикатами и шумом. Данные нормы также стали оказывать влияние на способы землепользования, так как устанавливали такие меры экономической ответственности за загрязнение природной среды, которые приводили к свертыванию загрязняющих производств и даже предотвращению строительства подобных объектов. Защитные нормы в отношении землепользования распространяются на заболоченную местность, пляжи и судоходные воды, а также на сохранение редких видов животных. По мере изменения характера и пределов правового и экономического регулирования землепользования изменяются характер и пределы частного владения землей. Такие изменения оказывают влияние на рынки и в конечном счете — на стоимость недвижимости, зачастую приводя к ее снижению. Владельцы недвижимости в судебном порядке обжалуют действия административных органов исходя из своих представлений о том, что их права нарушены, и требуют компенсировать снижение стоимости недвижимости.

В странах со свободной рыночной экономикой использование земли регулируется в рамках закона рыночными методами, основанными на применении различных экономических стимулов и санкций, позволяющих воздействовать на землепользователей, в требуемом обществом направлении.

В странах, где отсутствуют собственность на землю и ее рыночный оборот, государство диктует правовой порядок использования земли и регламентирует процессы землепользования жесткими административными нормами и правилами. Именно такой механизм регулирования землепользования был сформирован в России и применяется до настоящего времени практически в неизменном

⁴ Ibid.

виде. Экономические методы только декларировались, но не применялись в силу объективных причин: нет института частной собственности и потребности в подобных методах при директивном принятии решений во всех сферах, в том числе и в сфере землепользования.

В советское время не было частной собственности и рыночных цен на землю, в строительстве использовались государственные средства. В связи с этим отсутствовала потребность в правовом и экономическом регулировании деятельности по застройке городов.

До 1917 г. в России действовал Устав строительный⁵, сопоставимый по охвату проблем и уровню проработки с европейскими законодательными актами. В последующие годы, после революции, система регулирования градостроительной деятельности была переориентирована на нормативный или, по выражению академика архитектуры В.Ф. Назарова⁶, проектный метод градостроительного регулирования. Он заключался в том, что процессы обоснования решений строительства, основанные на оценке всех затрат и выгод, а также их соответствия социальным приоритетам и историческим традициям, сводились к выполнению неких градостроительных руководств, утвержденных проектных решений и нормативов. В отношении межселитебных территорий — в основном сельскохозяйственных земель — действовал тот же принцип, но вместо градостроительных руководств применялись руководства по внутрихозяйственному и межхозяйственному землеустройству.

Следует сказать, что механизм нормативной регламентации землепользования позволял реализовывать прописанные в нем функции регулирования землепользования, только до определенной степени соответствующей пониманию целей и задач регулирования землепользования, органами, принимающими решения. То есть критерии были крайне субъективны, определялись конъюнктурой политических решений и не всегда соответствовали обеспечению интересов общества, что приводило к нежелательным последствиям в структуре землепользования, состоянии окружающей среды и природных ресурсов. Ликвидация этих последствий потребовала значительных усилий.

Сейчас идет «слом» старого законодательства, ориентированного на плановую экономику и директивные методы управления, и переход к законодательству, устанавливающему рыночные правила во всех сферах, в том числе и сфере землепользования. Однако

⁵ См.: *Березин М.П.* Градостроительство и градостроительное регулирование в России в 90-е гг. // Проблемы становления и регулирования рынков городской недвижимости / Под ред. Л.Э. Лимонова. СПб., 1997.

⁶ См.: *Назаров В.* Развитие путем реконструкции и реформа градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: взгляд в будущее. СПб., 1997.

простой отказ от выработанных в старой системе правил и приемов регулирования землепользования и предоставление ничем не ограниченной свободы действия частным собственникам земельных участков без одномоментного принятия новых правил, ограждающих интересы общества и населения определенной территории, может привести к крайне негативным результатам, оценить которые в настоящем вряд ли удастся. Поэтому необходимо при создании отечественной системы регулирования землепользования сохранить те ее элементы, которые были наиболее полезны, и дополнить имеющийся правовой механизм экономическими методами, позволяющими гибко использовать новые возможности рыночного характера экономики.

Анализ отечественной практики охраны природы показывает, что до начала экономических реформ в стране сформировался довольно развитый механизм учета экологических факторов при регулировании процессов землепользования. В советской системе существовало три основных типа нормативного регулирования землепользования, направленного преимущественно на охрану природы, сельскохозяйственных угодий, лесов и других ценных природных объектов: нормы земельного права, нормы градостроительного права и нормы природоохранного, санитарно-эпидемиологического и природно-ресурсного (лесного, водного) права.

В основном земельное регулирование реализовывалось методами нормативно-административного воздействия на землепользователей и иных хозяйственных субъектов, вытекающими из общих принципов управления экономикой и планового развития народного хозяйства.

Данный механизм был отработан для территорий с особым социально-экономическим статусом, для территорий, имеющих важное рекреационно-курортное значение, и частично для территорий, выполняющих различные природоохранные и экологические функции, такие, как сохранение редких видов животных и растений, типичных или уникальных в природном отношении ландшафтов, памятников природы, охрана источников питьевого водоснабжения, минеральных вод и месторождений лечебных грязей, лесных массивов в зонах отдыха, крупных промышленных и курортных центрах и т.п.

Система методов экологизации землепользования в России

Современная система методов экологизации землепользования в России практически не претерпела существенных изменений. По-прежнему используются административные методы управления землепользованием на основе норм земельного, градостроительного, природоохранного и природно-ресурсного права.

Следует отметить, что постепенно начинают формироваться экономические методы регулирования землепользования. В основном они реализуются в крупных городах — промышленных и деловых центрах, областных центрах и тех регионах, где земля приобретает реальную рыночную стоимость и имеется высокая инвестиционная активность. Эти процессы взаимосвязаны. Некоторые нормы для их регулирования заложены в Земельном кодексе, но в усеченном виде, без механизмов, позволяющих их осуществить на практике без дополнительных проработок.

Однако, как показывает анализ регионального законодательства крупных городов (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград и др.), такая деятельность может быть развита на уровне регионов, так как не запрещена федеральным законодательством.

Государственное регулирование

В основе общего государственного регулирования земель нормами земельного права лежит их деление на категории, отвечающие целевому назначению. Это деление служит определению специфических правовых режимов охраны и использования земель каждой категории. Всего выделяют 7 основных категорий земель (сельскохозяйственного назначения; поселений; промышленности, транспорта и связи; особо охраняемых территорий; лесного фонда, водного фонда; запаса). Для каждой категории определены правовые особенности их использования. Они изложены в соответствующих статьях Земельного кодекса. В рамках каждой отдельной категории могут устанавливаться виды разрешенного использования земель (в основном это касается земель поселений).

Для особо ценных для общества категорий, которыми признаются земли лесного фонда и сельскохозяйственного назначения, устанавливается специальная процедура их перевода из одной категории в другую, т.е. процедура изменения целевого назначения земли или вида ее разрешенного использования. За такой перевод установлена плата, которая призвана компенсировать потери общества в связи с невозможностью дальнейшего использования земли по установленному ранее назначению.

Например, если для строительства дачи или промышленного объекта отводится участок земель лесного фонда или участок сельскохозяйственных угодий, то за изменение целевого назначения (перевод из лесных земель в нелесные, из земель сельскохозяйственного назначения — в земли поселений) должна быть внесена плата по действующим жестко установленным ставкам.

Градостроительное регулирование

Градостроительное регулирование землепользования заключается в установлении различных градостроительных требований к землепользованию в городах. Эта процедура имеет общие черты с регулированием застройки методом зонирования в США. Градостроительное регулирование закреплено в нормах Земельного и Градостроительного кодексов РФ. Оно сводится к проведению зонирования территории поселений и установлению для земельных участков, находящихся в границах той или иной зоны, определенных требований по их использованию и застройке. Данные ограничения и требования влияют на выбор наиболее эффективного использования земельного участка, так как оно может быть определено только в рамках, установленных градостроительным регулированием.

Таким образом, основными правовыми методами регулирования землепользования являются: деление земель на категории и установление для них видов разрешенного использования, включая все ограничения и режимы, вытекающие из природоохранного, санитарно-эпидемиологического и иного законодательства.

Однако данные правовые методы регулирования пока остаются чисто декларативными, так как требуют создания механизмов их реализации. Наиболее действенными в рыночных условиях должны стать экономические механизмы: а) воздействия на землепользователей, обеспечивающих сформулированные цели; б) принятия управленческих и хозяйственных решений, обеспечивающих достижение природоохранных целей, включая не только охрану природы, но и рациональное (устойчивое) природопользование.

Как показывает анализ современного земельного законодательства, практически никаких препятствий правового характера для разработки таких механизмов не существует и даже, наоборот, имеется прямая потребность в активном формировании земельного рынка.

Экономические методы регулирования землепользования

В настоящее время делается попытка перейти к экономическим методам регулирования землепользования, основанным на использовании показателей кадастровой и рыночной стоимости земли, а также экологического ущерба. Для этих целей в стране проводится кадастровая оценка земель перечисленных выше категорий по утвержденным методикам. Разрабатываются и утверждаются стандарты и методические рекомендации оценки рыночной стоимости земельных участков.

Предполагается, что в самое ближайшее время земельные платежи будут устанавливаться в процентах от кадастровой стоимости земли, которая в свою очередь должна определяться на основе рыночной. Вводится механизм выкупа незастроенных земельных участков и права их аренды по рыночной стоимости

Рыночная стоимость земли и ее улучшений в конкретном районе входит в функцию годового дохода на капитал (подсчитанного с учетом стоимости денег во времени), который мог бы быть получен в случае выбора лучшей альтернативы землепользования, т.е. такой, которая сочетала бы наиболее эффективный вариант землепользования с возможностью получить от него максимальную отдачу. Отсюда следует, что основными методами оптимизации землепользования на основе рыночной стоимости земли является установление земельных платежей — земельного налога и арендной платы в размерах пропорциональных этому показателю, т.е. в процентах на капитал, представленный землей и посчитанный через ее рыночную стоимость.

Оценка экологического ущерба и установление компенсационных платежей для его возмещения также является важнейшей мерой экономического воздействия на землепользователей, препятствующей нежелательным методам развития территории.

Земельные платежи

Как указывалось выше, переход к экономическим мерам воздействия на землепользователей невозможен в рамках существующего правового поля. В федеральных законах прописаны имеющиеся механизмы воздействия в общей форме без организационных принципов их реализации. Так как наши законы не являются законами прямого действия, то для выполнения продекларированных в них статей требуется разработка и утверждение подзаконных актов. Это в полной мере относится и к земельному законодательству. Разберем данное положение на примере статей из Земельного кодекса, направленных на установление земельных платежей в размере земельной ренты, которая может быть определена в виде процента от рыночной стоимости. Для перехода к методам определения налогооблагаемой базы для земли используется кадастровая стоимость земельного участка, которая в случаях определения рыночной стоимости земельного участка устанавливается в процентах от его рыночной стоимости, что зафиксировано в статьях 65 и 66 Земельного кодекса⁷. Предполагается, что базой налогообложе-

⁷ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ: принят Гос. думой 28.09.2001: одобрен Советом Федерации 10.10.2001 // КонсультантПлюс [электронный ресурс]. М., 1992–2012. Режим доступа: локальный. Дата обновления: 11.12.2012.

ния будет некая адвалорная величина, определенная как процент от рыночной стоимости (для целей налогообложения устанавливается кадастровая стоимость земельного участка, которая в свою очередь должна быть определена в виде процента от рыночной стоимости). Однако на практике этого не происходит, так как ведомством, ответственным за проведение кадастровой оценки земель (Росземкадастр), для исполнения принятого ранее постановления Правительства РФ⁸ разработана серия методик оценки кадастровой стоимости земель различных категорий, практически никак не связанных с рыночной стоимостью и даже нарушающих основные принципы ее установления. Механизма установления кадастровой стоимости в процентах от рыночной стоимости нет. Также нет механизма и порядка определения рыночных цен для целей налогообложения. В настоящее время земельные платежи не связаны ни с рыночной стоимостью земли, ни с величиной земельной ренты. Они устанавливаются по фиксированным ставкам, приведенным в Законе о плате за землю⁹.

Кадастровая стоимость представляет собой расчетный показатель, определяемый по утвержденным методикам. Она не формируется сама в результате поведения участников рынка, ее устанавливают по расчетным моделям или регламентированным правилам. Применение кадастровой стоимости для целей повышения эффективности использования земли не решает проблему, так как данный показатель по своему содержанию является нормативным, т.е. назначенным для определенных целей и на определенный срок, и совпадает с реальными ценовыми пропорциями, складывающимися на различных рынках. В лучшем случае, это даст лишь сравнительную оценку ценности разных по качеству земель и иных природных ресурсов.

Методики государственной кадастровой оценки земли являются нормативными документами, обязательными к применению при проведении государственной кадастровой оценки земли и определении показателя кадастровой стоимости земельного участка. Часть методик (методика оценки сельскохозяйственных угодий, методика оценки земель лесного фонда) предполагает проведение кадастровой оценки земли по трехуровневой системе: первый уро-

⁸ Правила проведения государственной кадастровой оценки земель (в ред. постановлений Правительства РФ от 11.04.2006 № 206; 14.12.2006 № 767; 17.09.2007 № 590; 30.06.2010 № 478): утв. Постановлением Правительства РФ от 08.04.2000 № 316 // КонсультантПлюс [электронный ресурс]. М., 1992–2012. Режим доступа: локальный. Дата обновления: 11.12.2012.

⁹ Закон РФ «О плате за землю» от 11.10.91 № 1738-1 // КонсультантПлюс [электронный ресурс]. М., 1992–2012. Режим доступа: локальный. Дата обновления: 11.12.2012.

вень — оценка территории всей страны с дифференциацией средних показателей по субъектам Российской Федерации; второй уровень — оценка территории в субъекте Российской Федерации с дифференциацией показателей кадастровой стоимости по районам и оценочным зонам; третий уровень — оценка территории районов или оценочных зон с дифференциацией показателей кадастровой стоимости по хозяйствам или отдельным участкам.

Список литературы

Березин М.П. Градостроительство и градостроительное регулирование в России в 90-е гг. // Проблемы становления и регулирования рынков городской недвижимости / Под ред. Л.Э. Лимонова. СПб., 1997.

Закон РФ «О плате за землю» от 11.10.91 № 1738-1 // Консультант Плюс [электронный ресурс]. М., 1992–2012. Режим доступа: локальный. Дата обновления: 11.12.2012.

Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ: принят Гос. думой 28.09.2001; одобр. Советом Федерации 10.10.2001 // КонсультантПлюс [электронный ресурс]. М., 1992–2012. Режим доступа: локальный. Дата обновления: 11.12.2012.

Назаров В. Развитие путем реконструкции и реформа градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: взгляд в будущее. СПб., 1997.

Оценка недвижимости / Под ред. И.Л. Артеменкова. М., 2003.

Правила проведения государственной кадастровой оценки земель (в ред. постановлений Правительства РФ от 11.04.2006 № 206; 14.12.2006 № 767; 17.09.2007 № 590; 30.06.2010 № 478): утв. постановлением Правительства РФ от 08.04.2000 № 316 // КонсультантПлюс [электронный ресурс]. М., 1992–2012. Режим доступа: локальный. Дата обновления: 11.12.2012.

Andrews R.N.L. Land in America. Lexington (Mass.), 1979.

А.Е. Лапин¹,

докт. экон. наук, зав. кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета

Ю.С. Санникова²,

соискатель кафедры экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, сотрудник Департамента развития науки и инноваций правительства Ульяновской области

ФАКТОРЫ РЕЦЕССИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье проанализировано влияние мирового финансового кризиса на экономику на примере типичного представителя большой группы отстающих регионов Российской Федерации — Ульяновской области. Рассматривается состояние рецессии в регионе, выражающееся в снижении отдельных социально-экономических показателей, таких, как демографическая ситуация в области, сокращение роста денежных доходов населения, затоваривание рынка и недостаточная конкурентоспособность региональной продукции.

Ключевые слова: региональная экономика, рецессия, последствия мирового финансового кризиса, восстановление экономики.

In the article authors show the influence of world financial crisis on the economy development, for example one of the big group lagging behind regions in the Russian Federation is Ulyanovsk region. There is recession condition of decrease in some socio-economic indexes, such as a demographic situation in the region, reduction of growth of the monetary income of the population, overstocking of the market and insufficient competitiveness of regional production in the region.

Key words: regional economy, recession, consequences of world financial crisis, economic reconstruction.

С конца 2011 г. в мире увеличивается число публикаций, в которых обсуждается вероятность «слома» тенденций восстановления экономики и перехода к состоянию рецессии³. В связи с сильной зависимостью России от конъюнктуры мировых рынков сырья

¹ Лапин Анатолий Евгеньевич, тел.: +7 (8422) 42-61-02; e-mail: eagov@ulsu.ru

² Санникова Юлия Сергеевна, тел.: +7 (8422) 41-35-77; e-mail: sannikova2@mail.ru

³ Consolidated Multilateral Surveillance Report. IMF. 2011. September. P. 1; Рубини Н.В. В 2012 году рецессия неизбежна // РБК-daily: сайт газеты. 2011. 20 дек. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/12/20/world/562949982336149> (дата обращения: 25.12.2011); Стиглиц Дж. Мир на пороге нового хаоса // РБК-daily: сайт газеты. 2011. 21 дек. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/12/21/world/562949982347382> (дата обращения: 25.12.2011); World Economic Situation and Prospects 2012. Global Economic Outlook. N.Y., 2011. P. 1.

и капитала, а также в силу накопившихся внутренних проблем вероятность ухудшения экономической ситуации возрастает (что ясно показал мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.: в этот период из всех стран G20 у Российской Федерации были наибольшие темпы спада ВВП). При этом на фоне общей усиливающейся внешней нестабильности на каждого субъекта РФ действуют собственные (внутренние) факторы, приводящие к реализации различных сценариев перехода к рецессии. В рамках настоящей статьи на примере Ульяновской области, одного из типичных представителей большой группы отстающих регионов, раскрываются особенности и перспективы такого воздействия.

Ульяновская область как один из субъектов Приволжского федерального округа (ПФО) в своем постсоветском развитии прошла и этап спада (1991–1998), и этап роста (1999–2008). При этом в 1990-е гг. и в первой половине 2000-х гг. отставание области от общих показателей страны нарастало, но в 2006–2008 гг. динамика несколько выровнялась. Тем не менее если за 1994⁴–2008 гг. ВВП РФ увеличивается на 72,2% (1994 г. = 100%), то ВРП Ульяновской области — только на 22,4%; в течение 10 (из рассматриваемых 14-ти) у региона были более плохие показатели, чем в среднем по России. По состоянию на 2010 г. область занимала следующие места по основным социально-экономическим показателям: ВРП на душу населения (2009) — 57-е, среднемесячная заработная плата — 66-е, инвестиции в основной капитал на душу населения — 55-е, поступление налогов в бюджетную систему РФ — 56-е, оборот розничной торговли на душу населения — 59-е⁵. В 2008–2009 гг. регион проходит через кризис, после которого наступает период восстановления, сначала быстрого (из-за низкой базы), потом все более замедляющегося. Одним из первых признаков рецессии стало торможение оборотов в розничной торговле: бурный рост на 12–14% в январе–марте 2011 г. (по сравнению с аналогичным периодом 2010 г.) во втором полугодии сменился спадом, достигшим 7–8% в ноябре–декабре⁶. Аналогичные тенденции прослеживаются и в начале 2012 г. В целом, проанализировав динамику основных макроэкономических индикаторов региона, авторы пришли к следующему выводу: процесс «сползания» в рецессию начался со II квартала 2011 г.

Теперь необходимо разобрать, какие именно факторы усугубляют сложившееся положение.

⁴ Начало расчета валового регионального продукта (ВРП) в субъектах РФ.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели 2011: Стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 34–35.

⁶ Социально-экономическое положение Ульяновской области в январе–декабре 2011 года: Аналит. докл. Ульяновск: Ульяновскстат, 2011. С. 49.

1. Продолжающееся сокращение численности населения (депопуляция) и ухудшение его структуры. В 1995 г. в Ульяновской области (образована в 1943 г.) была зафиксирована максимальная численность постоянного населения за всю ее историю — 1473 тыс. человек. После этого наступила депопуляция, в результате которой численность сократилась до 1281⁷ тыс. человек (13% от 1995 г.). В соответствии с прогнозами Росстата, к 2021 г. Ульяновская область продолжит терять население и «сожмется» от 1160 тыс. (в случае реализации низкого и среднего варианта прогноза) до 1200 тыс. человек (высокий вариант)⁸. По данным Всероссийской переписи населения (ВПН–2010)⁹, за межпереписной период 2002–2010 гг. регион находился на втором месте в ПФО по темпам сокращения населения (6,6%)¹⁰. В отличие от остальной России в регионе естественная убыль дополняется миграционными потерями (отмечаются с 2001 г.), составляющими до $\frac{1}{3}$ общего уменьшения численности населения. Интенсивная депопуляция в условиях затоваривания рынка становится одним из ключевых процессов, затрудняющих переход к устойчивому развитию. Ее влияние проявляется в следующем:

– во-первых, происходит непрерывное сжатие потребительского рынка вследствие сокращения количества потребителей. Это в свою очередь снижает инвестиционную привлекательность территории для компаний, ориентированных на внутрирегиональные продажи своей продукции;

– во-вторых, обостряются проблемы кадрового обеспечения бизнеса, что приводит к срыву производственных программ, снижению качества продукции, нарушению контрактных обязательств и повышению транзакционных рисков;

– в-третьих, из-за жесткой привязки объемов услуг общественного сектора к контингенту потребителей посредством механизма подушевого финансирования сокращается сеть соответствующих учреждений, их объемов деятельности, а также объемов выпуска у предприятий, обслуживающих эту сферу (отрицательный мультипликационный эффект);

– в-четвертых, формируются миграционные настроения молодежи, которая изначально ориентируется на выезд из данного региона, территория все больше приобретает характер транзитной,

⁷ Данные на 01.02.2012.

⁸ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г.: Стат. бюл. М.: Росстат, 2009.

⁹ О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Вопросы статистики. 2011. № 6. С. 9.

¹⁰ На первом месте в ПФО находится Оренбургская область, чьи потери составили 6,7%.

в ней увеличивается доля временного населения, не заинтересованного в «укоренении» в местном социуме.

Таким образом, когда нет населения, пропадает и мотивация к любому виду экономической деятельности, что ярко иллюстрирует проблема реанимации российских моногородов.

Свой вклад в рецессию вносит и процесс старения населения: увеличивается группа консервативных потребителей, ориентированных из-за небольшого размера пенсий на удовлетворение минимальных, сформировавшихся в предыдущий период потребностей (пенсия — основа денежных доходов для большинства лиц старших возрастов, хотя $\frac{1}{3}$ пенсионеров в Ульяновской области продолжают работать) и расширяется спрос на государственные (муниципальные) публичные услуги (здравоохранение, социальная защита). В силу понятных физиологических причин возрастной потребитель ориентирован больше на текущие расходы, чем на долгосрочные инвестиции, на приобретение товаров длительного пользования и т.п. Так, за 2006–2009 гг. доля лиц в возрасте старше трудоспособного увеличилась в области на 1,7 п.п. и составила на 01.01.2010 23,1% (на 2012 г. — около 24%), доля двух других групп при этом снизилась: молодежи — с 15,3% до 14,4%, населения в трудоспособном возрасте — с 63,3% до 62,5%.

Одним из наиболее ярких примеров неблагоприятного влияния изменений в численности и в составе населения на развитие отдельных отраслей региональной экономики является фактическое фиаско рынка пассажирских перевозок общественным транспортом, связанное с обвальным спадом количества потребителей транспортных услуг: с 374,3 млн человек в 1997 г. до 129,6 млн человек в 2010 г. (в 2,9 раза)¹¹. По отдельным видам транспорта сокращение объемов перевозок колебалось от 2,2 (автобусный) до 12 раз (воздушный, такси).

2. Прекращение роста реальных денежных доходов и увеличение продаж за счет потребительского кредита. Благоприятные тенденции 2002–2010 гг., в результате которых уровень реальных располагаемых денежных доходов полностью восстановился и даже превысил на 10% показатель 1990 г., меняются в 2011 г., когда происходит их сокращение на 3,5%. В дополнение к этому прекращается бум потребительского кредитования (за 2011 г. объемы выданных в регионе банковских кредитов физическим лицам выросли только на 5% против кратных темпов прироста в 2006–2008 гг.), и его динамика становится разнонаправленной в течение года: снижение

¹¹ Неменьшее влияние оказал процесс автомобилизации граждан (см. п. 3 настоящей статьи). К появлению автомобиля как главного конкурента общественного транспорта компании-перевозчики оказались явно не готовы.

в первом полугодии и увеличение во втором (начало 2012 г. проходит в тех же условиях). В данном случае можно констатировать, что произошло затоваривание на рынке кредитных продуктов: все, кто хотели и могли приобрести товар, сделали это и в настоящий момент времени расплачиваются по взятым обязательствам. Очевидно, что стабилизация денежных доходов на руках у населения даже при сохранении показателей к потреблению приводит к ограничениям платежеспособного спроса, что и было зафиксировано в падении оборотов розничной торговли (см. выше).

Вместе с тем за вторую половину 2000-х гг. в Ульяновской области происходит «аномальное» изменение структуры денежных доходов: если в РФ основным источником продолжает оставаться оплата труда, на которую приходится $\frac{2}{3}$ денежных доходов, то в регионе ее роль существенно снижается (с 43,8% в 2002 г. до 33,9% в 2010 г.). Падает значение и других рыночных компонентов: доходов от предпринимательской деятельности (с 15,5 до 9%), доходов от собственности (с 7,2 до 2,9%). Одновременно увеличивается процент социальных выплат (с 16,7 до 24,2%) и балансирующей (сальдирующей) статьи прочих поступлений (с 14,7 до 27,9%). Таким образом, в структуре доходов отмечается все больший сдвиг в сторону бюджетных трансфертов населению и теневых денежных средств, так как прочие поступления отражают разрыв в расходах и доходах населения. Выявленные изменения, по мнению авторов статьи, неизбежно отражаются на состоянии экономики субъекта РФ. Во-первых, государство не может бесконечно наращивать социальные трансферты высокими темпами, что связано с бюджетными ограничениями и необходимостью решения задач развития. Поэтому торможение их роста в поствыборный период непосредственно ограничивает платежеспособный спрос. К тому же в результате высоких социальных трансфертов разрастаются иждивенческие ожидания, что негативно сказывается на предпринимательской активности населения. Во-вторых, падение доходности бизнеса (в первую очередь малого) и его тесная взаимосвязь с теневым сектором не позволяют накапливать необходимые средства на модернизацию производства и повышение его конкурентоспособности. О начале движения в этом неблагоприятном направлении говорят данные динамики развития индивидуального предпринимательства: период активного роста в 2007–2010 гг. сменился сокращением в 2011 г. (–4% против +7% прироста в 2010 г.). Это, по всей видимости, можно интерпретировать как заполнение имеющейся ниши и исчерпание возможностей для предпринимательства в региональной экономике.

3. Затоваривание рынка. В последнее время активно происходило насыщение потребительского рынка, что постепенно привело

к его затовариванию. В результате этап экстенсивного увеличения продаж сменился этапом замены вышедших из употребления, физически или морально устаревших товаров. Если на протяжении всего постсоветского периода развития России и ее регионов ключевым драйвером роста продаж выступал дефицит потребительских товаров практически по всем группам (который вместе с тем приводил и к увеличению импорта, и к развитию собственного производства), то в настоящее время действие данного фактора слабеет: открытые национальные рынки насытились, дальше наступает период ужесточения конкуренции, длительная борьба за потребителя, но уже на новых принципах (особенно в условиях вступления в ВТО). Наиболее ярким примером такой тенденции является перераспределение рынка розничной торговли между сетевым ретейлом (90% оборота) и неорганизованной торговлей (10%). За 2003–2010 гг. количество предприятий розничной торговли сократилось в 2 раза при одновременной стабилизации торговых площадей в расчете на 1 человека. Вместе с тем очевидно, что возможности происходящего перераспределения покупателей близки к исчерпанию.

Исследования бюджетов домохозяйств показывают, что достигнуты пределы обеспеченности отдельными товарами длительного пользования¹² (в расчете на 100 домохозяйств): телевизорами 150÷160, видеотехникой — 50÷60, музыкальными центрами — 30÷40, холодильниками — 110÷120, стиральными машинами — 100, электропылесосами — 90, швейными машинами — 50÷60, молоком — 220÷230 кг на душу населения в год, хлебом — 100÷110 кг, картофелем — 90÷100 кг и т.д. Количество личных легковых автомобилей увеличилось в 3,7 раза (с 52,9 на 1000 населения в 1990 г. до 196,2 в 2010 г.). Затоваривание рынка приводит к концентрации крупных игроков на рынке розничной торговли, уходу мелких торговых предприятий и индивидуальных предпринимателей, стагнации продаж и как следствие — к сокращению производственных заказов местным и инорегиональным товаропроизводителям (т.е. негативные внешние экстерналии распространяются за пределы субъекта РФ).

4. Недостаточная конкурентоспособность продукции региональных товаропроизводителей и ужесточение конкуренции. По итогам 11 месяцев 2011 г. внешняя торговля Ульяновской области имела отрицательное сальдо торгового баланса (впервые за последние 20 лет), и только декабрьское увеличение экспорта позволило сохранить его превышение (52%) над импортом (48%). Начиная с 2007 г. объемы положительного сальдо торгового баланса после-

¹² Ульяновская область, 2011: Стат. ежегодник Ульяновск: Ульяновскстат, 2011. С. 108.

довательно снижаются, поэтому имеется высокая вероятность, что 2012 г. станет переломным. Обращает на себя внимание и тот факт, что продукция региональных компаний уступает не только товарам из дальнего зарубежья, но и из стран СНГ, объемы импорта которых за 2011 г. выросли в 2,7 раза.

О снижении инвестиционной привлекательности региона свидетельствуют следующие процессы и события, произошедшие в 2011 г.:

- сокращение объема иностранных инвестиций в регион на $\frac{1}{3}$ (по этому показателю область вернулась на позиции 2004–2005 гг., а по отношению к докризисному максимуму 2008 г. спад увеличился в 3 раза). При этом если в РФ после спада 2009 г. инвестиционная динамика восстановилась, то в Ульяновской области произошел слом тенденции. По итогам прошедшего года доля региона в иностранных инвестициях ПФО составила 1% (против 2% в 2004 г.);

- вывод Сбербанком России обслуживания крупных корпоративных клиентов из региона в Самарскую область, в связи с чем объемы выданных кредитов юридическим лицам в региональной банковской статистике сжались почти в 2 раза (на 30 млрд рублей);

- окончательное сокращение сектора высшего военного образования в регионе (расформировано последнее военно-техническое училище; в начале 1990-х гг. таких заведений было 3);

- отказ компании «Боинг» от реализации на территории региона инвестиционного проекта по конвертации грузовых самолетов в пассажирские. Это оставило портовую зону без «якорного» инвестора. Хотя в Ульяновской области активно ведется пропаганда авиастроения, за 2009–2011 гг. не было (по данным Росстата) произведено и окончательно сдано покупателю ни одного самолета, и т.д. Только за семь месяцев (с сентября 2011 г. по март 2012 г.) из пяти авиакомпаний, осуществлявших перелеты из Ульяновска в Москву, по разным причинам прекратили свою работу три («Авианова», «Регионавиа», «Полет»).

Рецессия, таким образом, приводит к изменению позиций инвесторов, для которых все более очевидными становятся ограничения, вызываемые потенциалом увеличения продаж в регионе, и необходимость искать дополнительные рынки сбыта своей продукции (это в свою очередь увеличивает расходы на логистику и продвижение товара и соответственно снижает прибыль). Кроме того, фактор низкой заработной платы (по данному показателю в 2010 г. Ульяновская область занимала 66-е место среди 83 субъектов РФ и 10-е место в ПФО) все отчетливее превращается из конкурентного преимущества региона в помеху для его развития, так как приводит к потерям инвесторов из-за низкого качества рабочей силы, а по каналам обратной связи — к ограничениям платежеспособного спроса в области.

В заключение нужно отметить, что игнорирование внутренних факторов рецессии, имеющих собственную логику развития, чревато, по меньшей мере, затягиванием процесса выхода на траекторию устойчивого роста, ослаблением конкурентных преимуществ региона. А главное — зря тратится время, столь необходимое в условиях вступления России в ВТО для подготовки регионального товаропроизводителя к ведению бизнеса на других, жестких конкурентных условиях мирового рынка. Для Ульяновской области, специализирующейся на производстве продукции машиностроения, это может обернуться перерастанием рецессии в полномасштабный кризис. Возможности развития региональной экономики по сценарию экстенсивного догоняющего роста, основанного на низком уровне обеспеченности населения потребительскими товарами и услугами, подходят к концу. Рынок насытился. Дальше необходимо принципиально менять стратегию развития и бизнесу, и региону.

Список литературы

О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Вопросы статистики. 2011. № 6.

Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г.: Стат. бюл. М.: Росстат, 2009.

Регионы России. Социально-экономические показатели 2011: Стат. сб. М.: Росстат, 2011.

Рубини Н.В. В 2012 году рецессия неизбежна // РБК-daily: сайт газеты. 2011. 20 дек. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/12/20/world/562949982336149>

Социально-экономическое положение Ульяновской области в январе–декабре 2011 года: Аналит. докл. Ульяновск: Ульяновскстат, 2011.

Стиглиц Дж. Мир на пороге нового хаоса // РБК-daily: сайт газеты. 2011. 21 дек. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/12/21/world/562949982347382>

Ульяновская область, 2011: Стат. ежегодник. Ульяновск: Ульяновскстат, 2011.

Consolidated Multilateral Surveillance Report. IMF. 2011. September.

World Economic Situation and Prospects 2012. Global Economic Outlook. N.Y., 2011.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Р.Т. Зяблук¹,

докт. экон. наук, профессор, ст. науч. сотр. кафедры политической экономии экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

Н.И. Титова²,

канд. экон. наук, доцент кафедры политической экономии экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ БАЛАНС НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ В.В. ЛЕОНТЬЕВА И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Проблемная группа «Воспроизводство и национальный экономический рост» кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с участием ученых ряда московских вузов и научных учреждений провела очередной методологический семинар, на котором состоялось обсуждение теоретической проблемы межотраслевых связей в процессе воспроизводства экономики в свете задач модернизации отраслевой структуры экономики России. В центре внимания находились вопросы отражения межотраслевых пропорций и закономерностей в классической теории воспроизводства общественного капитала, в модели «input–output» В.В. Леонтьева, а также в разработках плановых межотраслевых балансов советского периода.

Ключевые слова: межотраслевой баланс, модель «затраты–выпуск» В.В. Леонтьева, трудовая теория стоимости, теория воспроизводства общественного капитала, межотраслевые балансы советского периода, баланс народного хозяйства СССР, модель общественного разделения труда В.С. Немчинова, валовой внутренний продукт, совокупный общественный продукт, промежуточный продукт, конечный продукт, прямые затраты труда, косвенные затраты труда, полные затраты труда, технологические коэффициенты.

Reproduction and national economic growth department of political economy of Moscow State University with participation of scientists of some the Moscow high schools and scientific institutes at the next methodological seminar in a problem group was discussed a theoretical problem of interbranch communications during reproduction of economy in a view of problems of modernization of branch structure of economy of Russia. In the center of attention there were problems of reflection of interbranch proportions and laws in the classical theory of reproduction of the public capital, model “input–output” W.W. Leontief, as well as in development of scheduled interbranch balances of a soviet-era.

¹ Зяблук Римма Трофимовна, тел.: +7(916) 680-06-13; e-mail: mrt17@mail.ru

² Титова Нина Ивановна, тел.: +7(919) 965-87-73; e-mail: nititova@mail.ru

Key words: interbranch balance, model of “input–output” of W.W. Leontief, the labour theory of cost, the theory of reproduction of the public capital, interbranch balances of a soviet era, balance of a national economy of the USSR, model of a public division of labour of V.S. Nemchinov, gross domestic product, cumulative public product, an intermediate product, end-product, direct expenses of work, the indirect expenses of work, full of an expense of work, technological coefficients.

Открывал методологический семинар руководитель проблемной группы «Воспроизводство и национальный экономический рост» (далее — проблемная группа), заслуженный деятель науки РФСР, доктор экономических наук, профессор **В.Н. Черковец**. Он представил для обсуждения доклад **А.С. Диесперова** (канд. экон. наук, доцент, Московский государственный университет управления) «**Экономические расчеты по модели “затраты–выпуск” В.В. Леонтьева**».

В.Н. Черковец отметил, что обращение в наше время к методологическим и теоретическим вопросам разработки разных видов межотраслевого баланса на основе метода, предложенного в модели В.В. Леонтьева, неслучайно. Оно вызвано прежде всего необходимостью изучить нынешнюю структуру российской экономики, проанализировать изменения, произошедшие во взаимосвязях ее отраслей и регионов вследствие распада «единого народно-хозяйственного комплекса СССР» и разрушения кооперационных отношений между странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

К сказанному выше добавляются еще два обстоятельства, усиливающие значимость метода «затраты–выпуск» в научном определении соответствующих шагов в экономической политике государства. *Первое* — вступление России в ВТО. В связи с этим возникает следующая серьезная проблема: обеспечение конкурентоспособности нашей обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства на собственных рынках, где происходит активный рост импортных товаров с более низкими издержками производства. Также из-за усиления угрозы национальной экономической безопасности страны возрастает необходимость структурной перестройки пропорций народного хозяйства для обеспечения самостоятельного расширенного воспроизводства. *Второе обстоятельство*, требующее актуализации научного интереса к межотраслевому балансу, — курс на научное определение среднесрочной и долгосрочной социально-экономической перспективы России. Отсюда вытекает необходимость конструирования «дорожной карты» поэтапного стратегического развития страны и «структурной схемы» межотраслевых и межрегиональных связей на каждом этапе. Российская экономика — не плановая, а рыночная, поэтому и методы ее государственного регулирования не директивно-плановые, а планово-рыночные (сочетание государственно-правовых и рыноч-

ных регуляторов на базе частного и частнокорпоративного хозяйствования). Перед такой «смешанной» экономикой, не завершившей еще переходный период и по международным стандартам относящейся к странам со становящейся рыночной экономикой, стоят две ключевые задачи: 1) избавление от *сырьевого перекоса* в ее ориентации; 2) приоритет в решении *социальных проблем*.

Чтобы решить данные задачи, необходима структурная перестройка пропорций. Для этого нужен межотраслевой перелив капитальных инвестиций.

Капитализм выработал механизм такой миграции капиталов. Это — межотраслевая конкуренция за более прибыльное приложение капитала, слияние и поглощение капиталов, приводящие к росту концентрации капитала и производства, его диверсификации при посредстве кредитно-банковской системы и фондового рынка. В нынешней экономике России подобный механизм еще не сформировался. Поэтому функция макроэкономических структурных преобразований в системе пропорций может осуществляться только при участии государства. Конституция РФ определяет Российское государство как *социальное*, что требует от правительства (понимаемого в широком смысле) активного выполнения функции *социального ориентирования экономики*. Социальная сфера (здравоохранение, образование, культура), как и домашние хозяйства, прямо и в полном объеме не включаются в межотраслевой баланс, отражающий взаимосвязи материального производства. Возможно, следует искать методы отражения услуг этих сфер и домашнего хозяйства в некоей интегральной форме результатов общенационального производства. Такой вопрос поднимается, например, в рекомендациях международной комиссии Дж. Стиглица. С этим, видимо, связано и решение вопроса о включении в межотраслевой баланс отраслей социальной сферы.

В.Н. Черковец подчеркнул, что метод «затраты—выпуск» также должен найти место как в классическом, так и в неоклассическом направлениях *теории общественного воспроизводства в рамках общей экономической теории, политической экономии*. Перед теорией прежде всего стоит задача разобраться в формах национального продукта, выражающих результаты общественного производства и являющихся источником роста национального богатства в его материальном макроэкономическом измерении. Какие-то из этих форм уже применяются (в частности, в различных схемах модели В.В. Леонтьева, у советских авторов) или могут быть применены, например: валовой (совокупный) общественный продукт, валовой внутренний продукт, конечный общественный продукт с различной конструкцией, национальный доход в различной интерпретации и др. Также остаются дискуссионными вопросы определения и измерения форм существования и затрат прошлого и живого

труда, учитываемых в межотраслевых балансах. С этой точки зрения полезно было бы выяснить, какие затраты труда использует В.В. Леонтьев, каково его отношение к трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, теории воспроизводства общественного капитала К. Маркса.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в большинстве западных учебников «Экономикс» модель В.В. Леонтьева или вообще замалчивается, или освещается крайне поверхностно («между прочим»), а его имя иногда упоминается в приложениях или в сносках. Очевидно, что представители мейнстрима не хотят включать его в свои ряды. Такое же отношение к В.В. Леонтьеву и его модели отмечается и в известных книгах по истории экономической мысли. Например, М. Блауг в своей «Ретроспективе экономической мысли» шесть раз упоминает имя В.В. Леонтьева по разным поводам, но ни разу не упоминает его межотраслевую таблицу. Неоднозначным было отношение к В.В. Леонтьеву и его балансовой таблице и в советской учебной и научной литературе, хотя причины тому были разные. В постсоветских российских учебниках по макроэкономике, написанных в рамках неоклассического синтеза, тема межотраслевого баланса вообще отсутствует.

Выступавший далее с основным докладом проблемной группы **А.С. Диесперов** сообщил, что анализ и численный расчет по модели В.В. Леонтьева «затраты–выпуск» он выполнил в целях выяснения ряда спорных вопросов, возникающих в научной литературе по поводу этой модели. Существует, например, мнение о наличии прямой связи модели В.В. Леонтьева с известными схемами воспроизводства К. Маркса. Несомненно, связь есть, но важнее разобрать имеющиеся различия. В схемах К. Маркса рассматриваются обмены между двумя подразделениями общественного производства результатами *создания* продуктов (потребительных стоимостей и *образования* стоимости (включая новую стоимость и перенесенную старую). В модели В.В. Леонтьева (и ЦЭМИ АН СССР) отражается создание продукта и только новой стоимости, что соответствует, полагает А.С. Диесперов, «догме» А. Смита. В модели В.В. Леонтьева исключается стоимость запасов предметов труда на начало года и амортизация. Представляемая докладчиком экспериментальная проверка модели базируется на численном примере межотраслевого баланса, в котором взаимодействие отраслей поясняется В.В. Леонтьевым с помощью двух таблиц.

Упрощенный пример одной из таких таблиц, описывающей трехсекторную экономику в течение фиксированного периода времени, приведен ниже (табл. 1). В качестве трех секторов взяты сельское хозяйство, промышленность и сектор домашних хозяйств. Девять чисел (матрица 3×3), составляющих основное содержание таблицы, характеризуют межсекторные потоки. Строки таблицы

описывают распределение продукции между секторами, в столбцах приведены затраты секторов на производство соответствующей продукции.

Таблица 1

Упрощенная таблица межотраслевого баланса трехсекторной экономики³

Секторы	Сектор 1 «Сельское хозяйство»	Сектор 2 «Промышленность»	Сектор 3 «Домашнее хозяйство»	Общий выпуск
Сектор 1 «Сельское хозяйство»	25/50	20/40	55/110	100 бушелей зерна/200 долл.
Сектор 2 «Промышленность»	14/70	6/30	30/150	50 ярдов ткани/250 долл.
Сектор 3 «Домашнее хозяйство»	80	180		

В табл. 1 натуральные показатели преобразуются в стоимостные за счет введения цены зерна равной 2 долл. за бушель, цены ткани — 5 долл. за ярд. Натуральный продукт домашних хозяйств заключается в оказании услуг самим себе. В стоимостном же выражении 1 долл. за 1 час труда в домашнем хозяйстве трудящиеся должны получать у самих себя и выплачивать самим себе. Это бессодержательное занятие. Поэтому в дальнейшем В.В. Леонтьев отказывается от учета домашних хозяйств и метод «затраты—выпуск» связывает только с материальным производством.

По мнению докладчика, отраженная В.В. Леонтьевым ситуация в экономике, может рассматриваться как модель трудовой теории стоимости. А.С. Диесперов обосновывает данную мысль тем, что во-первых, в модели В.В. Леонтьева продукт является результатом функционирования только одного фактора — живого труда; во-вторых, труд трактуется как однородный, однокачественный, как простое расходование человеческой рабочей силы безотносительно к сфере ее применения, т.е. абстрактный труд, создающий стоимость товаров, измеряемую общественно необходимым рабочим временем. Именно это и предполагается в приведенном выше примере: для производства определенного количества продуктов обществу необходимо при существующих нормальных условиях затратить определенное количество рабочих дней, которые и определяют величину стоимости произведенных товаров. При таких условиях производится то, что соответствует общественным потребностям. Поэтому в экономике спрос соответствует предложению и цены равны стоимости товаров. В рассматриваемом примере представлено простое воспроизводство. Важно отметить, что в модели

³ См.: *Леонтьев В.* Межотраслевая экономика. М., 1997. С. 23

не предполагается наличие средств производства до процесса производства, т.е. создание продукта отождествляется с созданием стоимости.

Для экспериментальных расчетов, по мнению докладчика, важно выразить соответствующие показатели в затратах труда. Трудоемкость бушеля зерна определяется как $80 \text{ чел./лет} : 100 \text{ бушелей} = 0,8$ единицы труда; яра ткани — $180 \text{ чел./лет} : 50 \text{ яров} = 3,6$ единиц труда. Межотраслевые связи в трудовом выражении представлены в табл. 2.

Таблица 2

Таблица межотраслевого баланса, выраженная в трудовых показателях

Секторы	Сектор 1 «Сельское хозяйство»	Сектор 2 «Промышленность»	Сектор 3 «Домашнее хозяйство»	Общий выпуск
Сектор 1 «Сельское хозяйство»	20	16	44	80
Сектор 2 «Промышленность»	50,4	21,6	108	180
Сектор 3 «Домашнее хозяйство»	80	180		260

На основе этих таблиц В.В. Леонтьев составил матрицы технологических коэффициентов в натуральной и стоимостной формах. А.С. Диесперов добавил сюда матрицу в трудовой форме. В табл. 3 даны матрицы технологических коэффициентов (строки 1–3) и результаты производства (строка 4).

Таблица 3

Сводная таблица матриц технологических коэффициентов и результатов производства

Формы	Натуральная	Стоимостная	Трудовая
1. A (исходная)	0,25 0,40 0,14 0,12	0,25 0,16 0,35 0,12	0,25 0,0889 0,63 0,12
2. $E - A$ (промежуточная)	0,75 -0,4 -0,14 0,88	0,75 -0,16 -0,35 0,88	0,75 -0,0889 -0,63 0,88
3. $1/(E - A)$ (обратная)	1,4569 0,6623 0,2318 1,2417	1,4569 0,2649 0,5795 1,2417	1,4569 0,147 1,0431 1,2417
4. $X = 1 / (E - A) \times Y$ (результаты производства)	$\begin{bmatrix} 100 \\ 50 \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} 200 \\ 250 \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} 80 \\ 180 \end{bmatrix}$

Одинаковость коэффициентов, расположенных на большой диагонали, во всех трех обратных матрицах докладчик объяснил

тем, что эти коэффициенты выражают отношение определенной части целого к самому целому. Например, 25 единиц зерна к 100 единицам зерна и т.д. При любом способе измерения отношения между ними остаются постоянными. Совпадение данных коэффициентов говорит о единстве всех трех форм выражения системы межотраслевых связей — натуральной, стоимостной и трудовой.

Результаты производства в стоимостном выражении равны 200 долл. + 250 долл. = 450 долл. Затраты труда равны 80 ед. труда + 180 ед. труда = 260 ед. труда. В модели В.В. Леонтьева предполагается, что цена 1 ед. труда равна 1 долл. Возникает количественное несоответствие затрат труда и полученных результатов по стоимости. Разница, равная 190 ед., по мнению А.С. Диесперова, возникает в результате повторного счета. Затраты труда на промежуточный продукт считаются дважды: как продукт конкретного труда в первом квадранте межотраслевого баланса и как результат абстрактного труда при образовании стоимости суммированием показателей первого и третьего квадрантов. При суммировании промежуточного и конечного продуктов не учитывается то обстоятельство, что промежуточный продукт потребляется при производстве конечного. Он перестает существовать, иногда вещественно и всегда по стоимости, входя в состав конечного продукта.

Для достижения более реалистичного отображения межотраслевых связей А.С. Диесперов учитывает в модели межотраслевого баланса наличие запасов средств производства до начала года в размере их годового потребления. Модифицированная таким образом модель представлена в табл. 4.

Таблица 4

Упрощенная таблица межотраслевого баланса трехсекторной экономики с учетом запасов

Запасы средств производства на начало года	Секторы	Сектор 1 «Сельское хозяйство»	Сектор 2 «Промышленность»	Общий выпуск	В том числе	
					Возмещение затрат	Сектор 3 «Домашнее хозяйство»
45	Сектор 1 «Сельское хозяйство»	25	20	100	45	55
20	Сектор 2 «Промышленность»	14	6	50	20	30
3	Сектор 3 «Домашнее хозяйство»	80	180			

Расчет общего выпуска по формуле $X = 1/(E - A) \times Y$ дает соответствующий действительности результат. Стоимость валового продукта составляет 200 ед. + 250 ед. = 450 ед., из них 190 ед. — это старая, существовавшая до процесса производства стоимость, а 260 ед. — вновь созданная текущим трудом стоимость.

В заключение А.С. Диесперов сформулировал основные выводы, которые позволил сделать выполненный им экспериментальный расчет модели В.В. Леонтьева. По его мнению, во-первых, для большего соответствия действительности в модели межотраслевого баланса необходимо учитывать запасы средств производства на начало года. В этом случае модель отражает процесс образования всей стоимости продукта. Во-вторых, в связи с различиями в подходах к определению полных затрат труда, промежуточного, конечного и совокупного продукта необходимо уточнять их содержание и способы измерения. По предположению А.С. Диесперова, промежуточный продукт в межотраслевом балансе не может суммироваться с конечным в силу того, что он потреблен и более не существует в реальности, т.е. равен нулю. *Совокупный продукт в результате оказывается равным конечному продукту.*

После представления центрального доклада «Экономические расчеты по модели “затраты—выпуск” В.В. Леонтьева» последовало его обсуждение.

А.И. Московский (канд. экон. наук, доцент, МГУ) поддержал позицию докладчика о возможности продуктивного согласования подходов теории воспроизводства общественного капитала с понятием совокупного общественного продукта в качестве результата воспроизводства, межотраслевого баланса и модели «затраты — выпуск» В.В. Леонтьева. Предложенные в докладе уточнения, касающиеся соотношения промежуточного и конечного продукта, могут быть полезны для анализа состояния современной российской экономики. Разные выражения общественного продукта, представленные в этих формах, не противостоят, а взаимно дополняют друг друга. Такое согласование, по мнению А.И. Московского, может быть осуществлено на основе двойственности процесса труда, которую А.С. Диесперов отметил, но недостаточно акцентировал. Смысл двойственности заключается в том, что конкретный труд, создающий потребительную стоимость и обеспечивающий сохранение старой стоимости, и абстрактный труд, создающий новую стоимость, осуществляются одновременно. Это обстоятельство «угасает» в готовом результате труда, что создает проблемы выражения всего совокупного общественного продукта в частях готового продукта. Идея двойственности процесса труда как выражение реального процесса труда внутренне присутствует в совокупном общественном продукте К. Маркса. Однако это плохо сознавали и

раньше и еще меньше сознают сегодня. Ни межотраслевой баланс, ни модель В.В. Леонтьева не нуждаются в учете такой предпосылки. Отсюда возникают бесплодные споры относительно противоречий различных способов выражения общественного продукта.

Идея В.И. Маевского (см.: Вопросы экономики, 2010, № 3) о трудностях или даже невозможности найти в частях совокупного общественного продукта «амортизацию станков» в текстильной промышленности родственна по своему происхождению идее «последнего часа» Сениора. В обоих вариантах сохранение старой стоимости и производство новой осуществляются не одновременно, а в разное время рабочего дня, в разное время процесса труда. Главная проблема во всех этих спорах, отметил А.И. Московский, не повторный счет, а уход из поля зрения экономистов проблемы *процесса труда* как безусловного момента экономической реальности и капитализма, и советского социализма. Понимание *двойственного характера* (а может быть, и более многомерного) *процесса труда* таит в себе богатый эвристический потенциал. «Абстрагирование» экономистов от *процесса труда* делает необъяснимыми многие экономические явления.

Р.Т. Зяблук (докт. экон. наук, профессор, МГУ) остановилась на необходимости теоретических исследований проблемы межотраслевого баланса как метода отображения воспроизводства национальной экономики. Гениальное предвидение такого механизма обнаруживается уже в экономической таблице Ф. Кэне, в теории общественного воспроизводства К. Маркса, В. Ленина. Межотраслевой баланс является основным механизмом плановой экономики. Составлению первого пятилетнего плана в нашей стране предшествовал период интенсивных теоретических разработок. Они были обобщены в ряде публикаций, в частности в статье В.В. Леонтьева «Баланс народного хозяйства СССР» (1925). Разработку данной проблемы В.В. Леонтьев завершил в своем фундаментальном труде, на котором и основаны расчеты А.С. Диесперова.

Но это не означало исчерпания проблемы вообще.

Советские экономисты изучали ее непрерывно. Экономисты-математики, в частности, разрабатывали способы оптимизации межотраслевых связей и построения системы оптимальных планов. Наиболее перспективной, по мнению Р.Т. Зяблук, является *модель общественного разделения труда В.С. Немчинова*. Она состоит из пяти субмоделей. Опорной является балансовая *продуктивно-трудова* субмодель, близкая к модели Дмитриева–Леонтьева; центральной — субмодель общественно необходимых затрат труда, где итеративным методом устанавливаются полные затраты труда промежуточного, конечного и совокупного продукта. Оптимизация полных затрат определяет общественно необходимые затраты

труда — основу системы плановых расчетов в модели. Практическое применение метод межотраслевого баланса нашел в государственном регулировании смешанной экономики некоторых стран (Япония, Франция).

Р.Т. Зяблюк отметила, что в докладе представлены дискуссионные точки построения межотраслевых балансов. Прежде всего это относится к формам количественного выражения результатов общественного производства. Заслужой расчетов, выполненных докладчиком на основе модели В.В. Леонтьева, является добавление к двум формам измерения результатов производства (натуральной и ценовой), третьей — трудовой. Эта форма при принятых в модели предпосылках отражает стоимость продуктов. Выступавшая подчеркнула, что позитивным аспектом доклада является отказ от учета домашнего хозяйства в межотраслевых связях, который приводит к абсурду (выплаты зарплаты самим себе) в расчетах. В модели В.В. Леонтьева и в расчетах А.С. Диесперова межотраслевые связи охватывают только материальное производство. По мнению Р.Т. Зяблюк, модель «затраты—выпуск» концептуально близка к трудовой теории стоимости.

Далее Р.Т. Зяблюк конкретизировала аналитические возможности межотраслевого баланса, что проясняет проблему повторного счета и форм выражения произведенного продукта. Межотраслевой баланс позволяет описать внутриотраслевое потребление, т.е. промежуточный продукт; межотраслевое потребление; конечный продукт и совокупный общественный продукт. Межотраслевой баланс дает возможность измерить каждую из форм. Три формы продукта зависят от окаймления матрицы технологических коэффициентов прямых затрат $\| AiJ \|$. Включение в матрицу амортизации удаляет повторный счет в определении конечного продукта ($Y = X - AX$, где Y — конечный продукт; X — совокупный общественный продукт; AX — промежуточный продукт). В представленном докладе совокупный общественный продукт оказался излишней формой, поскольку при создании Y исчезает натуральная форма AX . По мнению Р.Т. Зяблюк, с этим согласиться трудно. Потребление AX ведет к превращению его потребительной стоимости в иную потребительную стоимость, но не к ее исчезновению, как при простом физическом уничтожении. Именно поэтому конкретный труд сохраняет стоимость AX , перенося ее на конечный продукт. В противном случае перенос стоимости был бы невозможен. *Приравнивание промежуточного продукта к нулю адекватно признанию работы добывающей промышленности, станкостроения и др. бесполезной.* Промежуточный продукт в советский период составлял около половины валового продукта. Сейчас его доля возросла. Результат экономики в форме совокупного общественного про-

дукта, включающий повторный счет, подчеркнула Р.Т. Зяблюк, отражает действительные отношения экономики. Без него невозможен анализ межотраслевых связей в экономике. Величина AX служит показателем производительности труда на макроуровне. Ее динамика отражает состояние технического прогресса. Сокращение промежуточного продукта происходит в результате технологических инноваций, его рост является следствием технической и отраслевой деградации. Отказ от этой формы продукта и от совокупного общественного продукта в результате затрудняет отражение общественного воспроизводства и процесс управления им.

Выступавший далее **Н.К. Водомеров** (*докт. экон. наук, профессор, Институт международных отношений (г. Химки, МО)*) подверг критике содержащуюся в докладе трактовку трудовой теории стоимости. По его мнению, докладчик не различает процесс создания продукта и процесс создания стоимости товара. Факторами *производства продукта* являются не только труд (личный фактор), но и средства производства (вещественный фактор). *Стоимость* же создается только трудом. Кроме того, считает Н.К. Водомеров, докладчик не видит различий между процессом *создания новой стоимости* и процессом *формирования стоимости* товара. Это проявляется в том, что при рассмотрении таблиц межотраслевого баланса он отождествляет затраты живого труда со стоимостью товара. В модели межотраслевого баланса в качестве стоимости товаров обычно рассматриваются полные затраты труда. В докладе же вектор t отождествляется со стоимостью. По мнению Н.К. Водомерова, трудно согласиться с выводом докладчика о логической ошибке модели межотраслевого баланса, согласно которой осуществляется «сложение» промежуточного продукта с конечным, в результате чего получается валовой общественный продукт. В модели межотраслевого баланса речь идет не о «сложении» промежуточного и конечного продуктов, а о структуре использования валового продукта (строки МОБ), или о структуре его стоимости (столбцы МОБ). Суммарная стоимость валовых продуктов всех отраслей в модели межотраслевого баланса, подчеркнул Н.К. Водомеров, включает повторный счет. Но это объясняется не логической ошибкой, как полагает докладчик А.С. Диесперов, а *особенностями реального процесса формирования стоимости* (стоимость затраченных средств производства переносится на стоимость товаров).

В.М. Кульков (*докт. экон. наук, профессор, МГУ*) обратил внимание на следующий момент: соответствие модели межотраслевого баланса особенностям российской экономики. По его мнению, в модели нужно делать акцент на пропорциях реального сектора экономики. Включение в сферу анализа национального продукта

промежуточного потребления, что присуще и межотраслевому балансу, и расчету совокупного общественного продукта в советской политэкономии и статистике, позволяет выделить важный воспроизводственный аспект, особенно необходимый для *понимания специфики экономики России*. Он состоит в необходимости учета традиционно высокой ресурсоемкости отечественного производства, вызванной не только низким ресурсосбережением в стране, но и особыми природно-климатическими и географическими условиями. Указанный аспект отвечает задачам современной российской экономики, которая нацелена на повышение эффективности использования ресурсов и проведение сильной структурной (промышленной) политики. В этой связи не следует делать самоцелью устранение повторного счета в национальном продукте. Существует ряд специфических черт национального воспроизводства и структуры российского ВВП⁴, которые требуют учитывать повторный счет при определении валового продукта.

Р.П. Малахинова (канд. экон. наук, доцент, МГУ) в выступлении остановилась на приоритетности отечественной школы сводных экономических расчетов при анализе народного хозяйства и при их практическом применении. По ее мнению, баланс народного хозяйства СССР 1923–24 гг. и предположительный баланс 1924–25 гг. в основном разрешили методологические вопросы их системного строения. Принципиальная новизна первых балансов народного хозяйства СССР в сравнении с американским и английским цензами состояла в попытке охватить цифрами не только производство, но и распределение общественного продукта в целях получения общей картины всего процесса воспроизводства⁵. Сопоставляя баланс народного хозяйства и систему национальных счетов, выступавшая отметила, что исторически и содержательно — это две разные модели исчисления годовых результатов. Различные методологические подходы, теоретические источники и экономическая реальность предопределили характерные черты обобщающих показателей баланса народного хозяйства (показатели общественного продукта) и системы национальных счетов (доходные показатели). Баланс народного хозяйства описывает экономический процесс со стороны его материальной основы. Поэтому данные о валовой продукции являются полезными для анализа *действительной структуры народного хозяйства*, что признавалось еще В.В. Леонтьевым. В новой экономической реальности необходимо использовать межотраслевой баланс для измерения макроэкономических агрегатов.

⁴ См.: *Кульков В.М.* Российская экономическая модель. М., 2009. С. 91–93.

⁵ *Плановое хозяйство. 1925.* № 12.

Н.И. Титова (*канд. экон. наук, доцент, МГУ*) обратила внимание на то, что противоположность подходов к результатам общественного воспроизводства с точки зрения марксистской и других западных теорий не следует абсолютизировать. Если рассматривать общественный продукт с позиции потребительной стоимости и конкретных видов труда, то становится очевидно, что противоречия между различными подходами не существует. Представляется возможным использовать позитивные наработки в системе национальных счетов для расширения совокупности показателей общественного продукта. Совокупность показателей общественного продукта показывает реальные результаты воспроизводства. Для экономики России чрезвычайно важным является определение совокупного общественного продукта и его промежуточного продукта. ВВП как совокупность конечных товаров и услуг и конечный общественный продукт могут дать представление о соотношении в экономике России материального производства и сферы услуг. С точки зрения вещественного содержания вряд ли правомерно сводить конечный продукт к национальному доходу (что прозвучало в докладе А.С. Диесперова). Конечный продукт включает в отличие от национального дохода амортизацию, что в вещественной форме соответствует созданию средств производства вместо изношенных. Для российской экономики, где степень износа основных фондов очень велика, учет этих показателей становится крайне актуальным.

Завершавший дискуссии **Л.М. Ипполитов** (*канд. экон. наук, доцент, Московский открытый гуманитарный университет*) затронул следующий вопрос: современные западные экономисты редко обращаются к модели межотраслевого баланса («затраты—выпуск»). В курсах экономикс она практически не встречается. Исключение составляет книга К. Макконнелла и С. Брю «Экономикс», где метод «затраты—выпуск» рассматривается в разделе микроэкономикс в связи с анализом общего равновесия рыночной системы. По мнению выступавшего, это связано с тем, что практически все курсы экономикс методологически выдержаны в духе неоклассического синтеза. В рамках данной традиции государственное регулирование экономики по своему содержанию сводится к тому, чтобы дополнять и корректировать рыночную систему преимущественно методами бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политики. Ни структурной политики как целенаправленного воздействия государства на национальную экономику, ни макроэкономического прогнозирования, ни индикативного планирования на макроуровне неоклассический синтез не предусматривает. Метод межотраслевого баланса, отметил Л.М. Ипполитов, по своему практическо-

му смыслу и назначению является инструментом структурной (промышленной) политики. В этом качестве он использовался в таких странах, как Франция и Япония (в учебнике «Политическая экономия» (1995) Р. Бара, быв. премьер-министра Франции, содержится подробная характеристика метода «затраты—выпуск» и его практического применения). В современной России метод межотраслевого баланса вновь приобретает актуальность, во-первых, из-за необходимости структурной модернизации экономики, во-вторых, из-за вступления страны в ВТО, что таит потенциальные угрозы для отечественных промышленности и сельского хозяйства. В связи с этим межотраслевой баланс, заключил Л.М. Ипполитов, может стать действенным методом анализа структуры национальной политики и ее целенаправленной трансформации, инструментом политики селективного протекционизма.

Подвел итог работы семинара **В.Н. Черковец**. Он подчеркнул, что отмеченная на семинаре недооценка западными учеными-экономистами модели межотраслевого баланса и роли В.В. Леонтьева в ее первоначальной разработке в виде таблицы «затраты—выпуск» существует и в настоящее время. Данная тенденция отмечается и в России. Отечественные авторы экономикс следуют, судя по всему, примеру С. Фишера⁶ и Г. Мэнкью⁷, которые в своих трудах даже не упоминают межотраслевой баланс В.В. Леонтьева. Некоторый интерес к Леонтьевской модели проявили только К. Макконнелл и С. Брю. В своем учебнике «Экономикс» они упоминают о «практической важности межотраслевой балансовой таблицы», обязанной «в большой степени своим происхождением Василию Леонтьеву», в прогнозировании и планировании экономики, ссылаясь в качестве примера на Госплан СССР. Такой фрагмент помещен в главе 32 «Общее равновесие: рыночная система и ее функционирование» учебника, связывая идею баланса с теорией общего равновесия П. Вальраса, не называя, однако, его имени, как и имени К. Маркса — автора схем простого и расширенного воспроизводства общественного капитала⁸. Однако авторы «Экономикс» не утруждают себя анализом таблиц В.В. Леонтьева хотя бы на предмет выяснения их отношения к трудовой теории стоимости и теории предельной полезности. Так, для иллюстрации метода они приводят таблицу (табл. 5), из которой видно, что общий объем производства пяти отраслей по *стоимости* равен суммарным затратам *труда* всех отраслей материального производства, а сфера услуг вообще не включена в предмет рассмотрения.

⁶ См.: Фишер С. Economics. М., 1993.

⁷ См.: Мэнкью Г. Макроэкономика: Учебник. М., 1994.

⁸ Макконнелл К., Брю С. Экономикс. М., 1992. С. 195.

Упрощенная таблица затрат и результатов (гипотетические данные)

Производящие сектора производства	Потребляющие, или использующие, сектора					
	(1) Металл	(2) Машины	(3) Топливо	(4) Сельское хозяйство	(5) Домовое хозяйство	(6) Общий (труд) объем
(1) Металл	10	65	10	5	10	100
(2) Машины	40	25	35	75	25	200
(3) Топливо	15	5	5	5	20	50
(4) Сельское хозяйство	15	10	50	50	525	650
(5) Труд (домохозяйства)	100	200	100	550	50	1000

Источник: Макконнелл К., Брю С. Экономикс. М., 1993. 11-е изд. Т. 2. С. 195; *Leontief W. Input–Output Economics // Scientific American. 1951. October. Vol. 185. P. 15–21.*

Представленная таблица, по мнению В.Н. Черковца, дает основание признать В.В. Леонтьева сторонником трудового подхода к измерению макрореличин общественного производства. Здесь действительно можно увидеть близость концепции В.В. Леонтьева к трудовой теории стоимости и одну из причин его непопулярности в неоклассических научных работах.

Кроме того, в 1989 г., будучи гостем редакции газеты «Правда», В.В. Леонтьев по сути подтвердил свою приверженность трудовой теории стоимости К. Маркса. Отвечая на заданные ему вопросы, он отметил, что этой теории не хватает только учета затрат на использование даров природы и расходов на поддержание экологической среды⁹. Однако понятно, что такая «добавка» в самом принципе определения стоимостной субстанции ничего не меняет.

Далее В.Н. Черковец обратил внимание на то, что нужно определить, какое место в истории разработки межотраслевого баланса народного хозяйства занимает таблица В.В. Леонтьева? Баланс народного хозяйства СССР за 1923–24 гг. был разработан в 1925 г. под руководством управляющего ЦСУ СССР П.И. Попова на основе теории воспроизводства общественного капитала К. Маркса, спроецированной на советскую экономику переходного периода с учетом ее социальной специфики. Это была исторически первая, отражающая практическую реальность модель межотраслевого баланса в масштабе страны. В.В. Леонтьев, в то время студент Ле-

⁹ Правда. 1989. 27 февр. № 58 (25776).

нинградского университета, опубликовал статью с обзором работы ЦСУ в журнале «Плановое хозяйство» (1925. № 12), в которой дал высокую оценку указанному балансу, уподобив его знаменитой экономической таблице Ф. Кенэ, которая была преобразована К. Марксом. «Принципиально новым, — написал Леонтьев, — в этом балансе... является попытка охватить цифрами не только производство, но и распределение общественного продукта, чтобы таким путем получить общую картину всего процесса воспроизводства в форме некоторого *tableau economique*»¹⁰. В.В. Леонтьев ничего не сказал о теории воспроизводства К. Маркса с ее схемами из II тома «Капитала». Эта теория, разделив общественное производство на два подразделения и сформулировав условия, при которых может бесперебойно осуществляться реализация всех частей совокупного общественного продукта и продолжаться процесс простого и расширенного воспроизводства, расширила и усовершенствовала идею Ф. Кенэ. Именно концепция воспроизводства К. Маркса, заключающая в себе идею обмена продуктами не только между двумя крупными подразделениями, но и между множеством отраслей, производящих разные потребительные стоимости, дала В.В. Леонтьеву теоретическую основу для создания таблицы «затраты—выпуск», а первый баланс народного хозяйства подсказал конкретный путь к решению этой задачи.

На Западе В.В. Леонтьев стал первым, кто представил анализ структуры американской экономики, применив метод “input—output”, усовершенствованный с помощью линейной алгебры и других разделов математики. Однако, подчеркнул В.Н. Черковец, он не использовал в своей модели идею двойственного характера труда и принципы структуры Марксовых схем воспроизводства с делением совокупного товара по характеру потребления и по стоимости на $C + V + M$, что позволило показать формирование фондов возмещения потребленных средств производства (в том числе амортизационного фонда), личного потребления и создаваемого за счет прибавочной стоимости фонда накопления для расширения производства в новом периоде. Историк Э. Жамс утверждал, что модель В.В. Леонтьева напоминает таблицу Ф. Кенэ (а не К. Маркса!) и характеризуется «статичностью», использованием неизменяющихся технологических коэффициентов. Таким образом, полагает В.Н. Черковец, можно считать, что таблица В.В. Леонтьева, хотя и базируется на анализе К. Маркса и исходит из той же отправной точки, что и концепция воспроизводства К. Маркса, — из модели Ф. Кенэ¹¹, скорее, представляет другой вариант решения проблемы.

¹⁰ Цит. по: История экономических учений / Под ред. В.С. Автономова. М., 2000.

¹¹ Эту модель К. Маркс назвал «идеей, бесспорно самой гениальной из всех, какие только выдвинула до сего времени политическая экономия» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 345).

В.Н. Черковец отметил, что есть еще одно концептуальное различие между схемами К. Маркса и таблицей В.В. Леонтьева, которое озвучил на семинаре А.С. Диесперов и которое вызвало большую полемику среди присутствующих: так называемый повторный счет. Как известно, валовой (совокупный) общественный продукт суммирует годовые результаты обоих подразделений, включая произведенные и потребленные в пределах годового цикла полуфабрикаты и предметы труда, получившие позднее наименование «промежуточные затраты», или «промежуточный продукт». Эта часть валового годового продукта непременно входит в межотраслевой баланс, иначе теряется значительная часть воспроизводственных связей. Однако уже в комментариях к первому балансу народного хозяйства СССР в 1925 г. В.В. Леонтьев критически отнесся к совокупному общественному продукту как реальному годовому результату производства, поскольку он содержит повторный счет. Эту мысль он повторил и на упомянутой выше встрече в редакции газеты «Правды», приведя свою таблицу 1925 г. (табл. 6).

Таблица 6

Первая таблица «затраты—выпуск» В.В. Леонтьева

Ступени	Издержки	Чистый продукт	Валовой продукт
I	2	1	3
II	3	4	7
III	7	5	12
Сумма	12	10	22

Повторный счет $3 + 7 = 10$.

Реальный валовой продукт $2 + 10 = 12$.

Соглашаясь с тем, что «сумма валового оборота (22) имеет научный смысл для определенных целей», В.В. Леонтьев вместе с тем заявил, что «расчеты экономического роста, производительности труда и других качественных показателей на такой базе искажаются, как в кривом зеркале». Таким образом, В.В. Леонтьев, с одной стороны, понимал, что без повторного счета нельзя составить картину *всего комплекса межотраслевых связей*, с другой стороны — он не без оснований полагал, что совокупный общественный продукт не вполне подходящий индикатор *для измерения эффективности* производства за данный период времени. Однако, по мнению В.Н. Черковца, последнее не дает оснований для того, чтобы отказываться воспринимать совокупный общественный продукт в качестве *реального* валового продукта. Речь может идти лишь о *двух раз-*

ных формах реального результата. «Каждой форме — свое». В этом смысле А.С. Диесперов идет дальше В.В. Леонтьева, говоря о недопустимости рассмотрения совокупного (валового) общественного продукта как некоей интегральной суммы конечного и промежуточного продукта и, стало быть, о тождественности совокупного (валового) общественного продукта и конечного общественного продукта, поскольку промежуточный продукт по своей потребительной стоимости исчезает в конечном продукте. Тем самым А.С. Диесперов игнорирует наличие двух разных аспектов в рассмотрении производства как системы общественного разделения труда, где в каждом звене затрачивается реальный конкретный труд и создается реальный продукт; как единого предприятия («единой фабрики»), которое в начале года располагает определенными запасами средств производства, а в конце года подсчитывает конечный результат своей деятельности, сравнивая его с тем, что было вначале.

Можно предположить, считает В.Н. Черковец, что под реальным валовым продуктом В.В. Леонтьев понимал введенную позднее категорию конечного общественного продукта (или конечного продукта), не учитывающую промежуточный продукт, но учитывающую амортизацию основного капитала (стоимость износа средств труда), с той, однако, разницей, что в его таблице постоянный капитал представлен только оборотной частью (предметами труда), поэтому проблема амортизации отсутствует. Кроме того, таблица В.В. Леонтьева имеет дело только с материальным производством и, следовательно, не отражает результаты сферы услуг, как и модель *конечного общественного продукта*, применявшаяся в научных расчетах советских экономистов ($KOP = Сам + V + M$). Фактически указанная формула идентична неоклассической конструкции валового внутреннего продукта из системы национальных счетов. Она трактуется как *добавленная стоимость*, т.е. добавленная к стоимости (точнее — к цене) потребленного запаса предметов труда. У В.В. Леонтьева, поскольку нет элемента амортизации, эта формула фактически превращена в формулу *национального дохода* в марксистской интерпретации $V + M$, отражающую, по классической трудовой теории стоимости, *вновь созданную живым трудом стоимость*. По неоклассической версии, это чистый национальный доход, отличающийся от валового национального дохода на величину амортизации с той лишь особенностью, что, по сравнению с классической политической экономией, включает каким-то образом рассчитанный вклад сферы услуг. На базе такой стоимостной (ценовой) конструкции и строится упрощенный межотраслевой баланс по таблице В.В. Леонтьева.

В данной связи, по мнению В.Н. Черковца, нельзя не заметить следующее. Некоторые российские авторы, использующие ритори-

ку трудовой теории стоимости и теории простого воспроизводства капитала К. Маркса, не могут понять механизм переноса стоимости основного капитала (амортизация) на продукт (хотя перенос стоимости предметов труда у них не вызывает сомнений, поскольку сырье становится вещественной субстанцией продукта). Машина же в такую субстанцию не превращается. Так, В.И. Маевский в статье «Воспроизводство основного капитала и экономическая теория» (Вопросы экономики. 2010. № 3), полагает, что стоимость износа средств труда (машин) *исчезает* по мере их физического износа. Его цену бухгалтер добавляет к цене продукта, а эквивалент стоимости амортизации создается вновь абстрактным трудом на предприятии, где производится данный продукт. Но В.И. Маевский не обратил внимания на то, что в «Капитале» К. Маркс специально отметил особенности переноса стоимости различных элементов средств производства на продукт. Особая роль орудия труда, инструмента, машины состоит в том, что они, являясь продолжением рук человека, *формируют* особым образом ту бесформенную субстанцию, которую предоставляет предмет труда. Придание ей формы полезного для потребления продукта, определенной потребительной стоимости и является каналом, по которому перетекает в продукт ранее овеществленный кристалл прошлого труда. У В.И. Маевского вся полная стоимость продукта, за непонятным исключением стоимости сырья, есть *новая стоимость*, состоящая не из $V + M$, а из $C1 + V + M$, где $C1$ — эквивалент стоимости износа примененного основного капитала. В.И. Маевский полемизирует с теорией простого воспроизводства основного капитала К. Маркса, согласно которой стоимость основного капитала не воспроизводится подобно стоимости рабочей силы, т.е. не создается как новая стоимость в продукте, получаемом при участии этого капитала, а сохраняется конкретным трудом, создающим новую потребительную стоимость. Вряд ли можно утверждать обратное. Ткач, например, не может создавать стоимость ткацкого станка, потому что станок производится в другой отрасли — машиностроении. Создание стоимости происходит там, где создается данная потребительная стоимость. Но ткань — не машина.

Исходный методологический пункт расхождения В.И. Маевского с К. Марксом состоит в том, что К. Маркс начинает анализ основного капитала как части постоянного капитала в шестой главе I тома, где выясняет его отношение к производству прибавочной стоимости и воспроизводству капитала вообще, затем рассматривает особенности воспроизводства основного капитала во втором отделе II тома «Капитала» на уровне *индивидуального* капитала, где вопрос о взаимосвязях и пропорциях отраслей общественного

производства не рассматривается. Напротив, на уровне *общественного* капитала (третий отдел II тома) вопрос о том, где создается новая стоимость и как работает механизм переноса на продукт стоимости применяемых средств производства, о структуре полной стоимости продукта и ее частях не возникает, так как здесь главная проблема заключается в реализации всех частей совокупного общественного продукта (товара) по потребительной стоимости и стоимости. В.И. Маевский же соединил две разные проблемы в одну на уровне воспроизводства общественного капитала. Он реконструирует схемы воспроизводства К. Маркса, исключив из них весь промежуточный продукт (модель ВВП без услуг), что не соответствует Марксовой модели совокупного общественного продукта. Каждый автор имеет, разумеется, право на разработку собственной концепции. Но заявляемая В.И. Маевским дальнейшая разработка Марксовой теории простого воспроизводства основного капитала не имеет никакого отношения к представленной им концепции.

В Советском Союзе научная (НИЭИ Госплана СССР, ЦЭМИ АН СССР) и практическая (Госплан и ЦСУ СССР) разработка межотраслевых балансов разных видов (после длительного перерыва в 1930–1940-е гг.) широко развернулась во второй половине 1950-х гг. Первый на этом этапе *межотраслевой баланс производства и распределения совокупного общественного продукта* был разработан за 1959 г. по всему народному хозяйству в денежном выражении (по 83 отраслям материального производства) и в натуральных показателях (157 наименований продуктов). Во всех последующих разработках балансов народного хозяйства первым и центральным разделом являлся именно баланс *совокупного общественного продукта*, который дифференцировался и балансировался с двух сторон: доходной, т.е. со стороны его источников, и расходной, т.е. как он используется. Стоимость его производства складывалась из текущих материальных затрат в форме перенесенной стоимости предметов труда, а также путем формирования стоимости конечного общественного продукта в виде амортизации и доходов трудящихся, чистых доходов предприятий, централизованного чистого дохода государства, т.е. аналогично схеме формирования ВВП с учетом промежуточного продукта (конечный общественный продукт + промежуточный продукт). Эта сторона баланса, по мнению В.Н. Черковца, может быть представлена и по классической формуле $Сам + Соб. к + V + M$. Расходная же сторона состоит из частей совокупного общественного продукта, разделяющихся по их использованию для простого и расширенного воспроизводства (включая не только конечное, но и промежуточное потребление) на фон-

ды возмещения, непроеизводственного потребления и накопления. Таким образом, и с расходной стороны совокупный общественный продукт равен сумме конечного общественного продукта и промежуточного продукта. Без учета промежуточного продукта баланс, показывающий межотраслевые связи в комплексном виде, не получится ни на практике, ни в теории. Таблица В.В. Леонтьева тоже не может быть представлена без отображения в ней промежуточного производства.

По мнению В.Н. Черковца, из состоявшейся на семинаре дискуссии по поводу доклада А.С. Диесперова можно сделать два основных вывода-рекомендации.

1. Обмен мнениями со ссылками на специфические реальные проблемы экономического развития России указывает на необходимость введения в научную, статистическую и планово-прогностическую практику дополнительно к системе ОКВЭД обновленной системы ОКОНХ. Это необходимо не только ради углубленных разработок межотраслевого баланса. Без названной системы невозможно изучать и управлять динамикой отраслевой структуры народного хозяйства, что сегодня особенно актуально для нашей страны. С научной точки зрения межотраслевой баланс — это инструмент познания «анатомии и физиологии» экономической системы, закономерностей происходящего в ее организме «кровообращения». Экономикс как направление экономической теории привязан к рыночной конъюнктуре, поэтому межотраслевые экономические связи находятся вне его интересов. Но не только внутристрановой народно-хозяйственный комплекс требует все большего контроля за его перестроениями и сдвигами со стороны государства. Все актуальней становится вопрос разработки *глобально-мирового межотраслевого баланса*. В.В. Леонтьев попытался совершить прорыв и в этом направлении, подтвердив высокую научную репутацию новатора. Его нобелевская лекция, прочитанная 11 декабря 1973 г., была посвящена следующей теме: «Структура мировой экономики. Опыт анализа “затраты—выпуск”».

2. Проблема межотраслевого баланса как существенный раздел теории воспроизводства и экономического роста, методология его теоретической разработки и объяснение его научного смысла должны занять подобающее место в учебниках не только по статистике, экономико-математическим методам, экономической кибернетике, конкретной макроэкономике, но и по общей экономической теории, политической экономии, макроэкономической теории.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М.А. Слудковская¹,

канд. экон. наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.

ФИНАНСОВАЯ НАУКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ²

Статья содержит рецензию на монографию Ю.В. Базулина, С.А. Белозерова, А.Л. Дмитриева и др. «Финансовая наука в Санкт-Петербурге: Исторические очерки» (2012), в которой представлен вклад петербургских и ленинградских ученых в развитие отечественной науки о финансах.

Ключевые слова: финансы, теории финансов, история финансовой науки, Санкт-Петербургский университет.

Article contains the review of monography “Financial science in St. Petersburg: historical sketches” (2012) (Bazulin Yu.V., Belozerov S.A., Dmitriev A.L. authors) in which the contribution of the Petersburg and Leningrad scientists to development of domestic science about finance is presented.

Key words: finance, theories of finance, history of financial science, St. Petersburg University.

В последние годы в мире вообще и в России в частности пытаются найти выход из финансового кризиса, все большее внимание уделяется финансовой сфере. Это делает обращение к такой важной составляющей экономической науки как изучение финансов чрезвычайно актуальным. Многие идеи и методы их исследования родились несколько столетий назад. Поэтому весьма интересно проследить становление и развитие данных идей на примере отечественной финансовой науки.

Подобную задачу поставил перед собой авторский коллектив монографии «Финансовая наука в Санкт-Петербурге: Исторические очерки», возглавляемый доктором экономических наук профессором Валерием Викторовичем Ковалевым. Эта работа заявлена как продолжение вышедших ранее монографий «Очерки по истории финансовой науки» (2010), «Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет» (2009), «Финансовая наука в Санкт-Петербургском университете» (2006)³.

Рецензируемая монография включает: предисловие декана экономического факультета О.Л. Марганя, введение, написанное В.В. Ковалевым, 12 статей и небольшое приложение (справочные сведения об авторах).

¹ Слудковская Майя Анатольевна, тел.: +7 (916) 670-82-96; e-mail: mopi@yandex.ru

² Базулин Ю.В., Белозеров С.А., Дмитриев А.Л. и др. Финансовая наука в Санкт-Петербурге: Исторические очерки / Под ред. В.В. Ковалева. М., 2012.

³ Очерки по истории финансовой науки / Под ред. В.В. Ковалева. М., 2010.; Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет / Под ред. В.В. Ковалева. М., 2009.; Финансовая наука в Санкт-Петербургском университете / Под ред. В.В. Иванова, В.В. Ковалева, С.А. Белозерова. СПб., 2006.

Вообще, структура рецензируемой монографии является безусловным достоинством издания. Первые статьи задают вектор рассмотрения: от общего к частному.

Первую часть монографии открывают три эссе В.В. Ковалева: «*Финансовая наука в исторической ретроспективе*», «*Финансовая наука в России (XVII–XIX вв.)*», «*Эволюция финансовой науки в Санкт-Петербургском университете*», два из которых (первый и третий) в сжатом виде представляют результаты исследований, изложенных в книге «*Очерки по истории финансовой науки*». По мнению автора рецензии, это имеет практическое значение. Тот, кто прочитал ранее книгу «*Очерки по истории финансовой науки*», может освежить в памяти сделанные в ней выводы, а тот, кто знакомится с данной темой впервые, получает возможность полноценно ознакомиться с исследованием.

В.В. Ковалев в первом эссе раскрыл историю зарождения и развития финансовой науки, эволюцию ее предметной области, современное состояние и перспективы в общемировом масштабе. Он выделил две стадии становления науки: *классическую теорию финансов* (уделяла основное внимание роли государства) и *неоклассическую теорию финансов* (делала акцент на финансовой сфере частного сектора).

К сожалению, формат публикации не позволил достаточно подробно представить ранних деятелей финансового мира. Особо отмечена роль Церкви в становлении финансовой практики в европейских государствах (Ф. Аквинский, орден тамплиеров), но многие мыслители лишь перечислены (итальянские ученые, английские философы). В эссе только упомянут «Трактат о происхождении, природе, юридическом основании и изменении денег», написанный *Никола Оремом (Орезмом)*⁴ — одним из родоначальников современной экономической, в том числе и финансовой, науки. Он утверждал, что деньги, возникшие для удобства товарообмена, принадлежат общности людей, для которой были созданы, а не королю, чей портрет на монете, а также показал процесс и причины превращения золота и серебра в денежные металлы. Как сторонник денежной стабильности Н. Орем считается предшественником современных монетаристов. Он резко выступал против порчи денег не столько из моральных принципов, как Ф. Аквинский, сколько с экономических, поскольку девальвация денег затрудняет сделки, подрывает торговлю и кредит, обесценивает доходы.

Меркантилисты, активно занимавшиеся финансовой политикой (сюринтендант финансов Генриха IV в 1599–1610 гг. *Максимильен де Бетюн герцог Солли* (1560–1641) реорганизовал систему откупов, провел монетную реформу, увеличил косвенные налоги и уменьшил талью; первый министр Людовика XIII кардинал *Арман Жан дю Плесси герцог Ришелье* (1585–1642) провел финансовые реформы; первый министр Людовика XIV генеральный контролер финансов *Жан-Батист Кольбер* (1619–1683) сумел уменьшить государственный долг) — вообще не упомянуты в эссе, хотя именно их деятельность давала материал для умозаключений теоретиков.

⁴ Nicolas Oresme — во французской транскрипции, Nikolaus d'Oresme — в латинской.

В.В. Ковалев говорит в очерке о Жане Бодене, но, по мнению автора рецензии, нельзя не отдать должное его оппоненту по «количественному спору» *Жану Шеррюе, господину де Малеструа* (15??–16??), королевскому советнику и члену Счетной палаты, который в своих «*Парадоксах...*» делал вывод о том, что резкое повышение цен во Франции идет наперекор общественному мнению и вызвано понижением стоимости расчетной валюты в реальных деньгах (выраженных в весе ценных металлов). Продолжив традицию, начатую Н. Оремом, Ж.Ш. Малеструа не побоялся обвинить в общем подорожании неправильную королевскую политику, связанную с денежными манипуляциями.

Самый большой вклад в становление классической теории финансов внесли немецкие ученые XVIII–XIX вв. Среди них В.В. Ковалев отметил таких специалистов камеральных наук, как И. Юсти и Й. Зонненфельс.

В первом эссе автор продемонстрировал процесс формирования *неоклассической теории финансов*, который основывался на анализе изменений, происходивших в реальной экономической жизни в первой половине XIX в. (активизация деятельности акционерных обществ, финансовых рынков, фондовых бирж, интернационализация рынков капитала и т.п.). Выделив тезисы, на которых базируется неоклассическая теория финансов, В.В. Ковалев определил ее как систему знаний об организации и управлении финансовой триадой (ресурсы, договоры, рынки) и, что очень важно, сделал акцент на концептуальной связи с основами маржиналистской теории. Необходимо отметить, что этот раздел в указанном эссе носит глубоко научный характер. В нем показаны фундаментальные аспекты обновленной финансовой теории, в хронологическом порядке перечислены ученые, их разрабатывавшие.

Далее профессор В.В. Ковалев сузил предмет исследования и рассмотрел российскую традицию и перспективы науки о финансах в современной России, подчеркнув ее неотделимость от общемировых тенденций. Главная задача отечественной науки — преодолеть отставания от Запада.

Данный раздел стал мостиком для перехода к следующему очерку: «Финансовая наука в России (XVII–XIX вв.)». Здесь В.В. Ковалев показал, как, опираясь на достижения западных исследователей, русские ученые создавали национальную финансовую школу. Однако в очерке не совсем корректно отражены хронологические рамки, заявленные в названии. Так, в первой части эссе приведены высказывания российских профессоров XIX в. В.А. Лебедева, Л.В. Ходского, И.И. Янжула и других специалистов по финансовому праву о предметной сущности науки о финансах, зарождавшейся на юридических факультетах ведущих университетов Российской империи, о ее месте в системе экономических наук; рассмотрены монографии Х. Шлецера и Н.И. Тургенева, где краеугольным камнем являлась теория налогов, также вышедшие в XIX в. Во второй части очерка заметное место уделено выдающемуся ученому эпохи Екатерины Великой С.Е. Десницкому, размышлявшему о финансовой организации государства. Представители же XVII в. Ю.М. Крижанич и Г.К. Котошихин только упомянуты (дана биографическая справка в сносках). Возможно, следовало чуть подробнее остановиться на заслугах данных авторов.

В этом же эссе В.В. Ковалев совершенно справедливо отметил, что все интересные разработки остались в дореволюционной эпохе. В советский период они перестали быть востребованы, так как кардинально изменился предмет исследования — государственные финансы в условиях центрально управляемой экономики. В западных странах пошли совершенно по другому пути: на первое место выдвигался микроэкономический анализ, постепенно возникла новая категория финансов — корпоративные финансы. Чтобы сократить возникшую к 1990-м гг. пропасть между Россией и Западом, отечественным экономистам необходимо не только изучить зарубежный опыт, но и предложить способы его адаптации и применения в наших реалиях.

Следующее эссе В.В. Ковалева имеет еще более узкую тему — развитие финансовой науки в Санкт-Петербургском университете. Нельзя не согласиться с автором очерка в том, что актуальной проблемой для России является снижение качества образования. Существует множество учреждений, называющих себя университетами, которые выдают огромное количество дипломов. Учебных заведений, действительно занимающихся наукой и улучшением на ее основе учебных программ, не так много, а имеющих проверенные временем традиции вообще единицы. К последним относится Санкт-Петербургский университет, который, возродившись в 1819 г., стал быстро догонять Московский университет и превратился к середине XIX в. в центр самых передовых научных изысканий и учебных дисциплин.

Финансовая наука в Санкт-Петербургском университете, как и в Московском, сначала входила в курс политэкономии, для преподавания которой использовались преимущественно иностранные труды по экономике. С 1836 г. на юридическом факультете доктор прав **Александр Иванович Кранихфельд**, возглавив кафедру законов о государственной повинности и финансах, стал читать курс финансового законодательства. Чуть раньше московский ординарный профессор **Николай Семенович Васильев** начал преподавать (с 1835 по 1845 г.) законы о государственных повинностях и финансах.

Преподавание финансового права поднялось на новый уровень, когда стали появляться самостоятельные, а не переводные, труды по этой дисциплине. В рецензируемом очерке первенство в данной области отдано перешедшему в Санкт-Петербургский университет из Казанского университета ординарному профессору финансового права **Василию Александровичу Лебедеву**, издавшему в 1882 г. весьма обширный курс финансового права на русском языке. Но следует заметить, что он не был единственным. Еще в 1840-е гг. вышла работа профессора политической экономии и статистики **Ивана Яковлевича Горлова** (также был профессором сначала Казанского, а потом Санкт-Петербургского университета) «*Теория финансов*» (Казань, 1841; СПб., 1845), а 1865 г. — профессора Московского университета кафедры финансового права **Федора Богдановича Мильгаузена** «*Финансовое право*» (М., 1865). Ученик последнего **Иван Иванович Янжул**, став ординарным профессором указанной выше кафедры, одним из первых организовал в Московском университете практические занятия по финансовому праву, которые пользовались большой популярностью, так

же как и его интересные лекции с привлечением актуального материала из реальной экономической жизни. Кроме того, он способствовал росту финансовой грамотности, ежегодно выступая с публичными лекциями в Москве и иногда в Санкт-Петербурге. И.И. Янжул — автор множества научных, публицистических и учебных работ, в том числе неоднократно переиздававшегося учебника по финансовому праву «*Основные начала финансовой науки*» (СПб., 1890). Кроме этого, известный юрист и общественный деятель, а с 1889 г. профессор полицейского права в Московском университете **Иван Трофимович Тарасов** выпустил «*Очерк науки финансового права*» (Ярославль, 1883). В начале XX в. профессор Московского университета кафедры финансового права **Иван Христофорович Озеров** издал целый ряд работ, посвященных новой экономической дисциплине: «*О приемах изучения финансовой науки*» (М., 1903); «*Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада*» (М., 1904); «*Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века*» (М., 1905); «*Финансовое право. Вып. I. Учение об обыкновенных доходах*», «*Вып. II: Бюджет, местные финансы, государственный кредит*» (М., 1905). В течение нескольких лет он также вел обозрение по экономическим и финансовым вопросам в журнале «Русская мысль».

Следует отметить, что учебные пособия по финансовому праву выходили не только в столичных вузах. Так, положительные отзывы получил «*Курс финансового права*» (Казань, 1888) **Дмитрия Михайловича Львова**, профессора финансового права Казанского университета. Автор работ по аграрным вопросам и финансовой политике профессор Харьковского университета **Петр Петрович Мигулин**, читавший курс торгового, а затем финансового права, стал в 1914 г. членом совета министра финансов.

Все это свидетельствует о включении финансового права в учебные планы столичных и региональных вузов (в 1880-е гг. были открыты кафедры финансового права в Казанском и Новороссийском (Одесском) университетах).

Таким образом выдающиеся ученые и преподаватели разных университетов создавали во второй половине XIX в. русскую национальную финансовую школу.

Но вернемся непосредственно к рассматриваемой монографии. Объектом ее исследования, как следует из названия, является только Санкт-Петербург. Поэтому вторая часть монографии (9 статей) посвящена его представителям⁵. Авторы работы исходя из понимания роли личности в истории показывают формирование отечественной науки о финансах посредством изучения вклада выдающихся ученых и практиков, служивших в Санкт-Петербурге в дореволюционное время и в Петрограде — Ленинграде в первой половине прошлого века.

Вторая часть монографии начинается с интеллектуальной биографии **Николая Христиановича Бунге**. Это самая большая статья сборника, что вполне объяснимо. Н.Х. Бунге сделал головокружительную карьеру, вершиной которой был пост министра финансов. Профессор Сергей

⁵ К сожалению, далеко не все упомянутые в обобщающем очерке университетские профессора, создававшие науку о финансах, вошли в сборник (нет В.А. Лебедева, А.А. Исаева, И.И. Кауфмана и Л.В. Ходского).

Анатольевич Белозеров и его аспирант Алексей Александрович Лупырь предприняли попытку реабилитировать этого ученого, преподавателя, публициста и государственного деятеля, которого в советское время не только недооценили, но и обвинили в ретроградстве и несущественности его вклада в экономическую теорию.

В очерке подробно рассказывается о семье, блестящих успехах в учебе, педагогическом таланте Н.Х. Бунге, о том, как после окончания Киевского университета, защитив диссертацию, он стал ординарным профессором кафедры политической экономии и статистики, а в 36 лет был назначен ректором. Параллельно анализируются научные и публицистические работы Н.Х. Бунге, его активная деятельность в различных государственных комитетах и комиссиях (по крестьянскому вопросу — финансовая комиссия по подготовке реформы 1861 г.; по проблемам образования — обсуждение нового университетского устава 1863 г.), а также на посту управляющего Киевского отделения Государственного банка. Действительно, во второй половине XIX в. Н.Х. Бунге в правительственных кругах считался одним из самых авторитетных ученых-экономистов. Именно ему поручили читать лекции по финансам и политической экономии старшему сыну Александра II цесаревичу Николаю, а через два десятилетия он преподавал и будущему императору Николаю II.

В течение шести лет (1881—1886) Н.Х. Бунге управлял Министерством финансов, что совпало с весьма тяжелым периодом в жизни страны (последствия Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; неурожайные годы). В 1880-е гг. появились негативные оценки его деятельности. Так, И.Т. Тарасов написал ряд статей для «Московских ведомостей», направленных против финансовой политики Н.Х. Бунге и его предшественника А.А. Абазы. Тем не менее авторы эссе С.А. Белозеров и А.А. Лупырь назвали Н.Х. Бунге реформатором российской финансово-экономической политики в части ее демократизации и европеизации. Будучи широко эрудированным ученым, знакомым с реалиями других стран, он попытался приблизить бюджет царской России к бюджету западных государств. Можно с уверенностью утверждать, что он подготовил почву для будущих преобразований С.Ю. Витте.

В очерке Антона Леонидовича Дмитриева и Елены Николаевны Чебаненко о профессоре Санкт-Петербургского университета **Павле Ивановиче Георгиевском** прежде всего проанализированы его экономико-статистические работы. В магистерской диссертации «*Международная хлебная торговля*» он ратовал за отмену запретительных барьеров и за развитие международной специализации стран. Также П.И. Георгиевский внес огромный вклад в изучение проблем железных дорог. А.Л. Дмитриев и Е.Н. Чебаненко отметили его правоту относительно призыва к государственному управлению этой отрасли (конечно, не революционным путем экспроприации, а через национализацию с возмещением убытков частным собственникам).

Самые же главные заслуги П.И. Георгиевского связаны со становлением российской государственной статистики. Он занимался статистикой и как ученый и как государственный деятель. Однако после Октябрьской революции его имя было вычеркнуто из анналов этого направления эко-

номической науки, так как антиреволюционеры и эмигранты не могли упоминаться в советской литературе⁶. Как известно, П.И. Георгиевский был последовательным противником социалистических идей, за что подвергался обструкции студентов и либерально настроенных преподавателей. На наш взгляд, данный очерк был бы еще более интересен, если бы авторы показали реакцию общественности на приведенные в нем высказывания П.И. Георгиевского (например, о всеобщей воинской повинности; о повышении окладов ученым и профессорам; против назначения Туган-Барановского и т.п.).

Возможно, вызовет некоторые сомнения целесообразность включения в монографию эссе о **Сергее Ивановиче Иловайском** (автор единственного серьезного труда — *«Учебника финансового права»* (1893), который переиздавался 4 раза). На протяжении почти всей жизни экономист жил в Одессе, где служил в Новороссийском университете. Но В.В. Ковалев позиционирует его как питомца Санкт-Петербургского университета и на этом основании рассматривает в ряду петербуржцев, участвовавших в распространении финансовых знаний. Очерк интересен параллелями, проведенными между российскими и зарубежными авторами по некоторым дискуссионным вопросам финансовой науки, и продолжает тематику, начатую в обобщающих эссе.

В следующем очерке, посвященном деятельности **Владимира Ильича Ленина**, показано, как финансовая практика изменяет финансовую теорию. Новые экономические и политические реалии вызвали кардинальный пересмотр основ банковской системы. Автор эссе, Юрий Вилевич Базулин, считает В.И. Ленина, организовавшего ее централизацию, разработчиком алгоритма финансирования реального сектора экономики.

Один из самых интересных очерков сборника написан Владимиром Алексеевичем Улановым о его коллеге-предшественнике магистре физико-математических наук **Болеславе Фомиче Малешевском**, который сделал в Петербурге блестящую карьеру. Сначала он получил чин тайного советника, а впоследствии — действительного статского советника. Б.Ф. Малешевский был помощником С.Ю. Витте, одиннадцатым директором Особенной Канцелярии по кредитной части (существовала с 5 декабря 1824 г. по октябрь 1918 г.), занимая эту высокую должность с 18 июля 1894 г. по 24 марта 1908 г., сенатором. Кроме того он — автор фундаментального труда *«Теория и практика пенсионных касс»* (СПб., 1890). В.А. Уланов, изложив содержание первого тома этой книги, показал, что и сегодняшние публикации подобной тематики используют подходы и методы финансовой математики, заложенные Б.Ф. Малешевским.

Безусловной заслугой автора очерка явился богатый научный аппарат, подробнейшие примечания в сносках, обилие цитат. Хочется отметить еще один момент. В большинстве работ указывается ошибочная дата рож-

⁶ Так, Н.Д. Кондратьев в своей монографии 1918 г. «Рынок хлебов» ни разу не называет имени П.И. Георгиевского, хотя ссылается на данные возглавляемого им до 1914 г. Центрального статистического комитета МВД. Но возможно и другое объяснение замалчивания: Н.Д. Кондратьев не хотел вспоминать того, кто активно выступал против назначения его учителя М.И. Туган-Барановского на пост заведующего кафедрой политической экономии Санкт-Петербургского университета.

дения Б.Ф. Малешевского — 1849 г. В.А. Уланов исправил ошибку, отметив, что Б.Ф. Малешевский родился 6 декабря 1844 г.

В основу очерка А.Л. Дмитриева «**Александр Юльевич Финн-Енотаевский**» легли архивные материалы. В начале века, будучи достаточно известным публицистом, он сотрудничал с журналом «Научное обозрение»⁷. Как неблагодарный марксист, занимавшийся научно-публицистической деятельностью (писал статьи финансово-экономической проблематики, в частности о теории кризисов, изредка читал публичные лекции), до революции А.Ю. Финн-Енотаевский не имел возможности преподавать в вузе (такую возможность позже дала ему советская власть).

Представив главные дореволюционные работы А.Ю. Финна-Енотаевского («*Современное хозяйство России*» (1911), «*Граф Витте как экономист*» (1912)), А.Л. Дмитриев привел его критические высказывания в адрес С.Ю. Витте, М.И. Туган-Барановского, а после революции — В.И. Ленина. Как видно из очерка, сегодняшняя значимость теоретических выводов А.Ю. Финна-Енотаевского несопоставима с вкладом в финансовую науку героев предыдущих эссе. Его книги и статьи, написанные как до революции 1917 г. («*Современное хозяйство России (1890–1910)*», 1911), так и после («*Современное положение мирового хозяйства*», 1920), вызывали обсуждение в научной печати, но были актуальны лишь в момент издания. Тем не менее он был одним из тех, кто в 1920-е гг. формировал советскую науку о финансах, занимаясь теорией денег. К заслугам А.Ю. Финна-Енотаевского можно отнести то, что он публиковал статьи западных авторов, в том числе Г. Касселя и Дж.М. Кейнса.

Личность А.Ю. Финна-Енотаевского, судя по биографическим сведениям А.Л. Дмитриева, была весьма противоречива. В начале очерка рассказано о том, как некоторые большевики считали его предателем за поведение после ареста. В конце приведены архивные материалы, из которых следует, что А.Ю. Финн-Енотаевский не только признался в участии в «Союзном бюро меньшевиков» (в реальности такой организации не существовало), но и обвинил в этом своих коллег, в том числе Н. Кондратьева, В. Базарова, А. Штерна.

Перу А.Л. Дмитриева принадлежит и следующая статья об известном российском экономисте, крупном специалисте в области финансовой науки, видном государственном деятеле **Михаиле Исидоровиче Фридмане** (1875–1921).

Интересны перипетии его судьбы. Изначально М.И. Фридман поступил в Санкт-Петербургский университет, но позже перевелся в Московский университет, где был учеником и последователем академика И.И. Янжула, профессоров А.И. Чупрова, А.А. Мануйлова, И.Х. Озерова и пополнил соответственно ряды представителей московского направле-

⁷ А.Л. Дмитриев не пишет в очерке о несколько странном поведении А.Ю. Финна-Енотаевского после трагической гибели в 1903 г. основателя журнала, ученого-изобретателя Михаила Михайловича Филиппова. Он забрал рукопись М.М. Филиппова с описанием открытия уникального оружия (предположительно, лазерного луча) для копирования, а потом заявил, что сжег ее, боясь обыска (см.: Черненко Г. Удивительное изобретение доктора Филиппова // Тайны XX века. 2008. № 12. С. 6–7).

ния российской науки о финансах. Когда попечитель учебного округа отказался утвердить решение совета факультета о подготовке М.И. Фридмана к званию профессора, он вернулся в Санкт-Петербург и поступил на службу в Политехнический институт, где было создано первое в стране экономическое отделение, считавшееся в начале XX в. оплотом либеральной мысли. Здесь преподавали такие выдающиеся экономисты, как Михаил Иванович Туган-Барановский, Петр Бернгардович Струве, Александр Александрович Чупров и др.

А.Л. Дмитриев показал М.И. Фридмана, читавшего курс финансового права, сторонником социологического направления в финансовой науке (здесь несомненно влияние И.Х. Озерова), который ратовал за отход от принципов немецкой исторической школы и использование в определенной степени марксистской концепции.

Занимаясь проблемой косвенных налогов, М.И. Фридман являлся одним из ведущих специалистов в данной области. Он собрал и проанализировал большой массив статистических данных, отзывов современников на реформу министра финансов С.Ю. Витте. В 1914—1916 гг. М.И. Фридман издал двухтомный фундаментальный труд «Винная монополия в России», посвященный данной реформе, за который получил степень доктора финансового права.

Благодаря своим научным работам М.И. Фридман стал настолько авторитетен, что сделал внушительную карьеру как государственный деятель. После Февральской революции он был назначен начальником Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, но при этом остался в должности профессора Политехнического института. С конца июля 1917 г. М.И. Фридман также занимал пост товарища министра финансов, с которого был уволен сразу после Октябрьской революции за отказ (вместе с коллегами) выдать деньги из Государственного банка. Ранняя смерть (в 45 лет) в 1921 г. избавила его от репрессий, которые, как кажется автору рецензии, непременно его бы коснулись.

Профессор Борис Иванович Соколов представил в монографии советского экономиста **Николая Варлаамовича Цапкина**, биография которого отразила историю нашего государства в советский период: распавшаяся после Гражданской войны родительская семья, карьера экономиста-плановика и партийца-пропагандиста в эпоху индустриализации, организация поставок во время войны из Монгольской Народной Республики, где он служил советником и познакомился с такими историческими деятелями, как Г. Жуков и Ю. Цеденбал, резкий поворот (в ходе «ленинградского дела») от руководства финансовыми органами к преподаванию в Ленинградской финансовой академии. Как профессор Н.В. Цапкин издал несколько серьезных работ, в том числе учебных курсов, посвященных вопросам планирования и управления прежде всего в финансово-кредитной сфере. Наибольшая заслуга Н.В. Цапкина заключалась в попытке сблизить экономическую теорию и хозяйственную практику⁸. Он предла-

⁸ Задачу предложить практические рекомендации для преобразований в экономике страны ставили перед собой такие выдающиеся советские экономисты, как А.Г. Аганбегян, В.В. Новожилов, В.С. Немчинов, Л.В. Канторович, получивший в 1975 г. Нобелевскую премию.

гал управленческие методики, которые, по мнению Б.И. Соколова, могут быть в определенной степени востребованы и в двадцать первом веке. По мнению автора рецензии, необходимо рассматривать труды Н.В. Цапкина в контексте происходящих в то время дискуссий. Так, с середины 1950-х гг. происходили перемены в государственном управлении (создание совнархозов, их закрытие после отставки Н.С. Хрущева, реформа 1965 г.), которые обсуждались в советской экономической литературе. Н.В. Цапкин был среди тех, кто достаточно критично высказывался о некоторых процессах, происходивших в управлении производством, и ратовал за совершенствование деятельности органов планирования⁹.

Б.И. Соколов описал в очерке и человеческие качества Н.В. Цапкина, который не на словах, а на деле проповедовал социалистические идеалы (яркий и, как справедливо замечает автор, мало кому понятный, особенно сейчас, тому пример — просьба поменять предоставленную огромную квартиру в престижном районе на меньшую по площади). Вообще, эссе отличает стремление провести сравнение реалий недавнего прошлого с сегодняшним днем.

В качестве безусловного плюса данного очерка следует назвать также сноски с подробным описанием фактов, которые современным молодым читателям могут быть неизвестны («ленинградское дело», Общество «Знание»).

Биография Н.В. Цапкина перекликается с биографией выдающегося экономиста и востоковеда **Виктора Морицевича Штейна**, о котором написано завершающее сборник эссе Леонида Дмитриевича Широкограда¹⁰. К сожалению, жизненный путь В.М. Штейна дан очень кратко. За рамками очерка остались весьма интересные детали его биографии. Так, в 1922 г. В.М. Штейн был арестован как «ученый с буржуазным мировоззрением», но благодаря амнистии избежал высылки из СССР. Хотя он заведовал кафедрой экономики и истории стран Востока Ленинградского восточного института и был профессором ЛГУ, «своим» для власти не стал (в 1930 г. был на некоторое время арестован, в 1932 г. за «теоретические ошибки» уволен, но вскоре восстановлен). Доктор экономических наук В.М. Штейн во время блокады год провел в Ленинграде, затем вместе с ЛГУ был эвакуирован в Саратов, где занимался сравнительным исследованием экономической мысли Древнего Китая и Древней Греции, а также изучал экономические взгляды русских революционеров-демократов Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена. После Великой Отечественной войны в 1946—1949 гг. он занимал должность декана восточного факультета ЛГУ, был профессором географического и политико-экономического факультетов. В связи с «ленинградским делом», в котором одним из главных обвиняемых проходил ректор ЛГУ А.А. Вознесенский, 1 сентября 1949 г. В.М. Штейн был арестован, а 16 декабря 1950 г. осужден по печально знаменитой 58-й статье на 10 лет ИТЛ. Он отбывал срок до 1955 г. в Шиткин-

⁹ См.: *Цапкин Н., Грункин М.* Совершенствовать руководство промышленностью. Л., 1963.

¹⁰ Он тоже несколько раз бывал в Монголии, помогая проводить в 1920-е гг. экономические реформы, и его коснулось (правда, гораздо сильнее) «ленинградское дело».

ском лагере Иркутской области. После этого отошел от экономической науки и занимался в основном востоковедением, возглавляя в 1956—1962 гг. Дальневосточный кабинет Института востоковедения АН СССР.

Не представлены в эссе и труды, созданные В.М. Штейном в советский период (автор очерка отсылает читателя к своим работам 2005 г., где научная концепция экономиста В.М. Штейна рассмотрена гораздо подробнее). Но профессор Л.Д. Широкоград сделал своей целью анализ дореволюционных работ В.М. Штейна. В тот период молодому ученому не надо было приспособливаться к суровым ограничениям социалистической идеологии, поэтому в данных трудах отражены его истинные воззрения. Специалист в вопросах денежного обращения, В.М. Штейн предвидел негативные последствия неправильной финансовой политики не только в эпоху Первой мировой войны, но и в 1990-е гг. Важнейшим фактором производства он считал частного предпринимателя; анализировал кризис экономики Российской империи и неспособность Временного правительства его преодолеть. В.М. Штейн ратовал за рыночные методы и отвергал социалистические, являясь, как справедливо заметил Л.Д. Широкоград, представителем русской буржуазии. Разумеется, с такими взглядами существовать в советской экономической науке ему было весьма непросто.

Завершая рецензирование, следует сказать следующее: нельзя не согласиться с авторами монографии в том, что петербургские и ленинградские ученые внесли существенный вклад в развитие отечественной науки о финансах. Сомневающимся в том, будет ли исследование, касающееся отдельно взятого учебного заведения, интересно широкой аудитории, нужно помнить, что Санкт-Петербургский университет с момента открытия (за исключением черных страниц его истории) являлся лидером (вместе с Московским университетом) всей российской науки. Знакомясь с представленными в монографии очерками, современные исследователи смогут не только узнать о предшественниках, изучавших те или иные аспекты финансового права, бухгалтерского учета, проблем денежного обращения и кредита, о предпосылках уже известных концепций, но найти новые для себя нюансы в этих вопросах. Данный исторический обзор будет чрезвычайно полезен студентам, магистрам, аспирантам. Его следует использовать в общем курсе «История экономических учений» и в спецкурсах соответствующей тематики.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 6. ЭКОНОМИКА» в 2012 году**

	№	С.
<i>Экономическая теория</i>		
Агабеков С.И. Концентрация человеческого капитала — фактор инновационного роста	4	21
Белоусов В.Д., Бирюков В.А. Попытка отмены денег в годы военного коммунизма	2	25
Бузгалин А.В., Колганов А.И., Московский А.И. Марксизм и институционализм: сравнительное исследование	5	3
Восколович Н.А. Специфика формирования доступности платных потребительских услуг.	3	3
Гасратян К.М. Этика человеческой деятельности и благосостояние	1	3
Иванов В.В. Нормы кооперации и функционирования государства	6	19
Коваленко А.А. Новый подход к управлению инновациями	6	39
Колесов В.П. Назревшие проблемы модернизации высшей школы.	6	3
Котляров И.Д. Сущность услуги как экономического блага	5	19
Ларионова Н.И. Экономический подход к социальному капиталу.	5	35
Малая Е.С. Секьюритизация как финансовая инновация в современной мировой экономике	1	13
Мусаев Р.А., Суворов П.А. Методологические основы применения метода «затраты—выпуск» для оценки эффективности мер государственного регулирования экономики	6	29
Пенкина С.В., Пенкина И.А. Развитие российского рынка секьюритизации ипотечных кредитов.	4	3
Хаханов Ю.М. Межорганизационное сотрудничество — стратегия альянсов	1	20
Холодков В.В. Новое качество экономического роста в России	4	13
Черковец В.Н. К системе обоснования макрорезультатов общественного производства	2	3
Шацкая И.В. Социальная функция высшего образования.	4	36
<i>Экономика зарубежных стран</i>		
Арешкина А.С. Антикризисное регулирование экономики в странах ЕС: особенности современного этапа	4	46
Белова Л.Г. Институты как конкурентное преимущество инновационного развития зарубежных стран и институциональные проблемы России	4	55

Жакипбеков Д.С. Налоговая учетная политика как основа организации налогового учета в Республике Казахстан	4	66
Кузнецов Е.А. Современные проблемы и тенденции формирования рынка энергоносителей в АСЕАН	1	37
Мазурова Е.К. Антикризисное регулирование Международного валютного фонда	3	12
Патрон П.А. Долговой кризис еврозоны: причины и пути преодоления	5	45
Тарханова Л.Б. Экономический анализ морской интегрированной политики европейских прибрежных государств	5	67
Траченко М.Б. Проблемы адаптации в России мирового опыта внедрения бюджетирования, ориентированного на результат	1	47
Файзуллоев М.К. Перспективы инновационно-технологического развития Республики Таджикистан	1	57
Чугаева Л.С. Методы государственного регулирования рынка венчурного капитала в развитых и развивающихся странах на примере США, Бразилии и России	6	47

Отраслевая и региональная экономика

Базыленко Т.Ю. Развитие предпринимательства и занятости как направление деятельности государственной службы занятости	3	40
Березюк В.И. Внутренний контроль и аудит в условиях мирового кризиса – необходимость для компании	3	65
Бобров А.Л., Юзбеков М.А. Природоохранная деятельность деревообрабатывающего производства	5	98
Гаврилова А.А. Механизм конкуренции и ценообразования на мировом рынке нефти	2	54
Гайдук В.И., Багмут С.В. Формирование оптового продовольственного рынка региона	5	77
Зиновьева И.С. Оценка ущерба от лесных пожаров	4	88
Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Формирование «нового населения» в свете концепции четвертого демографического перехода	4	75
Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Анализ упущенной экономической выгоды от репродуктивных потерь	5	86
Коваленко В.В. Создание саморегулируемых организаций в туризме и их воздействие на туриндустрию через оценку, повышение квалификации и переподготовку кадров	2	35
Костюнин Д.С. Практическое применение модели мультистандартного учета	5	105
Лапин А.Е., Санникова Ю.С. Факторы рецессии в региональной экономике	6	77
Лямина Т.Б. Методы экологизации землепользования в России	6	67
Маньков В.С. Демократизация местного самоуправления и электронное правительство	6	58

Мезенцев Ю.М. Балансовый метод как инструмент регулирования спроса и предложения в молодежном сегменте рынка труда	3	70
Павлова Н.С. Направления совершенствования программы освобождения от ответственности как инструмента антимонопольного регулирования	1	66
Папенков К.В., Никоноров С.М. Теоретические подходы к анализу развития рекреационных зон в регионе	3	21
Савон Д.Ю., Гассий В.В. Региональная инвестиционная политика по охране окружающей среды	2	45
Стеценко А.В., Белокопытова Н.А. Устойчивое лесопользование и «киотские» лесополосы России.	3	56
Ховавко И.Ю. Интернализация внешних эффектов автотранспорта (на примере Москвы)	1	74

Трибуна преподавателя

Антипина О.Н. М.В. Ломоносов о знании	2	104
Герасименко В.В. Новые подходы в преподавании маркетинговых дисциплин на программе бакалавров: курс «Связи с общественностью»	4	96
Грачева М.В. О преподавании курса «Управление проектными рисками» в рамках магистерской программы «Управление проектами».	3	81
Дякин Б.Г. Направления верификации теории международного бизнеса	4	104
Суйц В.П. Проблемы организации и технологии управленческого учета	3	94

Научная жизнь

Белянова А.М., Гудкова Т.В. Кейнсианская доктрина и российский выбор	2	82
Зяблюк Р.Т., Титова Н.И. Межотраслевой баланс на основе модели В. Леонтьева и проблемы воспроизводства в экономике России	6	85
Малахинова Р.П. Циклы Кондратьева и периодические кризисы мировой экономической мысли.	1	85
Теняков И.М. Подходы «Капитала» и экономикс при исследовании общественно-производственных и хозяйственно-институциональных отношений в современной экономике (к 145-летию выхода в свет I тома «Капитала»).	3	103
Тутов Л.А. Научные исследования на экономическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 2011 году	1	103

Критика и библиография

Рязанов В.Т. Макроэкономика как совокупность научных школ.	2	113
Слудковская М.А. Рецензия на монографию «Финансовая наука в Санкт-Петербурге: Исторические очерки»	6	106

**Требования к статьям,
принимаемым к публикации журналом
«Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»**

Представленная в двух экземплярах статья должна соответствовать профилю и научному уровню журнала, быть напечатана в текстовом редакторе Microsoft Word стандартным шрифтом (№ 12) на русском языке на листах формата А4 через полтора (компьютерных) интервала и подписана автором (авторами).

Объем статьи не должен превышать 20 тысяч знаков.

Все данные должны иметь сноски на источник их получения. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

К статье необходимо приложить: аннотацию, содержащую ключевые слова (до 1 стр. на русском и английском языках), и сведения об авторах (фамилия, имя и отчество; место работы, занимаемая должность; ученая степень, звание; служебный и домашний адреса и телефоны), справку с места работы, ксерокопии свидетельств о получении ученой степени и ученого звания. Все эти документы должны быть подписаны автором (авторами).

Необходимо также представить электронный вариант статьи, аннотаций и сведений.

Аспиранты, стажеры, студенты должны представить положительную выписку из решения кафедры.

Невыполнение указанных выше требований в полном объеме является поводом для отказа в приеме материала.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, и авторам сообщается их регистрационный номер.

По принятым к рассмотрению статьям в течение двух недель решается вопрос о потенциальной возможности их публикации. Окончательное решение принимается по результатам обсуждения на редколлегии. Всю информацию о прохождении статьи авторы могут получить по адресу: *119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, МГУ, 3-й корп., факультет экономики, ауд. 326; тел.: +7 (495) 939-28-82.*

Автор дает согласие на воспроизведение на безвозмездной основе в Интернете на сайте экономического факультета МГУ и на сайте НИВЦ МГУ в составе университетской информационной системы «РОССИЯ» электронной версии своей статьи, опубликованной в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика». Автор исходит из понимания, что доступ к университетской информационной системе «РОССИЯ» регламентирован, осуществляется по паролю, контролируется технологическими средствами системы.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам, на них не дается внешняя рецензия. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию. Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей не взимается.